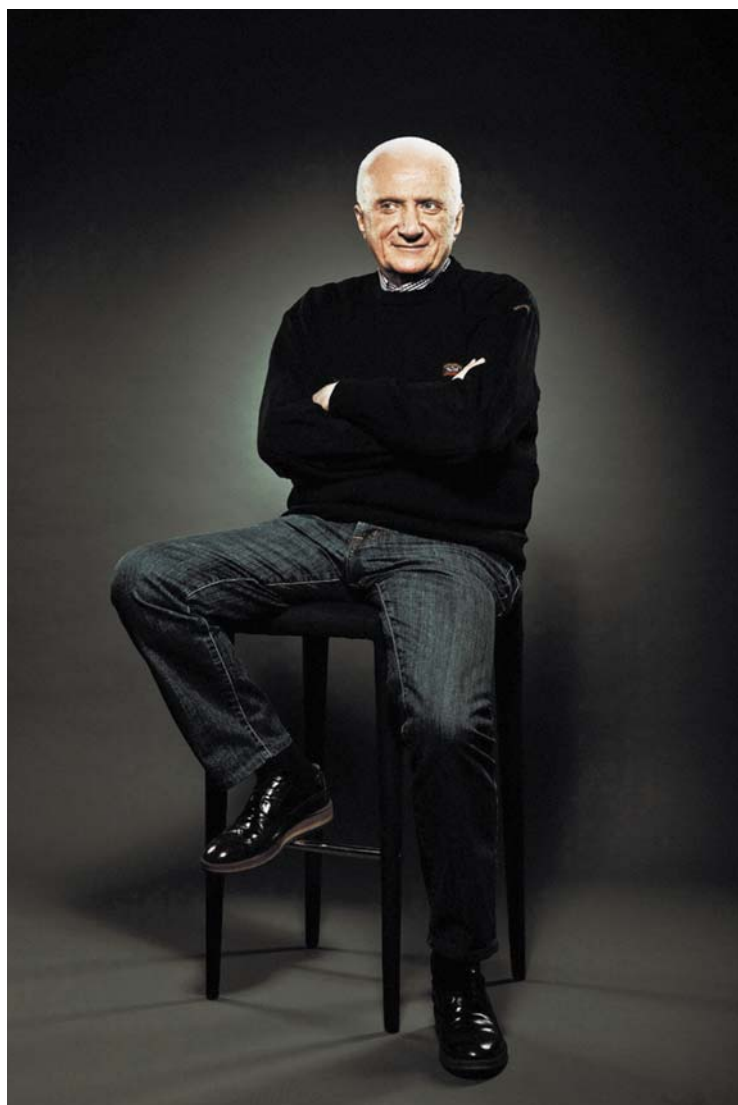

издательский дом
Порог

Александр Потёмкин

СОЛО МОНО

ПУТЕШЕСТВИЕ СОЗНАНИЯ ПОРАЖЕНЦА

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ПОРОГ»
МОСКВА
2017

УДК 82-31
ББК 84(2Рос = Рус)6
П 64

Александр Потёмкин

П 64 Соло Моно. Путешествие сознания пораженца. — М.:
Издательский Дом «ПоРог», 2017. — 360 с.: ил.

ISBN 978-5-902377-55-9

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

Другие книги Александра Потёмкина
вы можете найти в книжных магазинах,
заказать в ИД «ПоРог» по тел.
8 (495) 611-35-11, 8 (917) 546-12-12
или на сайте www.idporog.ru

ISBN 978-5-902377-55-9

© А. Потёмкин, 2017
© Т. Николаюк, обложка, 2017
© Издательский Дом «ПоРог», 2017

УВАЖАЕМЫЕ ДАМЫ И ГОСПОДА, МОЛОДЕЖЬ!

Наверное, вы слышали про IQ? Несмотря на популярность подобного способа измерения интеллекта, его результаты крайне сомнительны. Сегодня (2017 г.) вопрос точности определения интеллектуальных способностей не решен. Рекомендую мировому сообществу более оптимальный, на мой взгляд, вариант оценки интеллекта. Он основывается на интеллектуальном вкладе в развитие мировой цивилизации выдающихся личностей.

Перечислю некоторых из них.

Конфуций — родился в 551 г. до н.э.

Аристотель — 384 г. до н.э.

Ньютон — 1643 г.

Кант — 1724 г.

Бетховен — 1770 г.

Достоевский — 1821 г.

Менделеев — 1834 г.

Планк — 1858 г.

Эйнштейн — 1879 г.

Бор — 1885 г.

Дали — 1904 г.

Гинзбург — 1916 г.

Их вклад в развитие научной, творческой, философской мысли я оцениваю максимальной величиной — 200 НИС, где НИС (higher intelligence consciousness), или «эйч ай си», — показатель высшего выражения сознания.

1 НИС — единица измерения высшего выражения сознания.

Р. С. Конечно, каждый из вас может составить свой список, но масштаб личностей должен быть таким же весомым, как в моем перечне.

АЛЕКСАНДР ПОТЁМКИН

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Если уровень вашего НИС, **higher intelligence consciousness**, или «эйч ай си», в переводе с английского «высшее выражение сознания», меньше чем 100, пожалуйста, не приобретайте эту книгу — вряд ли вы получите удовольствие от ее чтения.

В ней не рассматриваются вопросы любви и ненависти, а также отсутствуют криминальные истории и детективные сюжеты.

Но не спешите выбрасывать книгу в мусорное ведро. Это сочинение может стать для вас пригласительным билетом на сеанс осознанного путешествия по граням внутреннего мира параноидального мыслителя. Возможно, вы откроете для себя новые идеи и убедитесь в торжестве бессмертного разума!

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ПОРОГ»

БЕГСТВО В КАРТИНУ ДАЛИ
О романе Александра Потёмкина
«Соло Моно. Путешествие сознания пораженца»

*Если пог «интеллектуальной литературой»
понимать стиль, который медленно завоевывает мир,
то Александр Потёмкин предложил
свой отказ от старых стандартов*

Роман «Соло Моно» выходит в год столетия Революции 1917-го года — нет сомнения, что в нем тоже содержится тот революционный конструкт, который двигал и художниками той поры. Жажда нового, фантастические футуристические проекты страстного деятеля начала XX века через сто лет нашли у А. Потёмкина «продолжение». И не только в виде интеллектуальной утопии, — в романе есть реальная научная «плоть». В нем размещены новейшие идеи разных областей науки, дана острая критика современного состояния мира, а также злободневная публицистика. Автор смело включил в роман статьи (их пишет герой), актуальная всеохватность которых, быть может, еще через сто лет много скажет жаждущему знания потомку о политических и гуманитарных «буднях» начала XXI века. Напечатав три статьи внутри романа на русском и тут же дав переводы на испанский, английский, немецкий и китайский языки, автор этим приемом вынес роман вообще за скобки принятых литературных норм. А изящные китайские иероглифы смотрятся тут совершенно эстетски.

Перед нами интеллектуальный роман.
Перед нами тотальный роман.

В ожидании Соло Моно

Мне запомнилась реклама американской компании, страхующей жизнь: «Это — первый день жизни, которая вам еще осталась». Звучит почти нагло. Беспардонно бросается в лицо обывателю напоминание о том, что жизнь есть всего лишь «движение к концу». А смерть, в сущности, «лишена содержания». Вот этот самый **мировой обыватель, коллективный герой** и станет вторым «действующим лицом» романа «Соло Моно». А первым? Первым, центральным, героем-идеей будет Федор Михайлович Махоркин (в каждом потёмкинском романе есть «достоевская рефлексия», и хотя этот роман совершенно глобалистский по эстетике, «национальная родинка» на его «лице» все же осталась.).

Огромную мировую идею («свою максиму») — создание сверхразумного, сверхмощного интеллекта «человека нового типа», имя которому «Соло Моно», — продумывает и наконец-то решает воплотить в жизнь тот самый **Махоркин**, фамилия которого звучит несколько нелепо для такой суперзадачи. (Вообще у Потёмкина образы главных героев часто иронически снижены, а внешнее их убожество сильно и намеренно преувеличено.)

Интеллектуальное создание (на основе реальной биологической матрицы) хорошо тем, что его не будут одолевать желания «гомо сапиенса» — «половой инстинкт, желание убивать, гордыня, алчность, кревоугодие». В Соло Моно (как, впрочем, и в самом герое, подготовившем свой разум для такого фундаментального эксперимента) не будет никакой «отвратительной природной порчи, внесенной в биокупаж ... стихийными мутациями».

Соло Моно — это существо, полностью занятое интеллектуальным рациональным содержанием и напрочь лишённое каких-либо чувственных «разнузданных желаний»: *«Соло Моно фактически стало частью моего*

собственного существа; кроме идеи создания жителя Вселенной, в голове моей ничего нет и быть не может».

Соло Моно «должен быть бесполом сверхсуществом». Оно (он) — «хозяин Вселенной», «новый бог», «новый житель Вселенной», подобным которому станет и будущий человек. Он — фантастический кумир, в котором будут радикально исправлены все «погрешности природы». (С помощью нанопикофемтопинцета и сборщика атомов можно будет «собирать» «нового человека» — и как бы фантастично это ни звучало, такую задачу сегодня тоже решают ученые, создавшие уже «сборщики атомов».)

Соло Моно — это явление «созидательного разрушения», при появлении которого в точности так же не учитываются «категории морали», как и при эволюции Вселенной (ведь нынче никто не печалится о «пещерном человеке» и его 15 НИС, полагает герой). И тут Александр Потёмкин дерзко предлагает интеллектуалам, украшенным Нобелевскими премиями, менять ориентиры. Вместо популярного IQ как измерителя интеллекта предлагает новый показатель НИС — «эйч ай си» (higher intelligence consciousness) с предельным значением 200. Таким образом, НИС — единица высшего выражения сознания.

Соло Моно будет обладать интеллектом в 25 тысяч НИС («эйч ай си»), но *«не станет этим пользоваться для корыстных и криминальных целей»*. Хотя, конечно, мировой обыватель общаться с таким сверхсуществом не сможет — слишком разный интеллектуальный ранжир. Впрочем, с Богом нынешний обыватель, как мы знаем, может общаться, а вот с всемогущим Соло Моно — нет.

«Все сбудется! Потому, что это нужно Вселенной!» — уверенность героя вполне тотальна.

В общем, вся эта история с проектированием Соло Моно разворачивается в сознании путешествующего Ма-

хоркина — роман написан монологически, практически как разговор с самим собой, в нем нет даже абзацев и каких-либо вообще композиционных делений.

Путешествие сознания закончится вполне традиционным и очень человеческим вопросом: так есть ли что-то ТАМ, по ту сторону нашего мира и жизни? Если ожидание Соло Моно — это бегство в бессмертие, то финал романа только подтверждает, что есть даже в таком фантастическом поражении и путешественнике, как Махоркин, предчувствие и предвестие Того, Кто больше и Соло Моно.

В пьесе С. Беккета «В ожидании Годо» тоже рассказывается история двух бродяг, проводящих дни в томительном ожидании Годо. Мир им представляется «чудовищной неразберихой», а Годо — некой упорядочивающей его силой. Но гораздо важнее, что само это ожидание становится «универсальной моделью человеческого существования».

Мне представляется, что Соло Моно — идея того же плана. И если русское ухо в **Годо** слышит бесконечно длящийся год, то в соединении **Соло + Моно** (критическое усиление «одного», «единственного») передается как степень надежд героя (Махоркина), так и, смею предположить, уверенность автора романа в пронизывающем наш мир моногамном ожидании тотального изменения человека. Впрочем, ухо улавливает и другое имя — еврейского царя Соломона, что переводится как *шолом* — «мир», в значении «не война», или *шалем* как «совершенный», «цельный». Идея зашкаливающей *единственности* и *отдельности* ассоциативно сопрягается с *совершенным*...

И такое «совершенное» не может не быть не спорным.

Мировой обыватель

Он назван в романе «сивомасковцем». Назван именем маленького городка (поселка городского типа) Сивая Маска (республики Коми), откуда происходит по рождению герой Махоркин, отказавшийся ради своей идеи Соло Мо-

но от любых радостей жизни — «рвать ягодки, читать Пушкина, влюбляться в Машеньку, рожать детей» (от семьи и товарищества, от любви, счастья). Так что его душа для такого рода *«гостеприимства закрыта, даже заколочена крупными гвоздями»*. Презрение к человеку и человеческому в себе — тоже отличительная черта героя (тут автор ухватил актуальный тренд современной культуры вообще).

По сути, перед нами «перевернутое монашество» (по типу «черной мессы») — самоограничение, самодисциплина, аскетизм, но... без Бога. Зато — с Соло Моно...

Именно **сивомасковский обыватель как мировой тип** станет тем «внутренним оппонентом» Махоркина, наблюдения за жизнью которого и привели героя к полному отказу от живой жизни с ее всяческими радостями да наслаждениями (но, конечно, и горестями, и бедами) с одной стороны и к страстному желанию внедрить в мир «совершенного» Соло Моно с фантастическим НИС — с другой (при этом он сам готов сам себя «чистить» и пересоздавать «под Соло Моно». (В сивомасковце нет никаких национальных особенностей, а название — Сивая Маска — выбрано иронично-точно и даже несколько театрально. Ну как тут не вспомнить «Золотую Маску» нашей культуры, так самоуверенно и без достаточных, на мой вкус, оснований противостоящую всякой «Сивой Маске»!)

Сивомасковец в романе — это «единица измерения» современного мирового мещанина-потребителя, его интеллектуальной ограниченности, его нравственной невзыскательности. Сивомасковец распространен (и довольно плотно) по лицу всего земного шара. Сивомасковец «испорчен» стихийными вековыми природными мутациями, а потому в нем доминируют *«половой инстинкт, желание убивать, гордыня, алчность, чревоугодие и прочее. ...Одно из самых уязвимых его мест — это разнузданная гиперсексуальность... Меня жутко раздражает эгоизм граждан Сивой Маски. Моя жена, мой дом,*

моя собака, моя зарплата... Вся реальность становится в их сознании некой собственностью... В форме аллегорий им насаждаются политические и нравственные доктрины, которые совершенно не согласуются с природными возможностями сивомасковцев. Например, тысячелетние призывы делать добро... остаются гласом вопиющего в пустыне». Конечно, для сивомасковцев Соло Моно «будет выглядеть как опасный супермонстр, однако ни при каких обстоятельствах оно не станет вредить им, насмехаться над их интеллектуальной беспомощностью. А если возникнет необходимость, даже окажет поддержку и помощь. Естественно, в необузданном веселье, в разгуле утробных развлечений, в пиршестве, в сексуальной истерии, характерных для времяпрепровождения моих сограждан, он не участник. Все это чуждо высокому интеллекту»... [Выделено мной. — К.К.]

Но с точки зрения сивомасковца, и наш герой, не обладающий ничем «своим» и не ценящий то, что «ценят все», — абсолютный *пораженец* (не случайно в финале путешествия так его и назовет отказывающийся финансировать проект бизнесмен Пенталкин — тоже из породы сивомасковцев).

Если же говорить о тех героях, что встречаются Махоркину во время путешествия по России, то все они — тот «несовершенный мутационный продукт» (убийца, вздорные бабы, горькие пьянички, грубые мужики), который просто вопиет о необходимости интеллектуального усовершенствования (Потёмкина критика не раз обвиняла в потакании идеологии сверхчеловека). Пожалуй, только одна иностранка из клуба «Индивидуалис» в некотором смысле работает на идею Соло Моно. Автор остроумно описывает идеологию аполитичности, акультурности, анаучности. (Члены этого мирового клуба «добровольно покинули цивилизацию»; их кредо — «отрешенность и индивидуализм: жить, ощущая себя части-

цей природы, а не частью социально-трудового ресурса, пусть даже успешного и эффективного общества»; они исключили «из своей жизни секс, амбиции обогащения, желание владеть имуществом», а на клубных встречах радуются только «сценам гармонии в одиночестве»).

Нет сомнения, что НИС этой дамочки — пропагандистки и последовательницы антицивилизации — выше всех прочих встретившихся персонажей, но и он не устраивает путешественника Махоркина...

Цивилизационный разгром

От отрицания сивомасковца как такового герой романа, собственно, приходит к тотальной критике современной цивилизации и учиняет своеобразный «цивилизационный разгром». И мотивы для него находит такие: *«Разве может быть что-либо более страшным, более неприемлемым, чем счастливая и долгая жизнь в должности менеджера по продаже пылесосов, аквариумов, бензина? Торговца кафелем, фруктами, мылом? Или в получении удовольствия от наблюдения за игрой в футбол? Или от примерки и ношения модной одежды? Или от смакования венского шницеля? Тьфу! Тьфу! Гадость! Позор! Проснись, очнись, сивомасковец! Поставь перед собой по-настоящему грандиозные задачи, опережающие века стихийных мутаций! Выпрыгни из своей затюканной индивидуальности, освежи себя космическим ветром, чтобы снести оковы пошлой нынешней цивилизации...».*

Александр Потёмкин расширяет литературное пространство романа тем, что наполняет его исторической памятью человечества. Эта память хранит не только много боли и страданий, но и научных гипотез, мировых открытий. Как много проблем содержит в себе и современность, а истоки их опять-таки часто стоит искать в истории!

Статьи, написанные героем и вмонтированные автором в роман, не лишены действительно свежести взгляда

и точного названия болевых точек современности. Украина, Сирия, развал СССР, Кельн, беженцы, исламисты, коррупция... Но не ради простого узнавания читателем того, что «на слуху» герой пишет свои статьи **«SOS: Где ты, моя религия?»**; **«Евросоюз, обновление стратегии!»**; **«Память — опасный провал»**. Его стратегическая задача иная — по сути, показать миру, что мир **не понимает Мир, не видит** своей «беременности злом». Если для Европы герой (и автор романа, надо полагать) видит выход в формуле «Единая Европа — одно правительство, один закон, одна религия», то для всего мира — напоминание о забытом страхе перед ядерным потенциалом планеты. Если все типы агрессий (политической, религиозной, социальной) захлестнули мир, то и отдельные страны не спасутся. Человек же сегодня стоит «в очереди за жизнью», при том что бесконечно разжигаются в нем *«потребительская несдержанность, с жутким напором навязывающая бессмысленные товары! А ежедневные рекламные атаки на психику, которые при отсутствии необходимых финансов вызывают в массах комплекс неполноценности. А политическая конъюнктурная ложь, льющаяся из всех медийных источников! А мультикультурный радикализм, подавляющий национальное сознание!»*.

Но, пожалуй, самый горький диагноз автора романа нашей цивилизации — это тотальное отсутствие установки на понимание и памятование; это «забывание и забвение» опыта истории (пример с национальной политикой в СССР очень тут показателен).

«Ад непонимания» — он жжет страницы романа, от него вскипает сознание героя.

Дали сознания от Сальвадора Дали

Сальвадор Дали — это третий герой «романа сознания» Александра Потёмкина. В сознании Федора Михайловича Махоркина постоянно возникают сюрреа-

листические картины «великолепного испанца» Дали (1904 — 1979). Это — «Аптекарь из Фигераса, не ищущий абсолютно ничего», «Молодая девственница, развращаемая рогами собственного целомудрия», «Геополитический ребенок, наблюдающий рождение нового человека», «Предвестник смерти», «Ловля тунца», «Невидимый человек», «Критически-параноидальное одиночество», «Нос Наполеона, превратившейся в беременную женщину, которая меланхолично прогуливает свою тень среди руин». Не случайно роман завершает (герой пишет «Предупреждение миру» об искусственном интеллекте) видение картины Дали «Максимальная скорость Мадонны Рафаэля» с рассыпающимся на «атомы» образом.

Именно с Дали в романе связаны *праздники безумств* главного героя, его рефлексии о коммунизме, развале стран и искривлениях мира. Именно Дали стал *творческим резонатором* того интеллектуального полета потёмкинского персонажа, который или открывает «чарующие звуки Вселенной», или во снах, «увитых иррациональными видениями», видит и себя «разъятым» персонажем, созданным фантастическим испанцем («я был весьма уверен, что выгляжу именно по-сальвадорски»).

Собственно, роман Александра Потёмкина — это тоже **картина Дали в слове**. Бесконечное «путешествие в себе» героя романа, как и в истории человеческих интеллектуальных открытий, смотрится примерно так же, как оплавленное, текучее время на фоне пустынного, «голового» пейзажа в работе «Постоянство памяти». Привычный порядок разрушен. Очевидное становится невероятным. И наоборот.

Способность А.Потёмкина к «предельному мыслительному содержанию» выдержать непросто (отчасти и по этой причине запрос на такую литературу — «лютый интеллектуальный террор», как сказал один знакомец, — сегодня очень невелик).

Вечное ожидание своим героем Соло Моно писатель организует в линейной последовательности: день, ночь, дорога, цель. И всякий новый день начинается новым ожиданием, а ожидание постепенно превращается в невыносимое — в пытку сознания. Время, как и у Дали, развоплощено (его реальные очертания мы видим по преимуществу во «встроенных» в роман статьях — своеобразная и крайне модная «публицистика.doc» получилась у автора). Повторение одних и тех же действий и мыслей героем романа создает эффект (опять же как у Дали) опрокинутости в «вечность».

Дали и дали Потёмкин сомкнул.

Композиция романа — линейная структура, упирающаяся в запредельные пространства. И из этой устремленности читатель может сделать свой вывод. Или перед нами стрела пути, демонстрирующего полнейшую бессодержательность жизни. Или указание на то, что жизнь вечна и за «горизонтом».

Весь род людской (мировой обыватель, сивомасковец) собран в роман (в сознании героя). Он «стоит» и «смотрит», как «невероятный фокус умирания» мира, увиденный глазами Александра Потёмкина, для него все еще полон не смерти, но жизни. Ему все еще нравится «рвать ягодки, читать Пушкина, влюбляться в Машеньку, рожать детей». И совсем не бессмысленной видится череда жизней и смертей.

Читатель незаметно для себя переходит на сторону обывателя.

Писатель остается в привычном одиночестве, «меланхолично прогуливая» своего героя среди руин цивилизации.

Капитолина Кокшенёва,
литературный и театральный критик,
доктор филологических наук,
кандидат искусствоведения

СОЛО МОНО

ПУТЕШЕСТВИЕ СОЗНАНИЯ ПОРАЖЕНЦА

Пару дней назад, впрочем, может, даже больше недели, у меня возникла боль — довольно редкое ощущение в моем несовершенном организме. Сегодня я уже точно не помню, что именно меня вдруг беспокоило: нога, рука, голова, живот. Но боль оставалась в памяти. Именно после нее я, сам того не подозревая, впервые задумался, и сейчас меня уже раздражает, почему эта мысль раньше не приходила мне в голову: «А что это такое — я сам?» В паспорте записано всего несколько строк: Федор Михайлович Махоркин, 17.04.1985 года. Место рождения: Сивая Маска, Коми. В зоопарках, вспомнил я, перед клеткой животного столько же строк. Лишь вместо графы «Гражданство» указан биологический вид: волк, медведь, рысь и т.д. «Неужели всё так просто и близко?» — подумал я тогда сквозь боль. И это простенькое озарение стало меня неотступно преследовать и будоражить сознание все последующие дни. Поэтому в каком месте возникла тогда боль, я точно и не вспомню. Ну да, проносится в моей голове, я — это биоинженерный проект, хаотично созданный мутациями. Но что удивительно и непостижимо, на такое примитивное существо, каким является Федор Махоркин, ушло около 8 с половиной миллиардов лет или даже, по другой версии, которая мне более симпатична, аж 27 миллиардов. Хаос — сила, но, видимо, медленная, нерасторопная и редко вполне позитивная. И тут я вдруг задумался над известным вопросом, который меня захватил: если одно возникает из другого, если из неразумного возникает разумное, то из разумного должно возникнуть сверхразумное, а из сверхразумного — сверхсверхраз-

умное, и так далее, до сверхмощных величин интеллекта. Ну, скажем, вначале вместо 75 НИС («эйч ай си», высшее выражение сознания) — средний показатель современного человека, каким является Федор Махоркин, — будет 500, потом 1000 НИС, затем 10 000, еще поколение — и уже 100 000 НИС, затем миллион, и так до 1000 в 99-й степени, а вполне возможно, и более. Ой! Ой! Даже страшно! Значит, если все возникает из своих противоположностей, то меня заменят несколько Махоркиных. Но почему в этих условиях, которые никак не поддаются осмыслению, я должен довериться природному хаосу? Почему сам Федор Махоркин не в состоянии участвовать в создании нового или последующих своих видов, более совершенных и разумных? Почему я сам вопреки природным хаотичным долговременным мутациям не в состоянии чудесным образом собрать нового супер-Махоркина? Тем более если я, Федор Михайлович, не что иное, непостоянное время, пространство и масса! Ведь известно, что взаимодействие тел, а по мне живых существ, объясняется с помощью сил и эффект взаимовлияния зависит исключительно от расстояния между ними. Стало быть, мне прежде всего необходимо найти именно те тела (живые существа), которые станут взаимодействовать с Махоркиным. «Да, верно, — мелькнуло у меня. — Необходимо двинуться в дальнюю дорогу, на юг, в Астрахань, к инвестору. Можно напроситься на встречу с Николаем Пенталкиным. Крупный предприниматель, герой медийных сводок, близок моему мировоззрению. Он способен стать спонсором внедрения в производство моих изобретений. В Сивой Маске людей такого калибра нет, и Махоркину не с кем общаться. Жизнь у нас

обеднела. Снижение моего интереса к ней в последнее время сопровождалось увеличением умственного напряжения. А после знакомства с сочинениями Семена Николаева меня захлестнуло сумасшедшими идеями и проектами». И тут страстное желание проникнуть в сущность своего «я» вдруг самым невероятным образом усилило потребность сложить себя заново. А пришедшая в голову мысль, что загадочная гармония примитивной физиологии Федора Махоркина закладывалась космическим ветром молекулярных пришельцев или, в другой версии, вихревых плясок эфира, смутила меня окончательно. Несмотря на то что я в эту концепцию давно верил, сердце забилось гулко и часто, как испуганная птица в клетке, а сознание стало поставлять новые и новые аргументы, возгоняющие в крови адреналин. «Внутренние процессы во мне, — опять пришло на ум, — дыхание, пищеварение, рефлекс, сексуальное возбуждение и т.д. и т.п. — настолько взаимосвязаны и не подчинены моему разуму, что приходишь к убеждению: сознание Махоркина живет какой-то своей обособленной жизнью, а вся моя — тут даже правомерно сказать «чужая физиология» — существует в моем теле, функционирует сама по себе, и никакой связи между этими ипостасями нет». Хотя физики утверждают, что чем ближе друг к другу находятся тела, тем больше они взаимосвязаны. Нет-с! У Махоркина это не так. Мое сознание функционирует помимо или вне своей (чужой) биологической системы. Эти два тела рядом, они постоянно и непрерывно трутся друг о друга, но все же далеки, как звезды на разных конечностях Вселенной. Критики моего умозаключения могут возразить: разум — разве он тело? Мой ответ

будет звучать так: «Если разум — это энергия, значит, он и есть тело». Итак, меня увлек поиск нового, неизведанного биомира. Загадочная биореальность, вмиг пленившая мое сознание, позвала меня в дальнюю дорогу. Я жаждал собирать эту реальность, систематизировать ее зарождение и развитие, заносить в память ее метафизические тайны, чтобы понять и обосновать: почему собственный разум не способен управлять собственной биомассой? Согласен, дерзкая задача для социально и физически ничтожного Федора Михайловича, чье сознание сотрясают нелепые судорожные порывы двоечника. Но ничего другого, более интересного и актуального, мне на ум не приходило. Я ведь считаю себя примитивным субъектом и, когда в родной Сивой Маске меня обзывают болваном или идиотом, несколько не обижаюсь. Им виднее. Впрочем, согласен, меня преследует навязчивая идея. Возможно, они это как-то замечают. Но это обстоятельство вовсе не может являться признаком идиотизма. Конечно, я согласен, мое безграничное бескорыстие, доходившее до неблагодарности, отмечалось среди соседей. Но меня это мало волновало. «Мои представления о разуме никогда не могут быть окончательными, — размышлял я. — Он как Вселенная. Ее конец — финал сознания». И опять то самое ядро, с которого абсолютно все начинается и во что абсолютно все съезживается. Но об этом феномене мало кто задумывается. Может, и такой научной темы вовсе и нет. Или давно всем все известно. Это лишь на сцене моего сознания такую роль играет неудовлетворенность своим жалким существом. Только и всего. Но я не собираюсь становиться критиком всего сущего, а хочу найти суть томящего меня явления. Вот цель моей дол-

гой дороги. Помимо того, у меня есть некое слабенькое желание приподнять парадную столичную завесу и одним глазком взглянуть на страну. Чтобы понять: разбудит она во мне человека, если он, конечно, во мне в спящем виде еще находится, или в глубоком сне погубит его окончательно. В то же время я ловлю себя на мысли, что любой из этих результатов мне совершенно безразличен. В другом я уверен — поход приблизит меня к истинной истине. В путешествии, и я должен это понимать, мне откроется не реальная картина мира, а ее искаженный образ, порожденный моим болезненным сознанием. В этом понимании мой эгоизм становится абсолютным. Свою жизнь я посвящаю лишь себе самому. И чихать я хотел на всех и даже на свой собственный биоресурс. Я одинок и не испытываю никакого желания иметь какое-либо имущество, кроме собственных, порой вздорных, мыслей. Все прочее перестало быть необходимым условием моего существования. От сексуального наслаждения, от вкуса к литературе, к музыке, живописи я отказался давно. У меня остался единственный интерес — это я сам! А я, частичка материи, состою, так же как и она, из времени, пространства и массы. Если вся материя во Вселенной имеет один и тот же состав, то моделирование нового Махоркина необходимо начинать с создания сборщика атомов. А если вся материя находится в непрерывном движении и вечном эволюционном процессе, то и сивомасковец Федор Михайлович должен или эволюционировать самостоятельно, или довериться самой природе. Но я хочу довериться самому себе, стать биоинженером, конструктором нового Махоркина. Этот физик из Питера Семен Николаев постоянно подталкивает меня

к новой линии жизни. Поэтому в последние годы я провалился в одиночество, но при этом нахожусь в активном поиске эволюционного механизма, способного помочь мне выползти из самого себя. Сейчас я уже не испытываю легкой радости, как бывало, когда замечаю, что кто-то лезет ко мне с дружбой. Я наслаждаюсь лишь собой, исключительной свободой своих чувств и движений разума. А после смерти я бы хотел сохраниться как комар в балтийском янтаре. Удобно и даже комфортно. Другой известный конец — гнить в сырой земле — унижает мое сознание. Тут мелькнула неожиданная мысль: «А почему бы не хоронить себя в вакууме? Дегидратировать, поместить в вакуумный мешок — и в землю? Или в специальный многоярусный склеп?..» Интересная идея, надо посвятить ей время, чтобы обдумать возможность такой новой технологии. Но без фундаментальных знаний о клетке в голове останутся лишь пустые фантазии... В этот момент совершенно другая мысль беспардонно вытеснила прежнюю: «Почему больше всего цветов — ярких, душистых и самых разнообразных — растут не в городском парке, не в скверах, не на частных участках и не на уличных клумбах, а на городском кладбище? Впрочем, этот вопросик остался без ответа и тут же забылся, а я продолжал думать о финале жизни: «Если он неизбежен, почему бы не избрести что-либо более достойное, чем погребение?» Тут неожиданная эмоция пронзила меня и стала преследовать, причиняя боль: «Тьфу, как не хочется быть и оставаться человеком!» В последние дни это неотступное чувство все больше угнетало меня, и не столько горечью самоуничтожения, сколько странным упоением собственным моим ничтожеством. Навязчивое

убеждение, что я и есть именно то нечто, которое обязательно должно превзойти самого себя, а значит, вполне возможно, и человека вообще, и даже глобально, скоро полностью овладело моим сознанием. Вот каково состояние моего ума сегодня, когда я готов начать свой поход по России, с Крайнего Севера на юг страны. В голове уже роились планы практического толка, связанные с путями выхода из собственной сущности и обретением совершенно новой ипостаси господина Махоркина. Горсть человеческого, того самого, чем характерен наш вид в повседневном быту, в усредненной культуре, ментальности, потребностях и рефлексах, сохранилась и во мне, за что я, взбешенный этим обстоятельством, корю, поругиваю себя беспощадно. Но как избавиться от всего этого чисто человеческого, которое я ненавижу не столько в других, сколько в самом себе? Конечно, меня сложно понять: если у них восхищение вызывает то, что они называют прекрасным и возвышенным, то у меня их восторги, кроме удрученности, ничего не рожают. Уже давно я сделал первые шаги по пути, удаляющему меня от людей: в школе и техникуме отказался от общения со знакомыми, единственным собеседником и другом для меня стало Время. Ведь говорю я сейчас сам с собой, то есть моим слушателем является Время. Оно и есть мой единственный современник. Кроме него, мне совершенно никто не нужен, я всецело обольщен своим мировоззрением и своей личностью. И если я и Время существуем вместе, то лишь оно может быть моим другом. Лишь оно может ценить или презирать меня. Махоркин стал изгнанником из самого себя, и вполне возможно, что подсказка пришла от Времени, ведь общение идет исключительно с ним, и эта

замечательная метаморфоза дала мне новый стимул к существованию, воспалила мое сознание, вызвала творческий импульс. Поэтому Время я всегда пишу с заглавной буквы. Да-с, грубая насмешка природы над человеком побуждает меня к его творческой переделке. Произнося эту часто повторяемую мной фразу, я на первых порах вспоминал известное фарисейское поучение: «Грешить разрешается, лишь бы грех совершался тайно». Но позднее стал обращаться к другому высказыванию мудреца, и теперь оно всегда наготове: «Бог создал человека, чтобы человек стал Богом». Это пророчество гения буквально завораживает меня своим гениальным предвидением. Ведь свою вершину человечество уже миновало. Последние тридцать лет оно катится в бездну, набирая скорость. Свет, озарявший души и разум, потускнел. Разгул потребительства и восторги от жалких мыслишек, напоминающих мелкие клочья былого, цельного и даже великого, нынче писком наполняют Вселенную. Ведь мысль — это прежде всего ресурс интеллекта. А материя существует как в моем сознании, так и вне его. Гомо сапиенс никак не может преодолеть средний показатель начала XX века — 75 НИС («эйч ай си»). В этих условиях что же другое могло прийти в голову Федору Махоркину, кроме решения без малейших колебаний посвятить себя изменению существа человека, сделать прыжок к сверхчеловеку и дальше? Кто может осудить меня? Лишь народ со средним показателем 75 НИС, то есть носитель массовой культуры. Итак, я выхожу на старт! Дорога длинная — интеллектуальное перерождение человека. Но сей старт не только для Федора Махоркина, а для всех последующих поколений. Внимание! Марш! Я по-

шел! Со мной только Семен Николаев, но он не шагает рядом, а надежно укрыт в моей голове. К чему сборы, чемоданы, провизия, сменное белье, мыло? Хочу уйти как можно дальше по дороге созидания, а на этом пути ничего из обычного дорожного набора не требуется. Главное — активная работа серых клеточек. Я сам изгоняю себя из Махоркина. Нет, я не убегая от упреков и оскорблений своих земляков, соседей по городку Сивая Маска, что рядом с полярным кругом. Я мечтаю расстаться с человечеством вообще. Но хочу быть понятым. Я делаю ноги без злобы на своих сограждан, без планов реванша — их унижения и оскорбления. Вся моя критика в их адрес ограничена ареалом моего сознания, и в ней нет ни малейшего радикализма. Я ничем их не лучше, чтобы над ними насмеяться, более того, я жалкое существо. Я сматываюсь, потому что вообще уже не считаю себя человеком, я совершенно чужой, инородный среди них. Я уже говорил, как они меня обзывают. И видимо, по делу. В нашем городке я один с такими приставшими накрепко прозвищами. Людей удивляет и коробит во мне многое. Например, запущенный, с их точки зрения, внешний вид. Взгляд, выдающий внутреннюю отрешенность. Все стараются обрядиться в новое, чистое, сверкающее, а я во что попало — темную заношенную одежду, истасканную до дыр обувь. У меня нечесанные лохмы, почерневшие зубы. Я всегда угрюмый, одинокий, молчаливый, полный пренебрежения к окружающему. Тощий, словно туберкулезник, с жилистой тонкой шеей и изможденным лицом. Мой болезненный вид совершенно нетипичен для жителей Сивой Маски. Да-с, природа не одарила меня чертами так называемого симпатичного парня.

И слава богу! Когда меня оскорбляют, пинают ногами, показывают рожицы, я не плачу втихомолку, не возмущаюсь. Когда, по их мнению, они меня смешат, я не улыбаюсь и вообще никогда не смеюсь открыто. Требовательность к себе у меня минимальная; интерес к окружающему миру у Махоркина ограниченный, если не ничтожный. Я ничему не ужасаюсь, кроме своего биоинженерного состава, ничем и никем не восхищаюсь, ничто меня не радует и не огорчает. Я упиваюсь лишь своими мыслями, рождающими идеальный новый нанокупаж Федора Михайловича. О, устремляясь к этому объекту, мое сознание переполняется гениальными фантазмагориями. И еще: мой разум не требует, более того, не желает оценивать, объективна ли реальность, отражающаяся в моем сознании. Я даже уверен в том, что она совершенно отличается от реальности сограждан. Например, секс с женщинами или с мужчинами меня совершенно не занимает. У меня не трещат брюки при встрече с женщинами. Я не различаю их: красотка или замухрышка — мне всё одно. В этом смысле у меня отсутствует вкус, чутье на прекрасное или отвратительное. Мое сознание не оперирует такими характеристиками. Я вообще практически не замечаю внешний мир. Мне необходимо предельно сконцентрироваться, чтобы разглядеть его. Впрочем, я продельваю это редко, так как он меня, повторяю, не интересует. Питаюсь я самым примитивным способом: например, летом ем то, что найду в мусорных контейнерах, будь то засохший кусок хлеба, обгрызенное яблоко, кости, годные еще для обсасывания. Я ловлю, чтобы подкрепиться, бабочек, мух, кузнечиков, лягушек, рыбу, других речных обитателей. Одним словом, я не отказываюсь

от любого биоматериала. Зимой отвариваю картофель и обжариваю семечки подсолнуха. Махоркин никогда не пробовал подружиться со сверстниками, соседями, да ни с кем вообще. Общение в Сивой Маске у меня еще поддерживается лишь с Ольгой Валерьевной, библиотекарем. Городская библиотека — излюбленное публичное место, где я провел годы: запоем читал книги, забившись в угол. Бабушка, вместе с которой я проживал, была молчалива, что мне безумно нравилось. Она целыми днями смотрела телесериалы, и лишь ночью мне приходилось слушать ее прерывистое похрапывание. Так что для гостеприимства моя душа закрыта, даже заколочена крупными гвоздями... Мысленный перелет в прошлое оказался не очень удачным. Я лишь на миг вспомнил бабулю и тут же прервал работу памяти. О чем я вел речь? Да, никакого активного протеста жизнь в родном городке у меня не вызывала, я игнорирую все праздники, и не то что как-то напряженно и обдуманно, а прозаичнее: мое сознание на них никак не реагирует. Мне глубоко безразличны общественные церемонии, годовщины известных событий, юбилеи, награждения и вручения самых разных премий в спорте, кино, музыке. В деятельном мире Сивой Маски мое мрачное, болезненное сознание ощущает себя пораженцем. Но тут необходимо заметить: иногда, пусть очень редко, у меня складывалось ощущение, что я поражен не только мировоззренчески и социально, но и физиологически. Возможно, во время моего появления на свет повивальная старушонка ошибочно, а то и сознательно, отсекала именно ту часть Махоркина, отсутствие которой лишило Федора Михайловича его видовой сути, той самой необходимости, которая ха-

рактирует типичного человека. И я таким не стал! Признаюсь, довольно редко, но случается так, что мое сознание вдруг занимают актуальные социально-политические темы, обсуждаемые в обществе, то есть частички человеческого все же сохраняются в моей сущности. Но сейчас другое приобрело важность: неизвестность, таинство предстоящего путешествия все больше возбуждали меня. Решение пересечь Россию крепло. Я ведь обречен на поиск самого себя. Все, что нравилось мне в прошлом — далеком и близком, — и сегодня будоражит разум. В этом я видел свою цельность и потому нисколько не беспокоился о собственном моральном разрушении, характерном для типов, часто меняющих свои предпочтения. А осознание, что мои размышления и идеи являются частью вселенских вопросов, воодушевляло. Я ведь нигде, кроме Сивой Маски, в свои двадцать девять лет не был. В армию не взяли по здоровью. Как я стану чувствовать себя в других городах огромной страны? Что и как во мне изменится? С этими мыслями я двинулся в путь. В кармане было около полутора тысяч рублей, планшет для информации о мире и один обмылок. Кстати, мыло я всегда ношу с собой. Привычка. Теперь рассмотрим маршрут. Он этого заслуживает. Курс на Астрахань лежал строго с севера на юг. Надо одолеть около 3000 километров. Тайга тянется до Зимарова. Потом около 800 километров — лесостепи. Там много орешника, шиповника, рябины. Затем степь, Заволжье, — там уже повсюду боярышник, терновник и другие съестные богатства. Так что никакой опасности по пропитанию. Далее волжские просторы и, наконец, моя главная цель — Астрахань. Сегодня 31 мая 2016 года. Начинался полярный

день. Если идти шесть километров в час, то за двенадцать-четырнадцать часов можно отмахать 70 километров. Точно рассчитать сложно, но, думал я, в начале августа окажусь на Каспии. Впрочем, мой предварительный расчет несколько хромает. Реальность обязательно внесет свои коррективы. Пройду мимо городков Косью и Озерный, они, видимо, ничем не отличаются от Сивой Маски. А первый привал сделаю в Изъяю. Затем в Каджероме. Привал не означает ночлег, спать буду только в тайге. Зайду в эти городки, чтобы на бензоколонках зарядить планшет и коротко взглянуть на эти малые мирки. Может, встречу себе подобных? «Разве такое может случиться? — упрекнул я себя. — Нет!» Но все время буду шагать по лесу. Здесь уже появились первые ягоды, ранние грибы, озерки сочной молодой травы, множество самых разных насекомых, а больше всего слепней — прекрасный биоматериал, необходимый для питания. Водоемы полны рыбой, а по утрам сверкает белая в лучах яркого солнца роса, пригодная для умывания и обтирания. Опасности тайги? Ерунда! Медведь в это время года спокоен, сыт, даже покладист. Его больше манят лесные ароматы, чем смрад такого съестного объекта, как Федор Махоркин. Волки? Я с детства гонялся по тайге и не страшусь их. Впрочем, они здесь довольно редко встречаются. Надо просто знать, как вести себя при встрече с ними. Мне это известно. А оленей, зайцев, бурундуков в тайге полно. Тут я про себя усмехнулся: «Чем я очаровываюсь, собравшись днем и ночью шагать по тайге?» Я про себя усмехнулся, вспомнив детство, но тут же спохватился. Размышления о прошлом почти всегда выбрасывали меня из круга воспоминаний, никогда не удавалось все кар-

тины, дорогие сердцу, просмотреть до конца. Что-то клинило в сознании. То ли дело будущее — тут размах моих фантазий огромен. Вот какой был ответ на случайно выскочивший вопросик. Я с великим удовольствием упражняюсь в своих фантазмагориях. Поочередно отыскивая в сознании интересующие меня темы, смакую их детали и ракурсы. Итак, светлые минуты жизни у меня возникали лишь при общении с самим собой. Сейчас я пожелал отпраздновать проект, обещающий мне дальнюю дорогу. В эйфории я стал обдумывать шаги, способные привести меня к собственному изменению. Первый образ, пришедший в голову, — картина Сальвадора Дали «Аптекарь из Фигераса, не ищущий абсолютно ничего». Хорошее начало для безумного праздника, улыбнулся я. Символическая подсказка Федору Михайловичу: ты ничего не найдешь, потому что искать нечего. Какие-то неизвестные силы как бы предупреждают меня: «Махоркин, ты опасен для устройства человечества. Рви ягодки, читай Пушкина, влюбляйся в Машеньку, рожай детей. Ты тип мелкого значения, вот выбирай стиль жизни согласно своему скромному статусу. Парить в облаках опасно... Альтернатива — отстранись от греха подальше, остановись, ложись в лечебницу, наблюдайся у известного психиатра Зураба Кекелидзе». С этими мыслями я прямо с улицы Воркутинской вошел в тайгу и стал энергично двигаться по просеке. Внутренняя неудовлетворенность отразилась на моем шаге — он стал нервным и быстрым. Я уже не вел диалог сам с собой, а шел на юг, не замечая ничего вокруг. Казалось, даже с закрытыми глазами. Оскорбление, которое я обрушил на самого себя, угнетало Махоркина. Я умолк, тайное, застенчи-

вое счастье своего «я» усыпляло меня. Тем временем солнце поднималось к зениту, в лесу было сухо и глухо, в ярких лучах приплясывала расцветающая, весенняя тайга. Пение птиц доходило до моего слуха, но разум не воспринимал эти звуки. В наших краях тайга — это мрачноватый хвойный лес. Земля в основном покрыта мхом и валежником. Кровососущий гнус в конце мая — июне особенно приставуч, поэтому я поднял воротник своей выцветшей байковой рубахи и застегнул верхнюю пуговицу. Руки я засунул в карманы многократно штопанных спортивных брюк, нащупал обмылок и продолжал свой путь. Мне надо было пройти 139 километров, чтобы попасть в Изъяю. На это я отвел три дня и три ночи. На четвертые сутки я должен быть в этом городишке. Жителям больших городов, удаленных от гигантских таежных территорий, невозможно представить себе, как шагать по тайге не только днем, но и ночью; правда, ныне ночи белые, то есть светлые. Так же, видимо, мне невозможно вообразить без смущения и страха, как гулять по улицам, переполненным автомобилями и огромными сверкающими фонарями, похожими на солнечные диски. Редкие телекадры с улиц городов-гигантов, которые случайно мне приходилось видеть, буквально сводили меня с ума своей масштабностью. Я бы никогда не смог спокойно жить в таких мегаполисах, как Москва и ей подобные. Поймав себя на этой мысли, я буркнул под нос: «Я вообще в этом мире не желаю жить, при чем тут Москва?..» Наконец пошел я легко, ритм успокаивал меня, ко мне постепенно возвращались и нормальный слух, и зрение. Мох под моими старыми кроссовками проседал, как старый тающий снег. Я стал уже различать птичьи трели, заметил

квеста-еловика, бодро резвящегося между ветками. Углядел и притаившуюся на стволе ели белку с блестящими глазками-бусинками, после чего опять погрузился в свои думы. Все это замечательно, но совершенно не для меня, заключил я. И ругать некого. Таким уж странным типом появился я на свет. Эх, Время, друг ты мой любезный. Тут хочу признаться самому себе и моему другу Времени: моя заветная тайна, открывшаяся мне как-то в истерическом прозрении, была следующей. Нередко я бывал полон сострадания к Времени, точнее, к тому его отрезку, в котором должен был прожить. Я мечтаю совершенствовать свой вид, то есть изменить сивомасковцев во всем мире, но отлично понимаю, что для этого у меня нет Времени, и вот я нашел успокаивающий меня компромисс: мне важно не столько само физическое перерождение, изменение собственной сути, сколько постоянное размышление об этом невероятном чуде... Легкий ветерок, пробираясь сквозь заросли хвойника и ягодных кустов, доносил до меня пряные запахи тайги. Побелевшее солнце достигло горизонта и застыло, словно приклеилось к нему. Я вспомнил, что такая картина характерна для начала периода белых ночей: судя по всему, сейчас около двадцати трех часов, и пора подумать об обустройстве своего ночлега. Эти соображения вытеснила неожиданная мысль, совершенно не связанная с предыдущими: «Если Левенгук с помощью микроскопа обнаружил не видимые глазом красные тельца, а это случилось в конце XVII века, то почему более трехсот лет спустя Федор Махоркин с помощью новейших технологических достижений не способен обнаружить огромный массив биостроительного материала, направив его на

трансформацию сограждан?» Мысль неплохая, но у меня нет необходимых финансовых ресурсов. Тем не менее, видимо, все это можно преодолеть... Чтобы решиться на эту кропотливую работу, необходимо стать отчаянным первопроходцем. Нужно страдать не только наяву, но и во сне, причем эти страдания должны вызывать у меня неподдельный восторг. Страдания, вызывающие восторг, сохраняются в памяти всю жизнь. Охваченный ликованием, я шел все дальше и дальше; мягкий сыроватый воздух — тайга здесь еще не совсем просохла — приятно освежал меня. Вдруг, совершенно произвольно, я стал выкрикивать что-то бессвязное. В какой-то непостижимой эйфории я мотал головой, словно искал что-то неотложное. Взгляд остановился на огромных, выпирающих из земли еловых корнях. Я поднял голову — вековая ель была гигантской. Она даже закрывала солнце. Оглядевшись, я убедился, что вокруг меня тайга пуста. Это обстоятельство меня насторожило и даже встревожило: «Что это звери притаились? Напасть задумали?» Но беспокойство мое быстро отступило, сменившись блаженным излюбленным созерцанием. Солнечные блики играли на легко колыхавшихся ветках, тишина ничем не нарушалась. Впрочем, я тут про себя усмехнулся, выдернув из памяти собственное наблюдение: «Мертвая тишина — предвестник безумия». Во сне это не страшно, успокоил я себя. Можно заночевать здесь, почему-то подумалось. И тут же на глаза попались многочисленные кусты калужницы. Я присел в кустарнике и минут пятнадцать обдираю мелкорослые растения. Мелкие ягоды утолили жажду. Потом я встал и нарвал сочных листьев брусники, чтобы подложить их под голову. Лапником устал спальной

место, густые ветки рябины послужили мне покрывалом. Открыл планшет, чтобы взглянуть на мир. В новостях ничего особенного, текущая рутина. Я выключил его, и таежная светлая полночь с ее ароматами и чарующими тайнами довольно быстро убаюкала меня. Лишь цветные сновидения соответствовали моему состоянию. Попытки вырваться из их разветвленных сюжетов в таежную реальность оказывались тщетными. Сон оказался крепким и сковал мое сознание. Для всего мира я неподвижно лежал этой ночью под елью, накрытый свежей зеленью. Конечно, я не походил на крохотную частицу неведомой тайны, воодушевляемый идеей создания через страдания собственной перевоплощенной персоны. Скорее всего, я выглядел как бродяга и отшельник, как мерзкая пьянь, бомж, асоциальный тип. У каждого встретившего такого спящего ночью в тайге могла возникнуть уйма справедливых подозрений. Но, собственно говоря, мне все было фиолетово, кроме воображаемой реальности. Махоркин был поглощен ею. Открыв наконец глаза, я обнаружил, что на местность лег туман. Солнце лишилось очертаний, трудно было понять, где оно, лишь масса света с востока слепила глаза. Казалось, полнеба занимало светило. Я стряхнул с себя рябиновые ветки, поднялся, осмотрелся и прошел пару шагов. Передо мной оказалась земляничная полянка, полная ягод. Удивительно для самого начала июня. Я захотел сразу отведать сочных ягод, потом подумал, что если начну собирать землянику, то смахну росу со всех листьев. И умыться будет нечем. Поэтому принял правильное решение: ладонями собрать росу, чтобы освежиться, потом набрать воды для питья, а уж после того приняться за трапезу. На корточках я ползал по

земляничной поляне около часа. У меня надежный опыт определять время. Ведь я никогда не носил наручных часов. Умывшись и позавтракав земляникой, я двинулся дальше. Шаг был ровным и спокойным. Вдруг перед самым носом прошмыгнула россомаха. Через пару шагов я заметил неподалеку пятнистую рысь, потом притаившегося колонка. В чем дело? Почему на одном пятачке оказалось так много хищников? Пройдя еще пару шагов, я почувствовал запах мертвечины. Спустя минуту смрад усилился. Пришлось прикрыть нос рукавом рубахи. Но от гнилостного духа это не спасло — казалось, он пропитывал меня через одежду, проникал до нутра Федора Махоркина. Я настороженно осмотрелся и вздрогнул. Рядом с кустами черники в небольшой впадине я увидел труп. Мертвец лежал на левом боку, лицом на восток. Колени его были согнуты, ноги веревкой притянуты к ягодицам. Лысая голова была в черной высохшей крови. На вид покойнику было лет пятьдесят. На нем был разодранный спортивный костюм и охотничий жилет. С ремня свисал патронташ с пустыми гнездами. Сердце мое сжалось. Я присмотрелся и заметил, что голова несчастного в двух местах проломлена каким-то острым предметом. От скулы через ухо протянулась рваная рана. Правый бок был уже обгрызен, так что обнажились ребра в спекшейся крови. «Этого мужика кто-то прибил, — понял я. — Звери так не убивают». Метрах в двадцати я увидел три мордочки горностаев. Они кружили перед впадиной. «Ждут пира. Но скоро появятся волки или лисы, — сообразил я. — Надо сматываться». Едва я отошел, как наткнулся на туго набитый бумажник. Я поднял его и открыл. Вначале осмотрел документы: паспорт и водительское удо-

стоверение на имя Шляпкина Геннадия Алексеевича, 1985 года рождения. «Ровесник», — мелькнуло у меня в голове. Место рождения — Воркута. Проживает в городе Чикшино, улица Северная, дом 17. Кредитные карты — Сбербанк и Уралбанк, скидочные карты местных ресторанов и пачка денег. Я пересчитал тысячурублевки. Их оказалось пятьдесят семь. Изучив фотографию на водительских правах, я вернулся к труп, чтобы еще раз взглянуть на него. «Совершенно не похож на фото, — удивился я. — Может, бумажник потерял его спутник, сбежавший от неприятностей? Или даже сам убийца? Кто мог совершить такое гнусное преступление?» Подавленный тяжелым зрелищем, я положил найденный бумажник в карман и двинулся дальше, теперь уже размашистым шагом. Чтобы избежать нежелательной встречи с голодным зверьем, я свернул по направлению к региональной трассе Воркута — Ульяновск. Тут у меня появилась мысль найти Геннадия Шляпкина, вернуть ему бумажник и по возможности выяснить, как произошло это убийство. Честно сказать, поначалу эта идея мне не пришлась по душе. За ней крылось то самое любопытство, которое я сам всегда высмеиваю. Но она занозой вошла в сознание, и я, как ни старался, не мог от нее отделаться. Этот случай стал еще одним примером моего отступления от своих же принципов. Тут я смущенно опустил глаза, словно за мной наблюдала Вселенная. Мне давно было известно, что я слишком легко и болезненно уязвим. Какими бы теориями я себя ни защищал, как бы старательно ни окружал единственное в своем роде «я», каждый, кто всмотрится в меня, кто понаблюдает за мной пару минут, тут же поймет, что я совершенно чужеродное су-

щество, и если не сплюнет мне под ноги, не выругается в лицо, не даст пинка, то посторонится, как при встрече с опасной Эболой. Конечно, я часто себе говорю, а может, даже успокаиваю себя: «Мне это все фиолетово!» И все же можно заключить: Федор Махоркин и остальные люди — существа одной истории, но разной природы. Едва я высказал эту свою излюбленную фразу, как на ум пришло другое: «Меня выводит из себя любое сравнение с ними. Но я держу этот факт в строжайшей тайне. Даже сам себе в этом чрезвычайно редко признаюсь». Впрочем, на этой теме я не стал больше задерживаться, и уже совсем другое полезло в голову. Я вспомнил Чикшино, куда теперь решил направиться вместо городка Изъяю. Чикшино находится в 40 километрах от моей первоначальной цели. Я никогда там не был, но знаю, что городок расположен на небольшой речке Чикшинке. Через три дня я войду в этот населенный пункт. И возможно, найду Геннадия Алексеевича Шляпкина. Но пока я продолжил путь, размышляя о другом. Я нередко спорю с бытующим мнением насчет энергии души и интеллекта. Кому-то эта тема может показаться не заслуживающей внимания, но меня она не оставляет. Я согласен, что душа и разум — две разные сущности. Однако никак не могу понять известных ученых и религиозных деятелей разных конфессий, утверждающих, что душа и разум живут вечно. Душа, по-моему, близка к сознанию, но не более того. Она автономная субстанция. Душа и разум — материальны, правда у разума, если он переведен на прочный носитель, срок жизни окажется несравненно дольше. Например, самой древней книге около четырех с половиной тысяч лет. Это трактат Лао-Цзы «Дао Дэ Цзин»,

изложенный на бамбуковых палочках и еле уместающийся в трех телегах. Если носителя нет, то нет и вечно-го разума: мертвый разум не существует, так как со смертью кончается его энергия. Как-то раз я, видимо единственный в Сивой Маске, кто заинтересовался этим вопросом, подсчитал энергию разума. Она оказалась небольшой. У человека с 75 НИС она равна 10 ватт. У профессоров — 15, у нобелевских лауреатов — около 20–25. Душа же имеет более солидные параметры. 500 миллиардов джоулей — это 500 миллионов одновременно включенных утюгов в одну секунду. А сама душа весит не более чем ноль-ноль одного грамма (условная, спорная цифра, или $6,67 \cdot 10^{20}$ в 20-й степени атома водорода). И вся эта мощь уместается в такую малую величину. Душа никакого носителя пока не имеет, поэтому после смерти источника энергии, допустим Махоркина, она погибает со всей своей биомассой. Но и интеллектуальная энергия, даже на носителях, которым не одна тысяча лет, не является вечной с точки зрения энергетики. Она способна лишь обогащать разум и повышать его мощность, выраженную в ваттах, не больше. Как бы сохранился разум моей бабушки, на чем и где бы он удерживался, если энергии в нем нет? Все эти спекуляции гроша ломаного не стоят. Есть органика — значит, есть энергия, а если и она есть, то наличествуют душа и разум. Иначе ничего нет. Я как-то задумался и заново пересчитал размер Вселенной. Ученые довольно часто дают новые сведения на этот счет. Но не только для того, чтобы получить новую величину или чтобы сделать лишь математические расчеты. Меня интересовало другое. Я задумал вывести математическую формулу возникновения и эволюции разума. Итак, грубый

подсчет Вселенной: мы знаем, что она образовалась после известного Большого взрыва около 13,5 миллиарда лет назад. Скорость волны такого взрыва равна скорости света, то есть 300 тысячам километров в секунду. Конечно, с этой скоростью движутся легкие фотоны, а в волне присутствуют и тяжелые частицы, имеющие другие скорости. Я умножил эту немалую цифру на секунды, потом умножил ее на 300 000 и получил 143 927 секстиллионов километров, или 10 в 21 -й степени. Потом я вспомнил, что первый разум — ограниченный, соответствующий примерно 20 НИС — был у неандертальцев. Они появились около 600 тысяч лет тому назад. То есть после взрыва ядра прошло 99,85 процента времени эволюционного процесса. Человек появился 100 тысяч лет тому назад — это меньше чем 0,000007 процента времени, если мерить от зарождения Вселенной. «Из этого, — думал я, — следует, что полагаться на стихийные мутации в дальнейшей эволюции Махоркина нет резона. Наивно верить, что на Землю прилетят вдруг молекулы из космоса, способные вызвать мутации в организме Федора Михайловича, чтобы он стал более совершенным существом. Бесперспективные надежды. Такого временного ресурса в запасе у Махоркина, да и у всего человечества нет. Тут необходимо полагаться исключительно на мануальные наномутационные исследования. Федор Михайлович должен сам себя сконструировать. Передо мной богатейший ареал биостроительного материала». Я вздрогнул, ощутив мощный приток адреналина. Я знал, что в такие моменты умственных озарений Махоркин выглядит особенно чудаковатым. Но мне было не до своего вида, я боялся упустить нить размышлений. Ведь цель жизни — не

просто жить, а совершенствовать себя. Существовать в другом формате, без идеалов, в дисгармоничном состоянии — это меня не устраивает. А гармония — это всегда завтра, всегда будущее. Однако подготовка к нему идет сегодня. Поэтому Федор Михайлович и решился шагнуть за горизонт. В пути он должен понять, сможет ли достичь гармонии завтрашнего дня или останется в плачевном настоящем. Да, Махоркин сегодня — это прежде всего тип, мечтающий создать биоинженерный проект нового жильца Вселенной. Я хочу сделать так, чтобы Махоркин стал совокупностью и времени и пространства, а не сохранялся в жалкой жизни как ничтожный казус, случайно возникший и тут же заблудившийся на мизерном островке космоса. Фу! Чуть! После своего окончательного ухода, то есть уже извне, я ничего не смогу изменить, поэтому постараюсь добиться своего во время намеченного путешествия. Другого срока я для этой цели не отвожу. Так что мой скромный капитал в биооболочке Федора Михайловича исчезнет, я молча и тихо попрощаюсь со своим другом Временем и объявлю самому себе: Махоркин — банкрот сознания. Как говорят у нас в Сивой Маске, когда что-то не получается: «Ну что, не удалось большевикам устроить товарища Артема в депо?». Глупость, но прижилось; впрочем, потому и прижилось, что глупость. И все же что я думаю о собственном научном потенциале? Критический взгляд, конечно, необходим. Ведь задачу я ставлю перед собой вселенскую. Шагнуть дальше того, чего достиг мутационный процесс за 13,5 миллиарда лет, создав такого жалкого типа, как Махоркин, и все это в рамках одного путешествия. Может, я псих законченный? Да еще с самых нижних

ступенек социальной лестницы! Раздумья о самоубийстве утешают, но не больше. Однако против всего этого негатива я ставлю напряжение своего разума, который увеличивает во мне созидательную силу и размах изобретательности, обостряет сюжеты научного поиска. Эти способности были дарованы мне по рождению — случайными брызгами спермы и возбужденной яйцеклеткой. Мой произвол по отношению к себе, проклятья, которыми я себя порой безжалостно осыпаю, — это результат моего возмущения научными и религиозными догмами, тысячелетиями утверждавшими, что Федор Махоркин — некое рукотворное чудо, созданное Всевышним. Идиотизм, поддерживающий эту смердящую легенду, вызывает у меня порой едкий смешок, а чаще глубокое отвращение... Кстати, пора подкрепиться. Полдень, солнце стоит над самыми соснами, и кажется, его лучи втягивают в небо вековые деревья. Что растет вокруг, чем поживиться? Я огляделся. Вот вешенки, серо-белый деликатес тайги. Их и мыть не надо. Гриб большой, калорийный, с ароматом ржаного хлеба. Я их с детства предпочитаю. И, не тратя ни копейки, съел их великое множество. Я снимал грибы с сосен и пней и утолял голод. Пройдя дальше в поисках лесного ручья или небольшого озерца, наткнулся на россыпь лисичек. Они лакомство бесподобное. Таким образом Махоркин как следует пообедал. Только водоем долго не попадался. Зато я вновь заметил землянику. Она и утоляет жажду, и наполняет организм жидкостью. А как вкусна! Поэтому я задержался здесь почти на час и, подкрепившись таежными деликатесами, отправился дальше. Шаг был уверенный. Пора упомянуть еще об одной моей особенности. Тема для моего

странного сознания не новая, но всякий раз я стараюсь понять суть этого явления. Например, если я представил себе дождь, которого в действительности вовсе нет и который льет лишь у меня в сознании, то через несколько минут я оказываюсь весь мокрым. С волос на ресницы скатываются дождевые капли и текут дальше за воротник, ноги хлюпают в мокрых ботинках, ночью натурально поднимается температура, наутро кашель и хрипота. Как такое возможно? Что это? Как-то я представил себе яблоневый сад, так тут же мне привиделось, что я мою спелые фрукты и ем их один за другим. А потом вытаскиваю застрявшие в зубах яблочные семечки. И переубедить меня в том, что я, Федор Михайлович, сейчас никаких яблок не пробовал, невозможно. После этих ощущений я становлюсь сытым, жажды нет, в желудке приятное урчание. Даже сам профессор Кекелидзе, известный столичный психиатр и мировое светило, не сможет мне доказать, что все это галлюцинации. Нет-с, батюшка профессор, это реальность, в которой я существую. У меня она принимает разные формы или, точнее, а то и по-научному сказать, разные пространственные измерения. Я способен перемещаться в пространстве, правда чаще без собственного желания. Например, я даже боюсь задумываться о деньгах, чтобы они вдруг не осыпали меня и я не оказался в них по горло. С моим необычным сознанием спокойней быть немущим и, главное, цельной личностью. Деньги сделали бы Махоркина зауряднейшим типом, которыми полна Сивая Маска. Такие постоянно утверждают, что им мало дано, им бы немного бабла — и жизнь сложится. Богу чаще молиться надо, да и водку не забывать. С ней жить легче. Они не хотят даже размышлять над

вопросами собственного происхождения. А я категорически с этим не согласен, это наиглавнейшее для меня занятие. Размышляя об этом, я сознаю, что становлюсь лучше всех, но без пафоса и напускной гордости. Да какая у меня может быть гордость, если я не общаюсь со своими земляками? Федору Михайловичу нередко чудится, что ему спущена с самого верха какая-то фантастическая сила, чтобы он осуществил свой проект. Если бы этого не было или не стало, то лучше уж умереть. А еще, конечно, в тысячу раз лучше умереть и сразу напрямик в янтарь — на невообразимую вечность. Для меня так не бывает, что одно имеет преференции перед другим. У Махоркина всегда, всегда есть лишь одно. И оно единственное. А пока существует тот научный и цивилизационный дух, который никак не желает раскрыть глаза, уста, уши, разум, чтобы дать оценку самому себе, то есть собственному биоинженерному проекту, из которого он и состоит, — созданному стихийными мутациями в течение более десятка миллиардов лет — я категорически не желаю считать их и себя частью одного целого. Массы имеют практические цели, при достижении которых в основном работают лишь инстинкты. Федор Махоркин от бытовых целей отказался в ранней молодости, в это же время в сознании его назрело недоверие к реальности. Он поддерживал жизнь игрой взбудораженного юного ума. Мой разум не вскипает, возмущаясь, что он пребывает в заблуждении. Он требует усилить натиск ради достижения главенствующей цели. У сивомасковцев с давних времен бытует премудрость: «Не грузи мозги, живи спокойно, живи в достатке. А если этого нет, то пей водку». Этот упадок разума не для меня. Не спорю, даже уверен, что мозги

мои не самые-самые. Но кроме них, кроме наслаждения игрой воображения, запутанной, а порой и ясной, мне совершенно ничего не нужно. Замены, альтернативы моему стилю жизни я не ищу. Более того, я боюсь даже думать об этом. С другой стороны, наивная болезненная вера в ценность идеальной жизни может оказаться весьма слабым элементом в системе моего сознания. Ведь всякая абсолютная убежденность, которой придан высший смысл, вовсе не всегда достоинство, а порой вызывает лишь сострадание. Видимо, именно так реагируют на меня жители Сивой Маски. Тут хмельное вдохновение мозга, насыщение сознания смелыми идеями, поиск прорывных технологий, азарт воодушевления в предвкушении больших открытий, расчленение навязших в зубах стародавних и современных истин и теорий — всё, всё, всё принадлежит только одному субъекту — Махоркину. Познать искусство созидания из массы биостроительного материала нового Федора Михайловича — вот единственное мое устремление. Но об этом никто не знает и не узнает никогда! В этом моя сила, и звучит она во мне басом Атлантова! «Не заноситесь ли, молодой человек? — пронеслось в голове. — Не уместнее ли легкое сомнение?» Скажем, не лучше ли проявить слабость? Или даже обозвать себя препоганым словом, слышанным мной не раз в Сивой Маске: «Эй, балбес, прячься, человек идет!» Нет-нет, созерцание — не знак высокого интеллекта, думал я, внезапно вспомнив Шопенгауэра. А созерцание — это скукота, пенсия, паралич разума. Вольф и Лейбниц были правы, называя созерцательное состояние абстрактным. А почему мне вдруг в голову немец Артур Генрихович пришел? Консервативная порядочность всегда

вызывает у меня желание выспаться. Что, разве пора отходить ко сну? Я оглядел таежный мир, небо, исколотое сосновыми иголками, увидел солнце, прилипшее к горизонту, и усмехнулся. Действительно, пора бы отдохнуть. С этим намерением пошел дальше, уже внимательно всматриваясь в пейзаж. Надо найти место для очередного ночлега. Время и пространство сливались в моем сознании в единый континуум. А ведь считается, что между ними одно или несколько измерений. Да, в этом мире всегда приходится спорить. Слава богу, что я могу делать это в пределах собственной головы. Я ничем и никогда во внешнем мире не очаровываюсь, потому что его, мира, я вообще не вижу. Про себя я никогда не восклицал: «Как красиво!» или «Как безобразно!». Когда не замечаешь окружающую действительность, сказать, слава богу, нечего. Молчишь и раскидываешь умом. Через четверть часа на пологой возвышенности у огромного, заросшего мхом валуна я увидел прудик метра два с половиной в диаметре. Вода неподвижна, лишь пара комаров в ней плещется. Она чистая и холодная. Я пил медленно и долго. Заломило зубы, руки озябли. Протер их листьями черемухи. Пальцы потеплели, стали слушаться. Потом начал готовить себе лесную постель. Опять листья и ветки, к чему привык с отрочества. Тишина вокруг. Открыл планшет — новости, новости, новости, ничего не отложилось в памяти. В тайге воцарилась белая ночь. Едва я прилег, как тут же уснул. «Тьфу, как не хочется быть и оставаться Махоркиным» — эта мысль разбудила меня точно гром. Но она преследует меня уже давно, после получения диплома об окончании техникума. В ней нет никакой актуальной новизны. Почему же я вскочил? И так резко, будто

меня ужалило? Что-то непривычное? Только тон в ушах другой. Что еще? Да-с! В последнее время эта спутница моего сознания стала меня даже угнетать, и не только горечью унижения, но и немощью разума. Но и это все старая песня... «Новизна-то в чем? — не мог я успокоиться. — В звуковой расчлененности!» Пришла из сознания подсказка. Как это? «Не хочется быть...» — произнес я с нажимом. Вероятно, во сне я представил Федора Михайловича мертвым. И тут же вскочил. Что, испугался? Еще не понял... Конечно, нет! Махоркина смерть не пугает. Это у мягкосердечных, чувствительных, богобоязненных сивомасковцев, а их в мире большинство, весь трагизм бытия заключается в слове «смерть». По мне же за таким страхом кроются неуправляемый эгоизм и недостаток разума, того самого, о котором я сам мечтаю. Таким людям трудно выйти за границы собственного «я», неясная, воображаемая картина заменяет им реальность. А робкое сознание преобразуется в мировоззренческую ментальность, и мрачный страх мешает воспринимать неизбежность. Честно говоря, я не понимаю, как позволительно бояться неизбежности. Не лучше ли принять ее достойно, даже в приподнятом настроении? Махоркин предпочитает именно такой ритуал: уход из этой жизни с праздником в сердце. Надо признаться, что я почти не замечаю мир, в котором живу, но мне суждено осматривать неизвестные миры — во множественном числе. Мне кажется, что у меня не пара, а миллион глаз, не пара, а миллион ушей. То есть я соединяю пространство вне себя с миром в самом себе. Федор Михайлович способен разглядывать себя со всех сторон, исследовать Махоркина под микроскопом жесточайшего критика и

холодного насмешника. О Время, какое великое удовольствие потешаться над самим собой! Особенно над своими ранними наивными размышлениями о жизни и смерти. Нет, к уходу из жизни необходимо совершенно иначе готовиться. В этот момент я вспомнил, что надо продвигаться дальше по избранному маршруту. Поэтому встал, прервал свои раздумья, подошел к знакомому пруду, напился студеной воды и двинулся по тайге искать съестное. Недалеко от места моего ночлега, буквально шагах в пятидесяти, мне попались белые грибы. Они были рассыпаны между соснами. Их шоколадные шляпки, спелые красные ягоды рядом, ковер мха с прошлогодними еловыми шишками и сухими палыми ветками, легкое гудение всевозможных насекомых — все это смягчало суровый облик тайги. Пейзаж стал почти пасторальным. Тут вспышка негодования охватила меня — на ум пришли картины сивомасковского быта, вспомнились какие-то пустые восторги горожан, вызываемые банальными, а то и просто идиотскими по своей сути представлениями: ТВ-программами, кинобоевиками, концертами, спортивными играми местного масштаба и прочей ерундой. Повседневная погоня за возбуждением низких чувств всегда вызывала во мне непреодолимую брезгливость, а с годами перешла в кардинальное отторжение. Кстати, я понимаю и другое: если представить себе, что мои чувства и размышления заинтересовали какого-либо сивомасковца, а тем паче даже вызвали любопытство, я бы посчитал его еще бóльшим глупцом. Потому что мой разум — это исключительно для Федора Махоркина, и франчайзингу тут никак не место. Эта бизнес-технология полезна для выпечки круассанов, производства моцареллы или плом-

бира. Но никак не для копирования или тиражирования моих размышлений. Правда, нет худа без порции добра: эти обстоятельства усилили бы ревностное убеждение, что я и есть именно тот, кто обязательно и довольно быстро и успешно найдет решение, как пре-
взойти самого себя и стать фундаментально отличным от земляков из Сивой Маски и от всех других. Вот каково состояние моего ума сегодня, когда я готов начать научные эксперименты практического толка с целью выхода из Федора Михайловича и переселения в совершенно новую сущность. Как окончательно избавиться от всего того, что роднит меня с земляками из захолустного городка, от всего того человеческого, что я ненавижу не столько в других, но — до бешенства — в себе самом? Тут надо быть перед собой искренним и признаться, что во мне сохранилась одна функция, сближающая меня с моими земляками. Такое случается со мной не столь часто, но есть обстоятельства, вызывающие во мне слезы! Я не в состоянии преодолеть эту слабость, я никак не могу найти в себе способность избавиться от этого недуга. Если я вижу, что между нами миллион различий, и это категорически убеждает меня, что я в корне другой индивид, чем окружающие, то почему я, как они, плачу? Достаточно, чтобы в памяти промелькнула некая душещипательная картина, как по щекам тут же начинают катиться слезы. Ох, как ненавижу я себя в эти минуты! В этом я вижу еще одно доказательство того, что мое сознание и собственная биомасса — две совершенно не зависимые друг от друга субстанции. Но это же очевидно: если интеллект не желает, более того, противится проливать слезы, а они текут себе помимо моей воли (понимай, сознания) и

повелевать этими выбросами соленой жидкости невозможно, то как считать, что я один? Одна моя часть плюет на желания другой. И тут резонный вопрос: моя ли она? И таких примеров немало. Видимо, поэтому и, конечно, по другим причинам я изгоняюсь сам из себя... Но тут следует признаться, что нередко меня гложет несоответствие между страстным желанием выползти из самого себя и из своей невзрачной оболочки. Так на каких размышлениях прервался я давеча? Да-да, темой раздумий был тезис: «Смерть должна быть праздником». На мой взгляд, здесь все бесспорно, любую неизбежность необходимо превращать в фиесту. К уходу из жизни надо готовиться. Это великое событие заслуживает особого внимания. Ведь смерть разрывает время и пространство. Начинать надо с простого: обуздывать, укрощать чувственность. Современность культивирует эту сферу, и она непомерно развита в сивомасковцах. Чем интенсивнее экономический рост, тем безогляднее страсть к всевозможным удовольствиям плоти. Разум без боя, с минимальным сопротивлением уступает место инстинктам. Жители Сивой Маски становятся не мыслящими и чувствующими существами, а лишь хотящими и требующими. Одно из целительных средств — одиночество. В нем цветет разум. Мой единственный друг Время нашептало мне этот путь. И эта замечательная подсказка воспалила сознание, вызвала необыкновенный творческий импульс. Да-с, неудачный биоинженерный проект сотворения сивомасковцев вынуждает меня к его фундаментальной переделке. Потому что никто не желает признать, что недостаток разума ведет к разгулу чувственности. Но тут без геной инженерии желаемого результата добиться невоз-

можно. Других инструментов, способных гасить соблазны потребления, воспитывать невосприимчивость к телесным искушениям, я не вижу. Однако ампутация чувственности вызовет колоссальный социальный взрыв: сокращение у граждан нашего городка потребительского спроса приведет к спаду производства, а это послужит толчком к развитию экономического кризиса. Лопнут социальные программы. Закроются школы, магазины, коммунальщики перестанут подавать тепло в дома, моя знакомая библиотекарша останется без работы, как и тысячи других северян. Дружба и любовь исчезнут, их сменят злость и ярость... Кризис вынудит горожан вернуться в тайгу, чтобы найти там пропитание. Под серьезное сомнение будет поставлено дальнейшее выживание сограждан. Нужно ли мне все это? Неужели я этого социального взрыва жду и желаю? Они же меня не злят, не раздражают, я не мечтаю им сделать ничего дурного. Я просто не хочу их замечать, не желаю быть на них похожим, не было еще случая, чтобы я говорил и думал о них с удовольствием. Их для меня нет. Моя мечта — быть их противоположностью. И все! Единственная моя вина, которая вызовет у них неприязнь ко мне, так это что я в своем сознании, а не публично утверждаю: сивомасковцы — не конец эволюции, довольно скоро появится новое существо. Соло Моно, мой приемный сын! Вряд ли, конечно, с моей помощью, хотя я об этом часто размышляю, и такое убеждение не только у Махоркина. Да-с, я уверен, что их господство носит временный характер. Но что в этом мнении возмутительного? Что в этом видении кощунственного? Или ужасного? Обнаруживается ли тут моя крайняя испорченность? В этот момент я даже про себя

возмутился — дескать, это мое мнение, которое я держу исключительно при себе. Вдруг по неизвестным причинам без малейшего риска оскорбить свой собственный слух и разум я совершенно неожиданно выкрикнул: «Необходимо заметить, я почти всегда нахожусь в одиночестве и предпочитаю говорить сам с собой, иногда даже вслух, а порой с раздражением и повышенным тоном! Одинокие, такие как я, молчаливы в обществе, но словоохотливы наедине с собой...» На этом я замолк. «Для чего вдруг я об этом прокричал на всю тайгу? Чтобы оправдаться? — удивился я собственному пылу. — Но эти мои мысли и поступки не содержат никакого греха. Может, чтобы увериться в своей правоте? У меня нет оснований ставить под сомнение мои восхваления чудесного одиночества и взгляд на мир без пестрых и нежных красок...» В этот момент справа от меня медленно, даже как-то гордо, не глядя в мою сторону, прошел лось, точнее, лосиха. Животное было без рогов. Это явление напомнило мне, что я шагаю по тайге, мой путь лежит в Астрахань, а по дороге я должен побывать в городке Чикшино, на улице Северной, дом 17. Зачем? Вернуть бумажник? Выяснить, не житель ли данного дома убил в тайге мужика? «Цель поиска Шляпкина Геннадия Алексеевича какая? — спросил я себя. — Она пока не ясна», — успокоил я Махоркина. И другая, совершенно нетипичная для моего сознания идея заняла мое воображение. Меня жутко раздражает эгоизм граждан Сивой Маски. Моя жена, мой дом, моя собака, моя зарплата... Вся реальность становится в их сознании некой собственностью. И воображение каждого молниеносно срастается с окружающим миром. В форме аллегорий им насаждают

политические и нравственные доктрины, которые совершенно не согласуются с природными возможностями сивомасковцев. Например, тысячелетние призывы делать добро, когда только представится случай и насколько хватит сил, остаются гласом вопиющего в пустыне. Ну не заложено это в их ДНК! К каким только догмам не обращались мои соседи по таежному городку за свою историю. Язычество, буддизм, брахманизм, христианство, мусульманство, монархизм, анархизм, капитализм, социализм, коммунизм... Все эти социальные теории оказались недоступны уму и сердцу сивомасковцев. И не стоит хулить их. Любую социальную задачу необходимо соотносить с реальными генетическими возможностями моих земляков. Нельзя от них требовать того, чего они не способны совершить. Или всем сердцем осмыслить. Что меня особенно раздражало в моих сивомасковцах? Желание много заработать, аппетитно поесть, изрядно выпить, получить сексуальное удовольствие, выспаться — и всё по новому кругу. Бррр! Жуть! Эти повторяющиеся из поколения в поколения круги жизни меня бесят. Ведь именно с позиции физического, а не духовного самочувствия они оценивают жизнь как «счастливую» или «несложившуюся». Все красивые, поэтичные слова о моих согражданах давно перестали заслуживать доверия. Они лживы. Если верить закону, по которому за расцветом неизбежно следует увядание, видимо, недалеко то время, когда Сивая Маска окажется пуста. Да-с, я замахнулся на грандиозную задачу. Эта программа не для меня, не для одного поколения, а для десятка, а то и сотен... Сегодня уже очевидно, что сивомасковцам придется сойти с дистанции. Как это без смущения и обиды делают трав-

мированные марафонцы, не видящие перспективы дальнейшей борьбы. Но я не нахожу в этом никакой торжественности. Каноны материи неумолимы. Утром солнце восходит, а вечером заходит, ветер бушует и стихает, сограждане появились и исчезли — работают законы неизбежности. И никакого обморока, шока или трагедии нет, и не может, и не должно быть, все течет и меняет свои формы или бесследно пропадает в бесконечности. Было бы наивно, а то и просто постыдно и глупо полагать, что существуют исключения и они касаются граждан Сивой Маски. Никак нет, благословенный взаимообмен в биомире веществ, организмов, молекул и клеток настойчиво утверждает себя около 14 миллиардов лет. Поэтому смерть и праздник должны быть связаны между собой так же прочно, как рождение и праздник... Но, может быть, эти истины не доходят до людей из-за пустоты и однообразия жизни, которые ведут к умственной отсталости? Никаких неприятных ощущений или критических комментариев при этом умозаключении у меня не возникло. Я часто повторяю, что ни при каких негативных проявлениях моих сограждан я не имею права осуждать их, что во мне не должен возникать гнев по отношению к сиво-масковцам. Мое сознание даже не вознаградило меня за довольно точное исследовательское наблюдение. Иногда, пусть и редко, когда мне удастся что-либо принципиально отметить, я не прочь похвалить себя, особенно если нахожусь в замкнутом пространстве. Скажем, в небольшой комнате или в городской библиотеке. Бывало, в момент восторга от собственной невзрачной персоны комплименты торопливо проскакивали в сознании, не оставляя сладких осадков. И жизнь Махор-

кина продолжалась в атмосфере постоянного и напряженного поиска самого себя. В этом смысле свою страсть к одиночеству я всегда рассматривал как дифирамб будущему Федору Михайловичу... Между тем небо закрылось темными свинцовыми тучами. Тайга померкла. Показалось, что дятлы застучали по стволам сосен каким-то ритмичным боем. Комары стали липнуть к лицу, а ноги отяжелели. Это обстоятельство никаких эмоций у меня не вызвало, и не по рассеянности, — я вообще не фиксирую и не осмысливаю состояние внешнего мира. Что мешало мне воспринимать реальность вне моего сознания, оставалось загадкой. Я успокаивал себя тем, что это был сбой в моей генетической программе. Впрочем, тут произошло другое. Внутренний голос вдруг назидательно подсказал мне: «Давай-ка, друг Федор Михайлович, закроем эту тему. Здесь, пожалуй, все ясно, перейдем к другой». — «О какой теме ты говоришь?» — спросил я себя. «О празднике по случаю смерти», — ответил я самому себе. «Навязчивая идея всегда искренна, тут не поспоришь. Она даже не требует доказательств», — с некоторым вызовом бросил Махоркину. Тут опять навалилось на меня прежнее. Почему я не восторгаюсь небом, звездами, солнцем, хорошей или плохой погодой? Меня не тянет к морю, в горы. Никаких чувств не вызывают ни цветы, ни краски природы. Никакого интереса не пробуждает разнообразный животный мир. Я никогда не имел четвероногих друзей — ни собак, ни кошек, ни кроликов. Никогда не было желания ухаживать за птицами, держать морских свинок, щенков волчат, лисят... Всю жизнь мой удел — отшельничество, половое воздержание, отторжение от всего, что свойственно в по-

вседневной жизни обитателям моего родного таежного городка. После пятнадцати лет я ни разу не ходил в кино, редко смотрел телепрограммы, музеи для меня — закрытые наглухо помещения, музыку я не слышу. Кроме научного вольнодумства, смелых размышлений о физике, химии, генетике, меня ничего не интересует. Политика? Почти ноль. Правда, я, с удивлением прочитывая заголовки газет, наткнулся на заметки, что на Украине валят памятники Ленину и Сталину. Эти двое и создали украинскую нацию, очертили ее границы, назвали сначала Харьков, а затем Киев столицей созданной республики. Никогда прежде такой страны не было. Тут на память пришла историческая справка: «Слободская Украина (от слов "у края") — историческая область России XVII—XVIII века, размещалась на территории ныне Харьковской и частей Донецкой, Луганской, Сумской, Белгородской и Курской областей. Со второй половины XVI века заселялась украинскими казаками и крестьянами, бежавшими от гнета польских землевладельцев с территорий, находившихся в составе Речи Посполитой. Переселенцы селились слободами. Казачье население региона стало называться слободскими казаками. С севера эта территория заселялась русскими служивыми людьми и беглыми крестьянами с восточных земель. В 1835 году Слободская Украинская губерния переименована в Харьковскую губернию Российской империи». Да, но зачем валить памятники? Да бог с ними — и с теми, и со всеми другими. Я не хочу разжечь гнев той или иной стороны. Меня никто и ничто не интересует, кроме забот совершенно иного порядка. С чего же начать переделку Федора Махоркина? Основная идея начинала обрастать в моем со-

знании технологическими деталями. Мне не требуется делать записи, память легко раскладывала мысли по полочкам в концептуальную структуру разрабатываемого основного прибора. Да-с, убеждал я себя, первым делом необходимо создать сборщик атомов. С них, атомов, начнется обновленный, усложненный сверх-Махоркин. А для этого необходимо научиться работать в фемто- и аттометровом диапазоне, чтобы нанопинцетом цеплять сверхмалые частицы — нейтроны, мезоны, электроны, — склеивать их в атомы, дальше собирать их в молекулы, а те затем сшивать в клетки. Около двух месяцев прошло, как я стал мысленно определять научные подходы к решению этой замечательной проблемы. И только в последние дни в моих восторженных видениях сложились линии различных конфигураций в царственной строгости, одна к одной, намечая контуры будущего прибора. Впрочем, впервые эта идея возникла у меня еще лет семь назад. Но самоучке всегда сложнее, чем научному коллективу или опытному академическому ученому. После этого грустного признания я на несколько минут глубоко погрузился в себя. Казалось, я ни о чем не думал, но почувствовал, что утомился; боль пронзила спину, на ступнях появились мозоли. Голова кружилась от усталости, и я в третий раз стал искать себе места ночлега, готовясь к путешествиям ночных фантазий. Я уже не в состоянии обдумывать подходы к созданию эволюционного прибора. Засыпаю со странной, навязчивой идеей: «Если бы все мертвые узнали, над чем я работаю, и выведали бы, что Махоркин уже близок к успешному разрешению своей невероятной сверхзадачи, многие захотели бы очнуться только для того, чтобы воскреснуть и расцеловать мои

мозги». Я позволил себе еще минутку безмолвно пофантазировать в полудреме. Представлялось, что бесконечность отделяла меня от следующего дня, и с этим ощущением я безмятежно и быстро заснул. Ничего необычного за ночь не произошло. Я, казалось, лишь на мгновение замкнулся в ночных видениях в звездной Вселенной. И вот уже лучи яркого солнца вынудили открыть глаза. Так быстро наступило утро... И разум, заряженный энергией белой ночи, опять начал затейливую игру воображения. Теперь я стал все больше убеждаться, что, если довести ум до крайней точки изумления своими проектами, восторг будет длиться вечно. Но тут критическая мысль о собственной наивности неожиданно и надолго вошла в сознание. Опечаленный возможным неудачным исходом, я почти машинально, согласно системе собственных тормозных установок, которыми старался управлять сознанием, прервал поток мыслей и стал думать совсем о другом, но тоже актуальном: «В скором времени я окажусь в этом городке. Для чего я иду в Чикшино? Чтобы встретиться с Геннадием Алексеевичем Шляпкиным? Осмотреть улицу Северную, взглянуть на дом номер 17? Чушь, не для этого! Но для чего тогда? Что меня интересует в одной частной, чисто человеческой истории? Убийство? Банально, часто видишь и слышишь! Тяга к убийству глубоко сидит в ментальности и даже природе людей. Вернуть Геннадию Алексеевичу бумажник, плотно набитый купюрами? Нет-нет, эта идея меня тоже не вдохновляет. Но там же его паспорт! Ну и что? Он может получить новый или уже его заимел. Но что-то тянет меня в этот городок. Что же? Тут мое внимание привлек шампиньон, потом я увидел другой, тре-

тий. Свежие лесные шампиньоны — превосходное лакомство. И предвкушение завтрака тут же появилось в сознании. Если раньше желание поесть нередко напоминало инфекционную болезнь, то теперь оно превратилось в пошлую необходимость. Поэтому при приеме пищи я становился мрачным и раздражительным, а в моей программе выхода из самого себя появились странненькие абзацы на тему фотосинтеза. Впрочем, сейчас я просто остановился на перекус. Появилась потребность уделить небольшое время молчаливой трапезе без малейшего пробуждения в Махоркине чувственных ассоциаций. Я быстро покончил с шампиньонами и погрузился в грезы. Обычно они нагоняли на меня меланхолию. Недовольство собой нарастало: от язвительных реплик в собственный адрес до мощного потока негативных эмоций. Компрометирующие Махоркина картины, которые я никак не мог приостановить, чтобы хотя бы понять сюжетную линию, проносились перед мысленным взором с огромной скоростью. Порой казалось, что это какой-то параноидальный всплеск сознания. В этом состоянии меня, Федора Михайловича, неотступно преследовали разные бредовые мысли и проекты. К слову, я неприятно унижил себя представлениями о своем роковом индигенате, которым обладал при появлении на свет. Но упорное стремление добиться исключительного права на изменение своего статуса, с пораженческого на социально выравненный, усредненный, ни к чему не приводило. Однако после одного болезненного комариного укуса в голове у меня все будто разом перевернулось. Я стал безмерно радоваться, что в Сивой Маске я пораженец и горжусь этим своим положением не только в социальном и ми-

ровозренческом плане, но больше в органическом, то есть биопроектном. Эта полемика двух стихий сознания продолжалась в чувственных образах еще долго, пока что-то не подсказало мне, что городок Чикшино где-то совсем близко. Почему мне это представилось, каким чувством я это определил, какие навигационные способности, которых я никогда раньше за собой не замечал, здесь проявились, не знаю. Только я остановился для определения местности. «Странно, — подумал я, — похоже, что действительно это Чикшино где-то рядом. Я даже слышу его шум». В душе у меня не возникло ни удовлетворения, ни пренебрежения, ни предчувствия опасности. Внутренние датчики разума показывали режим спокойствия и равнодушия. Звуки чужой жизни то касались края моего сознания, то совсем пропадали, то вдруг проникали в меня с такой остротой, словно отзывались эхом собственной памяти. Наконец я увидел город. Он выглядел неожиданно большим и враждебным. Нет, я не затаил дыхание, сердце не забилося учащенно, ноги не налились свинцом. Я ступил на территорию Чикшино безмятежно, с единственным желанием огорошить себя новыми, но при этом до боли известными примерами людского общежития. Именно они убеждали меня в главном — как можно скорее и решительнее выйти из самого себя и навсегда перестать быть гомо сапиенс или даже чуть-чуть похожим на них. Это страстное желание обычно завершалось громкой фразой: «Господа, я совсем другой, чуждый вам субъект, и с вами меня совершенно ничего не роднит». Конечно, я понимал, что никто Федора Михайловича в этот момент не слышит, признаюсь, может, как раз поэтому я и выкрикивал девиз на

своём махоркинском пути. Но как бы я ни старался отстраняться от земляков из Сивой Маски, во мне, скорее всего, как я уже отмечал, пока еще остается немало от них. Я это чувствовал и презирал себя за эти жалкие остатки. Но презрение к самому себе довольно часто доставляло мне странное наслаждение. Хотя я отлично помнил и другое свое изречение: «Тот, кто потерял уважение к самому себе по моральным соображениям, страдает значительно глубже, чем тот, кто мечтает вырасти из самого себя». Между страданием от боли и страданием от идеи не большая разница. Но странно, всякий раз в ответ на этот довод мои мысли вели себя неясно и сбивчиво. Да-с, так устроен Федор Михайлович, у него преувеличенная требовательность к себе — это результат измененного биоинженерного проекта собственной личности. И если мне удастся создать новую биоинженерную версию Махоркина, то мой грандиозный проект превзойдет по сенсационности теорию относительности Эйнштейна, хотя ныне, правда, многие его утверждения подвергаются переосмыслению и критике. Федор Михайлович окажется один во Вселенной! А что, я откажусь от клонирования? Не задумывался! Необходимо покумекать! Внезапно возникшая творческая энергия накалила сознание. Я стал лихорадочно пересматривать отношение к самому себе. С чего начать? Здравый смысл подсказывает: со сборщика атомов! Это же начало Федора Михайловича, да и всей мировой материи. Необходимо немедленно приступить к проектированию нанопинцета. Первые наброски в голове уже проступали. Это должен быть зонд, изготовленный из диэлектрического материала с коническими электродами из проводящего вещества. Я всегда без

чувства почтения к себе интересовался сверхмалыми частицами, полагаясь на их чудодейственные купажы и сказочные мутации. В приливе восторженных чувств я задавал себе один и тот же вопрос: не заносчив ли я? И тут же впадал в безвольную вязкую задумчивость, словно отшельник в праведной молитве. В этот момент совершенно неожиданная мысль вдруг беспардонно отвлекла меня от стержневой линии поиска: «А каким именем я нареку себя после биореконструкции? Можно даже сказать, после реализации нового биоинженерного проекта? Имя "Федор Михайлович Махоркин" уже никак не подойдет. Надо подыскать что-то из вселенского лексикона...» Этот незамысловатый, казалось, вопросик погрузил меня в тоску, перешедшую в возбуждение нейронов. Оно было неясным и слабеньким, так что я едва его чувствовал и даже запоминал какие-то мелькавшие в сознании мелочи. Впрочем, как это у меня часто случается, я вдруг забыл все... и на память пришло Чикшино. А напомнил мне о нем туго набитый бумажник в кармане, поскольку я боком ушибся о фонарный столб, уступая дорогу паре старичков в одинаковых толстых очках. Видимо, из-за слабого зрения они шли прямо на меня. Я извинился в никуда и принудил себя еще раз подумать, для какой цели явился я в этот городок на задворках людского мира, который я дерзнул качественно изменять. На ум стали приходить разные версии моего присутствия в Чикшино. Наиболее логичная выглядела следующим образом. Я хочу вернуть господину Шляпкину кошелек, в котором помимо денег есть важные документы. Вернуть не прямо в руки — встреча с ним не входила в мои планы, а подойти к дому номер 17 по Северной улице и опустить находку в

почтовый ящик. Такая акция казалась мне наиболее правильной. Ведь я не ждал никакой благодарности от этого субъекта, не желал выяснять его причастность к убийству в лесу. Он не вызывал у меня никакого интереса. Впрочем, нет-нет, а внутренний голос на что-то намекал — на нечто жесткое и чрезвычайное, к чему я категорически не хотел прислушиваться. Обычно слышишь некую, отчасти даже полезную подсказку интуиции, а прилагаешь недюжинные усилия, чтобы ее не заметить. И мучаешься, выходя за пределы здравого смысла и превращая слова в иллюзорную видимость. Я это состояние преотлично знаю, порой оно приносит пользу. Особенно когда размышляешь над работами астронома Хаббла. В эти моменты я успокаиваю себя банальностью: у меня столько более важных проблем, что нельзя отвлекаться на пустяки. Сейчас непреходящий восторг от книги Семена Николаева «Эволюционный круговорот материи во Вселенной» гнал меня по улицам северного городка. Людей встречалось немного; когда я наткнулся на женщину с холщовой сумкой, на которой был изображен подсолнух, то любезно попросил: «Будьте добры, не подскажите ли иногородцу, как пройти на улицу Северную?» — «Ну и наговорил. Для чего столько слов? Спросил бы просто: где улица Северная?» — прошамкала женщина с подсолнухом. И буркнула: — Пройдешь два квартала прямо, потом повернешь налево, еще квартал и направо. Понял?» — «Сердечно благодарю вас, любезная», — поклонился я и пошел прочь. «Нашелся тут вежливый... Пьянь или придурок», — озадачилась мне вслед чикшинка. Едва я шагнул дальше, как вспомнил где-то вычитанное вопрошание: «Почему все звезды излучают тепло, а тепловая

смерть Вселенной не наступает?» Прежде сей факт смущал загадочностью, но теперь он по той же причине обозлил меня. «Почему я так и не нашел ответ? Вопрос-то очень интересный. Скорее всего, тут необходимо размышлять вокруг таких понятий, как критические массы тепла. Или галактики, как фрагменты Вселенной, живут своей жизнью, каждая из них накапливает свои температуры и взрывается — это происходит в разное время, но непрерывно. Впрочем, над обоими этими экспромтами требуется поломать голову. Пока они явно сыроваты. У меня, насколько я себя помню, всегда была потребность докапываться до сути проблем, решения которые я не знал или не находил. Но вопрос температуры галактик и Вселенной не занимал меня основательно, так что всякий раз, как и нынче, вспоминая об этом казусе, я снисходительно прощал Федора Махоркина. При этом чувствовал себя законченным примитивом и часто повторял данный вывод, словно заклинание или волшебный призыв. Больше всего я корил себя за безграмотность и невежество. Ведь я обладал своенравной натурой и был убежден, что я единственный в своем роде среди всех сограждан. Тут я опять подумал о другом: почему сивомасковцам отведено в среднем лишь по 75 лет жизни? Они земляне, и только, а это главная информация, позволяющая получить ответ о сроках их жизни. Любую точку планеты они даже шагом способны достичь максимум за двадцать месяцев. То есть они продукт Земли. Там, где они созданы, они и властвуют. Вот если бы они, то есть и я, стали гомо космикусами, их, то есть мой, ареал обитания неимоверно возрос бы. Одна поездка в галактику туманность Андромеды сроком в два миллиона световых лет была бы

для них вполне осуществима. А метафора, что человек побеждает космос, не что иное, как ненаучный блеф, вызывающий лишь натужный восторг у моих, или, правильнее и корректнее сказать, для меня чужих, сивомасковцев. Чтобы освоить космическое пространство, необходим другой биоинженерный проект — превзошедший сам себя Махоркин! Да-с, надо торопиться с выполнением сверхзадания — создавать сборщик атомов. Только он способен помочь в конструировании совершенно нового биоинженерного махоркинца, способного путешествовать по галактическим далям, вольготно жить миллионы лет, стать настоящим хозяином Вселенной. Гигантское космическое окно попытаюсь открыть я, и поможет мне в этом создаваемый мной сборщик атомов нанопикофемтоаттометрового диапазона. А в сивомасковцах никакой тайны нет, все это выдумки культурологов. Как она возможна, если, с одной стороны, 75 НИС, а с другой — космическая гравитационная картина мира и трехсубстантная материя: эфир, обменные частицы — фотоны и нейтрино и элементарные частицы вещества — электроны, протоны и так далее. Такие тайны мироздания неподвластны даже гениям с 200 НИС. Тут надо замахиваться на уровень 700, 1000 и выше! В этот момент мимо меня пронесся велосипедист. Он прервал мои раздумья. «Где это сейчас Махоркин? — задал я себе простой вопрос. — Улица Северная, одиннадцать, — прочел я вслух надпись на табличке. Совсем рядом нужный адрес!» Я миновал еще два дома и увидел трехэтажное строение, свежеразкрашенное в бежевый цвет. На углу дома крепилась табличка с цифрой 17. Он самый! В здании было три подъезда. Долго не раздумывая, я зашел в первый.

Обычно почтовые ящики вешают сразу при входе в подъезд. Здесь их не оказалось. Осмотрелся. На каждом этаже по три квартиры, значит, в каждом подъезде по девять. Три подъезда — 27 квартир. «Оставить бумажник на лестничной площадке?» — пришла мне в голову мысль. Нет гарантий, что он будет передан владельцу. Вокруг-то люди! А ведь на мне лежит какая-никакая ответственность за него. Это обстоятельство станет меня тяготить. А мне голова нужна чистая, без пустяковых забот. Надо взглянуть на фото в паспорте и постоять у дома. Если повезет, можно с самим Геннадием Шляпкинским встретиться и подбросить ему под ноги пропажу. «Неплохо, неплохо, — похвалил я себя. — А пока буду его ждать, можно мысленно конструировать мой сборщик». Перед домом стояла покосившаяся лавка. Я осторожно уселся на нее и стал ждать, сосредоточившись при этом на своем наиглавнейшем. Итак, продолжим закреплять в памяти устройство сборщика атомов. Начать необходимо с нанопинцета. Его надо разместить в самом основании технологического модуля, решил я со страстным вдохновением. Я чувствовал неистовый творческий подъем. Затем следует установить зонд. Его контуры и особенности Махоркин не раз детально проговаривал про себя. Зонд изготавливается из диэлектрического материала с коническими электродами. Далее потребуется весьма полезная часть всей установки: необходимо создать высокоточный манипулятор, способный перемещать зонд относительно подложки, на которую наносится исследуемая материя. После чего в прибор встраивается моя гордость — мой симпатизант: генератор электрического напряжения, создающий управляемое электрическое поле между вершинами

электродов... В этот момент я увидел двух дюжих парней, выходящих из «моего» дома, и невольно вздрогнул. Один из них очень походил на Шляпкина. Мое сознание грешит недостатками, поэтому буквально в один миг созидательная страсть в нем погасла, зато разгорелось любопытство. Я не стал вытаскивать бумажник и вытягивать из него паспорт, чтобы еще раз взглянуть на фотографию Шляпкина, а вскочил с лавки и поторопился вслед за парнями. Один, казалось, только-только вернулся с юга или проводит дни в солярии. Он был в шортах, рубашке с короткими рукавами, а его загорелые ноги и руки почему-то вызвали у меня в памяти картину Сальвадора Дали «Призрак сексуальной привлекательности». Но главное — на голени загорелого типа я увидел татуировку, изображающую не что иное, как физиономию того же Шляпкина в профиль. Я был так заинтригован этим обстоятельством, что даже забыл о желании найти самого владельца паспорта. Итак, я шагал за приятелями, раздумывая о второстепенном и совершенно мне чуждом, пытаюсь на ходу сравнить татуировку с запомнившимся мне по снимку в паспорте лицом Шляпкина. «Ну какое мне дело до этих картинок? По профилю все равно ничего не понять... И причем тут Махоркин? Это совершенно не мои темы», — думал я. Во мне закипало раздражение. Но я, как ни старался, не мог отделаться от навязчивых вопросов. Наконец мое внимание переключилось на разговор, который вели незнакомцы. Я надеялся услышать нечто подтверждающее предположение, что в самом деле встретил именно Геннадия Алексеевича. Однако одного из парней звали Николаем, а другого Стасом. Поняв, что ошибся, я решил вернуться на лавку перед домом

17. Было досадно, что на такое пустяковое дело приходится тратить драгоценное время. Я уже хотел было написать записку «Найден бумажник. Пожалуйста, передайте владельцу. Спасибо» и оставить ее вместе с находкой прямо на тротуаре, как увидел, что из подъезда выходит настоящий Шляпкин. Он шел с видом хозяина жизни: надменный взгляд исподлобья, выражение презрительной усмешки, густые сдвинутые брови, выдающие человека, не терпящего возражений. На миг я замешкался, но тут же собрался с духом. У меня выработан свой подход для контактов с людьми. Я стараюсь обходиться малым количеством слов, исхожу из собственного представления о человеческой натуре. Сивомасковцем-одиночкой можно стать при одном условии: никогда не вызывать к себе интереса. Чем ниже опустишься в глазах земляков, тем меньше вызовешь любопытства. Но чем ничтожнее ты в социальном плане, тем выше становишься в понимании мироустройства. Без мозгов принизить себя невозможно, без интеллекта не признаешь себя жалким стихийным биоинженерным проектом, в основе которого лежат случайные мутации. Таких чудаков, как я, никто не замечает, между тем они более уважительно относятся к людям, чем другие, хотя внешне это никому не заметно. Человек для нас есть существо хрупкое, легкоранимое. Меня никто не интересуется, кроме самого себя. Но если сивомасковец попадает в беду, то я часто инкогнито стараюсь ему помочь. Есть другой тип людей: если у них возникает некое, порой даже слабое — из-за отсутствия необходимого дара — желание показать себя и обратить на свою личность внимание публики, они не скрывают тщеславия. Это порок сивомасковцев. По мере

развития популярности непомерно раздувается самооценка. Беда, если ослабевает или даже совсем исчезает внимание к согражданам. Ну а если говорить о так называемых звездах, то эта публика вообще не видит человека. Она воспринимает лишь людскую массу, а конкретно — никого. Тьфу! У меня к ним нет никакого интереса. Хочется существовать тихо, незаметно, разговаривая исключительно с самим собой. Ничто другое у меня удовольствия не вызывает. Итак, навстречу мне идет звездный тип — весь его вид выдает в нем представителя именно этого сословия. Но городок-то маленький, а дом, в котором у Шляпкина жилье, — заурядный, многоквартирный и уже обшарпанный, несмотря на недавний ремонт. С чего бы ему так кичиться? Откуда такое самомнение? Какая гениальная идея связывает его с действительностью? Например, с амбициозностью авторов типа Юрия Полякова или даже Сергея Чупринина, а тем паче Виктора Ерофеева? Ого-го! После знакомства с такими тружениками сочинительства, их опусами — книжным барахлом, полным бессмысленных слов, ущербных мыслей и обценной лексики, чаще всего возникает уверенность, что сам ты являешься любимцем публики или даже властным сановником. Может быть, Геннадий Алексеевич страдает этим расстройством? Или он красив? Я же не могу объективно оценивать внешний мир, потому что не способен отчетливо видеть его. Или он, Шляпкин, наделен неким талантом — певца, шоумена, модельера, повара, артиста, портного, футболиста или кондитера? Это им принадлежит современная цивилизация, они формируют и украшают реальность! Вот и Геннадий Алексеевич, проходя мимо, не взглянул на меня. И правильно! Для

чего отвлекаться и глядеть на ничто? Если я сам считаю себя ничтожеством, то какое имею право ждать чего-то от других? Я повернулся и двинулся вслед. Заставлю себя все же приглядеться к нему. Возможно, во внешних чертах и манерах я замечу нечто важное для понимания характерных особенностей господина Шляпкина. Для этого необходимо пойти ему навстречу. Пришлось обойти его, стать у бочки с квасом и понаблюдать. Высокий, спортивного склада, нос длинноват, глаза карие, но для широкого лица и внушительного роста какие-то узкие и слишком глубоко посаженные. Волосы темные, волнистые, на правую сторону лба свисает прядь. Может, это модно? Шаг твердый, уверенный. Одет модно — зауженные джинсы, новые кроссовки, рубашка в оранжевую полоску с вензелями на грудном кармашке. Человек явно убежден, что он баловень судьбы и счастливеец по рождению. Из таких идиотов, подумал я, и состоит современная наша, точнее, ИХ элита, желающая править миром. В первые минуты я все же буквально оцепенел от обостренного ощущения собственного ничтожества. Я даже готов был дать задний ход. Впрочем, слабость оказалась мимолетной. Ее сменило спокойствие, переросшее в любопытство. Не раздумывая больше, я оставил место у бочки с квасом и вновь последовал за своим объектом. А про себя отметил: «Пришла пора по-сивомасковски потомиться от нетерпения в ожидании разгадки личности Геннадия Алексеевича». Тут я поймал себя на мысли, что такую задачу никогда не ставил перед собой, она возникла в сознании помимо моей воли. И опять смущение охватило меня; я жестоко упрекнул себя, гневаясь, что нахожу в себе явные признаки родства с сивомасковцами, хотя постоянно

утверждаю, что я совсем, совсем другой тип. «Он еще жив во мне, жив, жив, его все меньше остается, но он еще присутствует в моем существе», — признал я. Конечно, своего лица я в этот момент не видел, но мне казалось, что оно исказилось в гневной гримасе. А насмеялся я над самим собой без жалости. Через квартал ко мне опять вернулось самообладание. Правда, теперь, кроме идущего впереди Шляпкина, я ничего и никого не замечал. Если бы он не стал переходить на другую сторону улицы, я, видимо, еще долго бы не возвратился к реальности. Но тут пронзительно заскрежетали тормоза, чей-то голос обругал меня последними словами, и только тогда я очнулся, а мысль, что я все же являюсь полной противоположностью сивомасковцам, чудесным образом успокоила меня окончательно. Да, Федор Михайлович проглотил пилюлю, способствующую ясности ума. Между тем «объект» опять стал переходить улицу. Я заметил, что за ним движется группа людей, что-то нашептывающих или напевающих. «Что это с ними? — удивился я. — Какой-то безумный мир. А может быть, это аминазин, вызывающий у меня вязкость сознания?» Окружающее вдруг напомнило мне еще одну картину Сальвадора Дали — «Апофеоз Гомера». Надо заметить, в минуты крайнего возбуждения я частенько вызываю в памяти образы этого замечательного художника. И всякий раз убеждаюсь, что он, так же как и я, категорически не ассоциировал себя с сивомасковцами, культивировал идею, похожую на мою наиглавнейшую мечту, и по-своему изменял мир. Скажу так: у него все течет и обращается в нечто, а законченный продукт имеет лишь временный характер, как и во всей Вселенной. Галактики обращаются вокруг центров

массового скопления галактик, в состав которых они сами же входят. Прямолинейного движения у макрома-терии во Вселенной нет. Поэтому и я, и Дали существуем по сходным ментальным схемам: он изображает свой отличный от всех мир, а я мечтаю создать свой, совершенно уникальный. Криволинейная связь делает нас независимыми и разными. Наш творческий поиск мы воспринимаем не иначе как повышение температуры разума. Почти по Нильсу Бору, когда из воспаленного сознания осторожно извлекаешь крупницы драгоценных научных решений. Я учусь отличать беременных шестисантиметровых лесных мышовок от девственных. Тяжело, но процесс начался. И увлекает. В эти минуты страсти по Шляпкину стали во мне стихать, и я утерял план своих дальнейших действий. Поэтому остановился и задумался: «Почему я оказался в городке Чикшино? Ах да, хотел вернуть бумажник и взглянуть на возможного убийцу. Так! Но теперь мне не до этого, вспомнились совершенно посторонние для нынешней ситуации люди. Что же делать?» Этот вопрос словно обдал меня холодом. Может быть, забыть о Шляпкине и двинуть дальше, напрямиком в Астрахань? Продолжить проектировать сборщик атомов? Или все же следовать за типом, оставившим кровавый след в таежной глуши? Неизвестно по какой причине внутренний голос подсказал: «Выбери последний вариант». Честно сказать, я даже не включил мозги для анализа этого сигнала. Что-то нашептывало мне: «Иди, шагай за ним, тебя ждет сюрприз». Шляпкин был уже далеко впереди, и я, словно намагниченный, поспешил. С раннего возраста я, кстати, приобрел привычку смотреть на ноги человека, лишь изредка поднимая глаза, чтобы бегло взглянуть на

физиономию. Это спасало меня от ненужных знакомств. Обмен взглядами с одними и теми же людьми из нашей Сивой Маски обязывал бы меня здороваться с ними, а порой даже останавливаться и нести какую-нибудь банальную чушь. Брр! Это было бы выше моих душевных сил. А может быть, в этой привычке сказывалась недюжинная сила моего инстинкта избегать лишних контактов со своими земляками? В сознании опять возникли аллюзии с еще одной картиной Сальвадора Дали — «Мрачная игра». Как ни старался я, как ни силился, ни отмахивался, чтобы сосредоточиться на сиюминутном, то есть на Геннадии Шляпкине, его вытеснило полотно испанского мастера воображаемой сверхреальности, почти то, что мечтает реализовать сам Махоркин. Только наука спасла меня. Я представил себе, как утверждение Эйнштейна, что «пространство сокращается», в пух и прах разносит питерский физик Семен Александрович Николаев, резонно заметивший: «Ведь пространство — это пустота, а она не может сокращаться, и этот процесс никак нельзя измерить». После такой мозговой встряски я быстро нашел взглядом Шляпкина, приблизился к нему и пошел за ним уже с конкретным планом, созревшим в голове. Господин Шляпкин теперь был не один, а с девицей. Описывать ее не стану, поскольку она по беглому впечатлению ничем не была примечательна, а более того, ее вид не вызывал совершенно никакого интереса. Они шли не торопясь, останавливаясь по пути, и о чем-то громко болтали. Складывалось впечатление, что вел разговор Геннадий Алексеевич, а девица лишь изредка вставляла краткие реплики. Эта была не беседа, а скорее наставление или служебное поручение, которое назидательно

излагал Шляпкин. Чтобы не растягивать историю в Чикшино и не задерживаться здесь надолго, я решил тут же реализовать идейку, пришедшую мне ранее. Вытащив из бумажника шляпкинские водительские права, я догнал парочку и, зайдя вперед, без обиняков спросил: «Прошу прощения, кажется, вы выронили этот документ?..» После этого молча протянул права. «Нет, — сухо бросил Шляпкин. — Я ничего не ронял». Он отвернулся и продолжил разговор со спутницей. Я громко прочел данные из водительского удостоверения: «Шляпкин Геннадий Алексеевич, дата и место рождения — 1985 год, город Воркута...» Шляпкин, не дав мне договорить, выхватил из моих рук документ, злобно осмотрел меня с ног до головы и прошипел: «Откуда у тебя мои права?» Он схватил меня за грудки. Рубашка на мне затрещала. «Я же сказал, — не сдавался я, — что они лежали на тротуаре. Я и подумал, что вы их выронили». — «А еще что-нибудь, кроме прав, лежало на тротуаре?» — угрожающе рявкнул Шляпкин. Глаза его горели злостью. «Я увидел только этот документ, — спокойно ответил я, не отводя его рук. — Вы еще что-то потеряли?» — «Вали отсюда, следопыт! Ты вообще откуда?» — «Из Сивой Маски». — «Что делаешь у нас в городе?» — «Я здесь в гостях...» — «У кого?..» — «Геннадий Алексеевич, идите своей дорогой, у меня неотложные дела. Я тороплюсь!» — заявил я. «Пошли, оставь парня», — негромко попросила шляпкинская спутница. «Откуда знаешь мое имя?» Он еще крепче сжал кулаки, притянув меня за рубашку прямо к своей груди. «Послушайте, господин Шляпкин, — произнес я с достоинством. — Буквально пару минут назад я считывал ваше имя из прав. У меня неплохая память...» —

«Выбрось из головы все, что со мной связано! Забудь мое имя, выруби из своей дурацкой башки эту встречу и разговор со мной, — с яростью потребовал Шляпкин. — Понял? Сволочь!» — «Так я пошел? Отпустите рубаху...» — освобождаясь из его тисков, миролюбиво сказал я. «Пошел вон и не попадайся на глаза, а то худо будет!» Едва я остался один, как сразу ясно смекнул: «Скорее всего, он и есть убийца». Впрочем, вызывающая агрессивность этого типа и хамское поведение, как и настороженность, еще не доказательство участия в таежном преступлении. Необходимо продолжить мою игру. История со Шляпкиным занимала меня, что никак не характерно для моего менталитета. Если весь связанный с бумажником сюжет имеет какой-либо смысл с точки зрения реализации моей главной идеи, то я не поддамся на угрозы и продолжу преследование, чтобы приблизиться к цели и довести дело до успешного финала. Вообще же у меня нет никакого сомнения, что все связанное с моим главным проектом, а значит, с этапами жизни Махоркина и с воспаленным сознанием Федора Михайловича, отмечено какой-то ниспосланной свыше сверхсилой. Поэтому необходимо продолжить наступление на Геннадия Алексеевича. Я обязан еще и еще раз убеждаться, что если не давать злодею передышки, атаковать его, используя разные хитросплетения, то психика его надломится, он сдастся и рано или поздно признается в содеянном. В какой форме состоится капитуляция Шляпкина, какая картина предстанет передо мной? Банальная или завораживающая мистической страстью? Все возможно. Я ощутил почти забытый азарт. В этом сказываются остатки исчезающей во мне сивомасков-

ской ментальности. Или, напротив, это знак моего отличия от других? Тут же на ум пришла другая мысль, а именно: каким должен быть следующий ход и как расставить декорации, способные вызвать у Геннадия Шляпкина бурную реакцию? Я знал, что невиновный не впадает в гневное состояние, поэтому хотел испытать своего подозреваемого. Едва я об этом подумал, как сам собой сложился сценарий. Я вытащил из бумажника шляпкинскую карточку Сбербанка и решил на этот раз ее подбросить к ногам владельца, благо разумно спрятавшись при этом за каким-нибудь выступом. Когда он начнет озираться в попытке разгадать тайну невероятной находки, я вдруг явлюсь пред ним с неприкрытым видом. План меня завел. Все-таки жив, жив во мне сивомасковец. Наверное, подавленное чувство собственного достоинства бунтует, и, хотя мои принципы требуют чуждаться сентиментальности, я редко, но все же отвожу ей драгоценное время. Бррр! Я успокоил себя мыслью, что частица никогда не способна явиться чем-то законченным, а желания, возникающие в моем сознании, всегда подчинены исключительно Махоркину, а значит, настоятельно ждут удовлетворения. Ведь я имею право лишь на то, на что меня направляет сознание. Только в этих случаях можно добиться победы разума. Утешившись этим доводом, я углубился в свою интригу. Я чувствовал уже, что сознание будто охвачено огнем. А это, как известно, признак активизации творческого потенциала. Тут же у меня начинается учащаться дыхание. Неожиданно до моего слуха донеслись звуки музыки. Я быстро пересек улицу, пробежал по ней метров пятьдесят, опять возвратился на ту сторону, по которой двигался Шляпкин, и, не теряя ни минуты, спря-

тался за овощным киоском. Людей на улице немного, редкие прохожие торопятся по своим делам. А господин Шляпкин со спутницей идут размеренно, как празднично гуляющие. Я терпеливо дожидаясь мига, когда место между интересующей меня парой и овощным прилавком свободно, и бросаю на тротуар, прямо по линии их движения, ту самую банковскую карточку. А сам, обежав павильончик, оказываюсь за их спиной. Еще ничего не произошло, сценарий, сочиненный мной, лишь начал реализовываться, а я уже предвосхищаю события и оттого наполняюсь радостной отрешенностью. Я поймал себя на мысли, что дальнейшее наблюдение за господином Шляпкиным мне уже не очень интересно. В это самое мгновение раздался его жалобный возглас: «Кто меня продолжает дурить?» Конечно, я уже не смог сдержаться и буквально выпрыгнул на тротуар. И, как ранее задумывалось, с безучастным видом последовал за Геннадием Алексеевичем. Держа его в поле зрения, я намеренно шел понуро, как бы еле волоча ноги в упадке сил. Между нами было метров шесть-семь. Пройдя пару шагов, я поравнялся с зеленой клумбой и опять услышал шляпкинский крик: «Опять ты? Сволочь! Опять суешь нос в мои дела!» Едва я поднял на Шляпкина глаза, как он еще сильнее разъярился. «Что ты плетешься за мной? Следишь, да? — орал он. — Что тебе от меня надо? Денег хочешь, да? Конечно, денег!» Он держал в руке свою кредитную карту. Лицо его искажилось до неузнаваемости. Я по себе давно знаю тяжесть воздействия негативных обстоятельств на психическое состояние. Поэтому сейчас мне было его немного жаль. Но я улыбнулся, что делаю чрезвычайно редко и всегда по особым случаям, и миролюбиво зая-

вил: «Вы явно ошиблись, господин Шляпкин. Я вообще не понимаю, каким обстоятельством вы взволнованы. Я спокойно иду своей дорогой, денег ни у кого не прошу, да они мне и не нужны. Кроме того, у меня нет никаких оснований и прав следить за вами или за кем-то еще. А что, собственно, с вами произошло? Вы так бледны! На вашем лице смятение, а в глазах чуть ли не ужас. Прошу прощения за откровенность, только не обижайтесь, но ваша физиономия напоминает мне картину Сальвадора Дали "Лицо войны"». Шляпкин слушал меня онемев, с вытаращенными от бешенства глазами. Я между тем продолжал ерничать: «Вас обидели, оскорбили? И вы готовы кому-то намять бока? Даже придумать?» Я вдруг осознал, что стал многословен. «Что это со мной? — искренне удивился я. — Попал в сивомасковский сюжет, и во мне тут же открылись порочные черты обывателей, которых я высмеиваю и мечтаю заменить! Я и не подозревал, что во мне еще столько от сограждан». Геннадий Алексеевич наконец обрел голос и взревел: «С твоим появлением, сволочь, вокруг меня стали происходить странные вещи! Я про войну смотрел немало фильмов, не знаю, чья рожа на что похожа, но твою харю я размажу на самом огромном экране! Скажи, чего ты хочешь, скотина? Чего добиваешься? Бабок? Говори!..» Я перестал его слушать, потому что погрузился в свои раздумья: «Чего мне еще надо? Почти все ясно. Пора идти дальше, в Астрахань, и заниматься своим делом». Мне достаточно подключить к мозгу существующую в сознании информацию, касающуюся устройства наносборщика, и в воображении возникнет образ нового существа. Я мечтаю назвать его Соло Моно, или Сам в Себе. Конструктивные решения, дерзкие

идеи посыплются из него как из рога изобилия. А если к тому же я еще и прищурю глаза, то Соло Моно, мой приемный сын, воспарит между галактиками, и настоящая жизнь, о которой я мечтаю, начнется только после этого творческого взлета. Она станет заполнять разум не пошлыми мечтаниями Шляпкиных, а, например, математическими фантазиями электромагнитного поля. Конечно, мне нужен рядом в качестве соратника физик Семен Николаев. Как половые инстинкты по мере развития духовного начала породили любовь, так и с Семеном Николаевым обычные конструкции, которыми полна современная технология, под магическим кристаллом его гения предстанут сумасшедшими проектами, выходящими далеко за грань возможного. Я уже напрочь забыл о Геннадии Алексеевиче и с головой погрузился в мысли об особенностях нанопинцета, как почувствовал грубый толчок в плечо. «Эй, пройдем со мной, — рывкнул мне на ухо Шляпкин. — Поговорить надо. По-мужски. Спокойно. Даже шепотом. С пользой для дела. Я подумал: для чего ругаться? Неистово кричать? Каждый сможет высказать свои претензии и предложения. И договоримся...» Вначале я хотел было не отвечать и побыстрее убраться на свой маршрут, но воля моя была сломлена затейной мной самим интригой. «Может, — мелькнуло у меня в голове, — еще раз убедить себя, что человек в его характерных особенностях почти исчерпан? Что заблуждения усиливают чувство его интеллектуальной немощи? Что все его движения мысли и поступки можно заранее просчитать по генетическим кодам? Как на принтере 3D?» Не стану спорить, что для таких утверждений нужны яркие примеры. А случай со Шляпкиным может представить их в

широком ассортименте. Дам-ка я себе право контактировать и дальше с этим таежным преступником, чтобы он сам признался в совершении подлого убийства. И на этом закончу пребывание в Чикшино. Какие шаги необходимо предпринять, чтобы довести сознание моего подопытного до полнейшего распада? Чтобы Шляпкин обхватил свою голову так же крепко, как давеча стискивал рубаху на моей груди, и отчаянно закричал: «Да, это я убил в тайге человека! Это мое преступление!» Прежде всего следует продолжить натиск на психику. Например, задумчиво бросить первую загадочную фразу: «Так я пошел своей дорогой, господин Шляпкин. У меня любимое занятие — гулять по улицам городов и бродить по глухим таежным тропам. У каждого своя страсть. Я люблю изучать закоулки — как в таежных дебрях, так и в сознании людей. У вас, видимо, своя, может, даже совсем неожиданная страсть. Бог даст — а он любит делать сюрпризы, — еще встретимся...» Впрочем, закончу более убедительно: «Уверен, впереди нас ждут внезапные и весьма интересные свидания». Едва я произнес эти слова, как тут же вскочил в заднюю дверь отходящего автобуса, но затем, быстро пройдя через салон, вышел через переднюю дверь. Прячась за автобусом, я вбежал в стеклянный супермаркет. От светлых движений я покрылся испариной, по телу, словно бескрылые мухи, ползли капли пота. Но материальная оболочка Махоркина не смердела. Я знал, что ни при каких температурных или пищевых казусах и даже испражнениях моя плоть не источает вони. Впрочем, меня это не радовало и не огорчало. Из магазинчика я стал наблюдать за Геннадием Алексеевичем. Судя по обрывкам разговоров, которые доходили до моего слу-

ха при первой и второй встречах со Шляпкиным, он был по профессии строителем, а как человек — полнейшим идиотом. Например, я лично слышал, как он говорил своей спутнице: «Ты не представляешь, какую огромную радость доставляет мне убеждение, что я выгляжу солидным и умным человеком». Или: «Больше всего на свете я люблю строганину из оленьих ребер». И далее: «Не приставай ко мне ночью, я сам залезу на тебя поутру». Фирменный перл: «Лучше иметь сто рублей, чем занозу в заднице». Каков? Вытаращенные, остекленевшие глаза, отвисшая нижняя губа, выдающая внутреннюю растерянность, вытянувшийся острый нос с торчащими из ноздрей рыжеватыми волосками — все это вызывало у меня антипатию. «И зачем производит природа таких типов? — подумал я. — Вот почему я мечтаю с ней поспорить и ее ошибки исправить, то есть создать нечто универсальное, и не только для жизни на этой планете, но и для обитателей в космических далях». Заражаясь энергией тоски, болезненного отчаяния и ставшего привычным страдания, я вынашивал идею о Соло Моно уже не один год. Не очень-то комфортно жить рядом с такими субъектами, похожими на Шляпкина и сивомасковцев. Поэтому и рождаются прорывные идеи, и я уверен, что они в своей радикальной форме посетили не только меня, а множество людей, у которых возникает тошнота при соседстве с собственными земляками. Нет, какое-либо раскаяние меня никак не мучает, зато очень злит медлительность, нерасторопность Федора Михайловича. Нередко что-то совсем неважное отвлекает, и сам понимаешь, что занят пустяшными делишками, что они недостойны твоего внимания, тем не менее отрываешь у себя драгоцен-

ное время и занимаешься ерундой. Вот и сейчас — не пойму, какая сила толкает меня развивать сюжет с Геннадием Алексеевичем. Но толкает же, и сила эта непреодолимая. Или, к слову, недавно меня стала преследовать мысль, что голова Мубайса-младшего плоская, сдавленная гравитацией и этим обстоятельством чиновник пользуется, демонстрируя свой неземной череп — дескать, он продукт Вселенной и шутки над ним ничем хорошим не могут закончиться. Ну полная чушь, а ведь застряла же в сознании на несколько часов. Минутку, я забыл о Шляпкине, а между тем сам спрятался, чтобы за ним понаблюдать. Надо взглянуть, чем этот тип занят. Вот Геннадий Алексеевич истерично размахивает руками и что-то кричит. За стеклом слов не слышно, но видно, как напряжено его горло, как вздулись вены на шее и нервно задвигались желваки на скулах. На что жалуется жертва моей психической атаки, кого чихвостит? Не ошибусь, если назову Махоркина. Но чтобы говорить обо мне, необходимо прежде всего определить массу Федора Михайловича. А точность определения массы зависит от тщательного выбора структурных единиц. Ими могут быть фотоны, электроны, протоны, собранные в атомы и молекулы. Однако, кроме меня самого, выполнить эту задачу никто не сможет. Так что кричи, клейми меня, Шляпкин, а ты исчерпал себя как вид. Я сегодня успею доказать это, потому что способен считывать твоё поведение, настоящее и будущее. Дождавшись окончания его истерики, я, когда он поплелся дальше, вышел из магазина и крадучись пошел за ним. Шляпкин часто озирался, но я находился вне поля его зрения. Он шел медленно, и мои мозги активно работали. Я подумал, что мне редко доводится по-

грузаться в повседневную жизнь. Она соткана из того полуматериального вещества, которое мне совершенно безразлично. И риторические вопросы — почему, как и зачем — я задавать себе никогда не стану. Многое представляется мне чуждым в бытии сивомасковцев. Сознание своими прочными скрепами связало Махоркина с другим, нарождающимся в моем разуме миром. А мир Шляпкина, как и граждан из Сивой Маски, и других городов и поселков, предзакатный: диск солнца здесь на две трети ушел за горизонт. А лучи моего солнце пока скрыты, они едва коснулись бледного неба, но еще не таежных сопок, не вершин елей и сосен, как бывает в полярный день около полудня на моей широте. Я полностью охвачен лишь одним чувством и долгом, а у Шляпкина и компании чувств на многое хватает, но ум почти непродуктивен. Чтобы не оскорблять своих земляков, я бы высказался даже более политкорректно: у них ум для нынешней цивилизации, созданной мутационной стихией, а у меня и мне подобных — для новой, грядущей, создаваемой интеллектом. Вот простой пример того, что меня смущает, хотя по инерции я сам этим пользуюсь, тем не менее даю обещание, что после создания наносборщика никогда не вернусь к этому анахронизму. Почему только у русских есть отчество? Это, скажете вы, вопрос истории. Последняя европейская страна, которая обязала всех своих граждан иметь фамилию, была Россия. До отмены в ней крепостного права на фамилию имела право только зажиточная знать, но и она «офамилилась» в самом начале XVIII века. А в европейских странах фамилии появлялись с XIV века. Крепостные не имели паспортов и фамилий. Дядька Николай, тетка Марья, а молодые: Николай — сын Пе-

тра, Фроська — дочь Кузьмы и так далее. То есть Николай Петрович или Ефросинья Кузьминична. В 1861 году в Российской империи была объявлена реформа — так называемое освобождение крестьян. Более 30 миллионов крепостных стали гражданами. И у них должны были появиться фамилии. Брали разные — с производных от профессии до барского имени и даже фамилии. Кто что выбирал. Но чаще полагались на усмотрение и подсказку переписчика. А отчества сохранялись. Если звали Николаем Петровичем, то прибавлялась фамилия. Скажем, Николай Петрович Романов — если человек был государственным крепостным, то есть собственностью царского дома. При раскрепощении такое положение еще понятно — сила инерции. Но почему спустя десятилетия не отказались от этой памяти позорного рабства? От клейма никчемного существа, от синонима изделия, предмета быта, каким являлся крепостной? Вот и моя фамилия — Махоркин. Наверняка она ведет к предку, который выращивал дешевый табачок или жадно его покуривал. А предок Шляпкина, конечно, мастерил дамские головные уборы. Некоторые так называемые эксперты, которых нынче тысячи и тысячи, называют сохранение отчества национальной традицией. Невежество! Это не что иное, как след многовекового рабства, закрепленный по нынешнее время за гражданами России. Я вообще уверовал в собственную догму: когда россияне избавятся от отчества, они наконец обретут истинное достоинство. Оно проявится не в чванстве, а в вежливости. Впрочем, весьма скоро я вмешаюсь в этот процесс моим конструктивным моделированием... Думая о своем, я не выпускал из виду Шляпкина. Пара все так же медленно двигалась по улице.

Хотя Геннадий Алексеевич по-прежнему непрестанно оборачивался, он теперь казался спокойней. Погода тем временем стала меняться. Тучи заволокли небо, с востока доносились раскаты грома. Солнце спряталось, вокруг потемнело, ветерок обдал меня свежестью. В те моменты, когда гремел гром, со мной происходила странная вещь: я вдруг испытывал невероятную гордость за свой удел — быть и оставаться Махоркиным. Но вместе с тем желание как можно быстрее изобрести технологию сборки из биоресурсов нового существа Соло Моно усиливалось. Я прямо раздувался от собственного величия. Природа моего дарования неподдельно восхищала меня. Федор Михайлович отлично понимал генезис этих эмоций: все это остаточные явления моего родства с сивомасковцами. Увы, после перехода от упоения собой к обычному меланхоличному состоянию — а, по правде сказать, я до сих пор не совсем понимаю, что считать своим нормальным расположением духа, — у меня наступал упадок душевных сил и я чувствовал обостренное пренебрежение ко всему окружающему. Мысль, что в природе нет и не может быть ничего возвышенного, как и низкого, успокоила меня. На какое-то время я даже опять почти забыл этого Шляпкина. А вспомнив о нем, стал в легкой панике приглядываться к пешеходам. К счастью, он продолжал свой путь, все так же озираясь по сторонам. Перед рестораном «24» эти двое остановились и, обменявшись парой фраз, вошли внутрь. Я взглянул на стрелки уличных часов — было начало второго. Ясно, что пара зашла пообедать. Я тут же стал строить план, исходя из ситуации, чтобы не оставлять в покое Геннадия Алексеевича. На ум пришла идея, которую я приготовился реализо-

вать. Она показалась мне достаточно интригующей. Я опять вытащил бумажник Шляпкина, достал из него вторую кредитную карту — на этот раз Уралбанка — и тысячерублевую купюру и подошел к служебному входу заведения. Удобный случай довольно быстро представился. Из дверей выглянула женщина с ведрами, в которых плескались помои. Она отнесла ведра к сточной яме, вылила туда содержимое и направилась назад. Я подошел к ней: «Вы можете заработать тысячу рублей и сделать доброе дело. Пояснить?» — «Если нет криминала, говорите», — поощрила меня работница ресторана. «Понимаете, — доверительно начал я, — мой приятель познакомился с девушкой, она ему понравилась, и он пригласил ее в ваш ресторан. Но свою кредитку он случайно оставил у меня. А наличных денег у него недостаточно, я точно знаю. Будет выглядеть по-дурацки, если я подойду и верну ему карту. Согласны? Прошу вас сделать следующее: молча и незаметно подложите ему карту во время смены посуды на столе. Это действие не отвлечет нашу парочку от любовной беседы. Вот вам тысяча рублей за услугу». Я протянул ей кредитку и купюру. Женщина не сразу решилась взять их и, казалось, обдумывала предложение. «За каким столом они сидят?» — наконец неуверенно спросила она. «Я точно не знаю. В вашем заведении есть укромное место, откуда можно оглядеть зал? Проводите меня туда, я укажу вам столик». — «Пошли!» Она решительно взяла кредитку и ассигнацию в тысячу рублей. Спрятавшись за красной шторкой, отделяющей зал от служебного помещения, я увидел стол, за которым сидели Геннадий Алексеевич со спутницей. Помощница заверила, что все сделает по плану. Я поблаго-

дарил и вышел на улицу. Теперь я задумал занять место напротив ресторана, так чтобы, выйдя из питейного заведения, Шляпкин тут же встретился со мной. Жаль, что саму сцену я не увижу. Прошло минут пять, и Шляпкин выскочил из дверей «24» с явным намерением бежать без оглядки. Увидев меня, он остановился, скривил физиономию и глухо произнес: «Чего ты от меня хочешь, отморозок?» Я улыбнулся — так было задумано, потом засмеялся. Громила махнул рукой и молча поспешил прочь. Немного погодя из ресторана выбежала его спутница и понеслась вдогонку. Я двинулся следом, стараясь оставаться незамеченным. «Махоркин его надломил. Парень спекся, — заключил я удовлетворенно. — Надо продолжить атаку, чтобы окончательно покончить с его кичливостью и преступной ментальностью. Впрочем, чего можно ждать от человека, если он сотворен стихийными биомутациями лишь сто тысяч лет назад! И это при 13-миллиардной истории мироздания. Это не щелчок, не писк, даже не миг в возрасте Вселенной, а только... Мне даже стыдно подсчитать, а потом честно признаться самому себе». В квантовом времени приблизительно 1,3 умноженные на 10 в минус 43-й степени секунды от возраста Вселенной. Чего же можно ждать от Шляпкина? От всего его биологического вида, если у них, точнее, у нас — я же пока с ними, — такой, поэтически говоря, атомарный или даже постоянно планковский возраст? Я рвусь, как нефть из скважины, чтобы превзойти себя, а меня смешит грешник с 60 НИС. Позор! Но, может, потому я и тянусь к перерождению, как насекомое к свету, что понимаю свою жалкость, унижительную скромность своего разума? Большинству угодно жить со скудными умствен-

ными возможностями, зато в чудесной материальной роскоши и в кулинарной пресыщенности. А некоторые индивиды, к числу которых принадлежу и я, видят свое назначение в другом — существовать в нищете, но разумом возноситься до невероятных высот. У Сальвадора Дали есть картина «Геополитическое дитя, наблюдающее за рождением нового человека». Значит, и этот гений мечтал о том же. Его гигантское яйцо — аллегория биостроительного материала, которым переполнены галактики. Если современная медицина способна разложить человека, то Дали — архитектор будущих видов, как и Махоркин, который должен собрать из Вселенной мельчайшие конструктивные частицы и сотворить Соло Моно — господина мира. Надо побыстрее разделаться со Шляпкиным, который уже весьма раздражает меня своей примитивностью, и целиком погрузиться в биоинженерный проект нового поколения. Это желание было таким сильным, что Время, казалось мне, стало похожим на зыбкий холм песчаника — в нем хранилась моя идея, но холм отодвигался от меня все дальше и дальше, как неуловимый фантом. Я уже хотел разбежаться и прыгнуть, чтобы остаться на холме, но пришел в себя, усмехнулся наваждению, нашел глазами Геннадия Алексеевича и поторопился за ним. Я пока довольно смутно представлял конфигурацию будущей мизансцены с господином Шляпкиным, но успокоил себя, что мысли были заняты чем-то другим, и только теперь задумался, как может развиваться очередная сцена встречи с Геннадием Алексеевичем. Прежде всего необходимо взглянуть внутрь самого себя. Насколько Махоркин желает унижить свою жертву? У меня есть прекрасный ход, я знаю, чего я не хочу, и отлично пони-

маю, чего добиваюсь. Теперь расставить фигуры уже просто. Но гадкое и постыдное заключается в том, что финал заключительной сцены мне, автору, известен. Так, может, бросить бумажник с паспортом и деньгами — кстати, за минусом тысячи рублей, отданной работнице ресторана, — и шагать себе по своему маршруту дальше? Логично, ведь мне точно известен финал. Для чего же тратить драгоценное Время, которое мой единственный друг? Но почему во мне нет согласия с самим собой? Мне, редкостному типу, жизнь представляется не плоской, как доска для резки лука, а с бурями и солнцепеком. Ее красят живые картинки морального упадка сивомасковцев и подобных им. Неизвестные пороки эксцентричной банальности убеждают больше, чем скромное обаяние честной повседневности. Все же я, как режиссер постановки, обязан завершить этот спектакль. Поэтому продолжу преследование. Я некомфортно чувствую себя среди сограждан, но, видимо, в таких редких случаях общения с ними подпитываюсь сверхэнергией, которая с невероятной силой влечет меня к фундаментальным переменам. Благодаря этому умозаключению у меня тут же сложилась в голове финальная сцена истории со Шляпкиным. Она понравилась мне ничуть не меньше, чем предыдущая. «Итак, — думал я, — необходимо создать ситуацию, при которой я соблю его спесь и он окончательно сдастся». Постановка должна вызвать у него приступ малодушного страха, за которым последует публичное признание в убийстве. И мне совершенно до лампочки, обратит публика внимание на его раскаяние или нет. Заберут его в полицию, отдадут под суд, накажут, повесят либо этот господин из-за обществен-

ного невнимания к его жуткому преступлению, ошарашенный или даже довольный, побежит к себе домой на улицу Северную, чтобы обдумать новое злодеяние либо исповедоваться в церкви, мечети, буддийском храме. Я не ожидаю никакого публичного резонанса, истошных криков за или против Шляпкина и не собираюсь измерять расстояние между дурными и благими поступками. Мое сознание, захваченное невиданной по масштабу гипотезой, ни на один из вариантов гневной или пофигистской реакции на шляпкинское чистосердечное признание не поспешит с желчным приговором. В данной ситуации я сам окажусь вполне удовлетворен лишь при одном условии: Махоркин выполнил поставленную перед собой задачу. Больше меня ничего не интересует. Я сам в себе. И мой мир только во мне. Такую же IT-программу я постараюсь внедрить в Соло Моно. Это моя отличительная черта: совершая поступки, я принимаю решения, прямо противоположные сивомасковским. То, что мои земляки воспринимают как нечто хорошее, мне будет казаться жутким, и наоборот. Они хотят жить сегодня, я — завтра. В снах я вижу цветущий ад, они — черно-белый рай. Мое времяпрепровождение отличается утонченностью: в интеллектуальном экстазе Федор Махоркин создает уникальную биоматерию, способную весьма успешно конкурировать с веществом, из которого сотворены сам Шляпкин и его братья. А мое болезненное и навязчивое нежелание общаться с сивомасковцами объясняется просто: меня смущают собственные радикальные планы, и этот стыд побуждает избегать общения с людьми. Я мечтаю сконструировать наноборщик, чтобы создать сверхновое живое существо с невероятным

по уровню интеллектом, которое придет на смену сивомасковцам. А каждый из моих сограждан — прошу прощения, почти каждый — хочет заполучить из ниоткуда станок для печатанья денег или лотерейный билет, но обязательно с выигрышем и чтобы сумма была восьмизначной... Я терзаюсь вселенской проблемой, они — мелкими мирскими обольщениями. Махоркин мечтает выйти за границы собственного «я», они — обзавестись какой-нибудь технической, ювелирной или текстильной новинкой. Федор Михайлович восхищается космическим простором, они — земными идолами, которые гроша не стоят. Я предвижу перемены и сам участвую в рывке разума к новым вершинам, они же уверовали в незыблемость нынешней среды обитания и гармонию сытого комфорта. Но по физиологии мы с сивомасковцами пока близнецы-братья. Мой мозг работает круглосуточно, наяву и во сне. Идея, картина, сюжет, постановка, формула, закон, цифры... Сменяя друг друга, они проносятся в голове, словно марафонцы, обгоняя впереди бегущих. Нет-нет, я не забыл Шляпкина. Воспаление моего ума не мешало идти по его следу. Он сбавил шаг, стал реже оборачиваться, но голова у него, я был уверен, раскалывалась от мыслей о страшной тайне. Кто и зачем, думал Геннадий Алексеевич, хочет его шантажировать? Кто подбрасывает ему зловещие улики, доказывающие его участие в таежном преступлении? Тут вдруг в моем странном сознании опять забрезжила мысль: «О, какое это великое удовольствие — потешаться над самим собой!» Особенно над своими ранними, наивными размышлениями о жизни и смерти. Нет-нет, к уходу из жизни надо совершенно иначе готовиться. Смерть разрывает пространство и время,

воспоминания реальности и ожидание религиозных легенд. И начать следует с обуздания чувственности. Современность культивирует эту сферу, в последнее время она непомерно возросла у сивомасковцев. Здесь простая арифметика: для интенсивного и стабильного экономического роста требуется развитие страсти к разнообразным удовольствиям плоти. И успехи здесь колоссальные. Разум сивомасковцев без борьбы и сопротивления уступил и продолжает отступать перед инстинктами. Граждан Сивой Маски можно уже называть не мыслящими, а лишь чувствующими существами. Интеллектуал не интересен экономике, он не субъект рынка потребления, а его оппонент, то есть, если хотите, враг. Заколдованный круг — без помощи геной инженерии из него не выбраться. Еще нет инструментов, способных гасить соблазны потребления, воспитывать невосприимчивость к телесным искушениям. Взгляните хотя бы на праздничные облачения попов разного ранжира — они вытканы золотом, платья блестят, как нижнее белье в борделях. Согласен, что ампутация чувственности вызовет в мире социальный взрыв. Сокращение потребления приведет к спаду производства, потере рабочих мест, снижению ставок производителей на мировых фондовых рынках, серии банкротств. Могут начаться ожесточенные войны, разорительные и опустошительные. После чего все закрутится по прежней модели: осуждения войны, новые рабочие места, требования повысить заработную плату, пополнение бюджета на социальные программы... Но для того чтобы старая колесница опять понеслась по проторенной дорожке, необходимо производить, а чтобы производить, надо знать своего потребителя, воспи-

тывать в нем чувства, вынуждающие его прильнуть к прилавку, к бумажнику, к кассе. В этой извечной гонке старт и финиш заранее известны! Должны быть понятны всем, кто имеет мозги. Ведь именно по таким лекалам развивается и погибает мировая цивилизация. Но сивомасковцы слепы и легковёрны, их младенческий разум не способен вначале трезво оценить себя, затем соотнести свои генетические особенности с законами рынка, чтобы потом заключить: способен ли сивомасковец со своей наследственной программой долго сосуществовать с законами экономики? Нечто подобное и с уголовным законодательством. Есть радикальный выход — мой наносборщик. Но существуют и промежуточные технологии. Чтобы отвлечь граждан от все возрастающей гонки потребления, необходимо пропагандировать преимущества жизни в одиночестве. Поддавшись такой обработке, сивомасковец начнет жить не чувством, а пытливым разумом. Впрочем, все же весьма сомнительно, что у него хватит ума и силы воли на то, чтобы оставаться наедине с собой. Видимо, полная утопия — моя надежда на сохранение вида сивомасковцев. Не удастся оторвать моих земляков от гонки за материальными благами, от дешевого шика секс-вечеринок, от бахвальства друг перед другом. Некоторые критики заметят, что все эти людские шалости лишь форма бегства от тягостной скуки. Вот-вот, а эта дрянь — скука — откуда берется? В этом-то и главный вопрос — за ним точнейший диагноз стремительного упадка. Никто не желает признавать: недостаток разума ведет к разгулу чувственности. И не только у сивомасковцев, а у подавляющего большинства всех представителей вида гомо сапиенс, вне зависимости от

национальностей и рас. Так что спасением может стать лишь новый биоинженерный проект, над которым я работаю. Да-с, именно он! «Но пора возвращаться к Шляпкину, — уже в который раз пронеслось в голове. — Кстати, где он?» Я не без тревоги оглядел улицу. Геннадий Алексеевич стоял спиной ко мне у пивной забегаловки. Он разговаривал с какой-то парочкой. Я ждал развития событий, чтобы приступить к заключительному этапу моего плана. Но ничего не произошло. Шляпкин и его спутница двинулись дальше. По пути он несколько раз кому-то звонил по мобильнику. Видимо, абонент не отвечал. У кинотеатра «Радуга» Шляпкин взглянул на афишу и опять безрезультатно попытался с кем-то соединиться по телефону. Потом он простился со своей подругой, один подошел к кассе, купил билет и вошел в зал. Я взглянул на расписание сеансов — названия фильмов меня не интересовали. Следующий сеанс начинался в 16 часов. У прохожего я спросил, который час. Было без двадцати минут четыре. Я огляделся. Финал, кажется, складывался удачно. Через дорогу я увидел отделение почты России и направился туда. На столе, как обычно, лежали привязанная к стойке шариковая ручка и стопка каких-то бланков. Я взял листок и крупными буквами написал: «Внимание! Господин Шляпкин Геннадий Алексеевич! Вы потеряли в тайге свой паспорт! Пройдите из зала к выходу. Вам вернут документ и ждут объяснений». После этого я вернулся к кассе кинотеатра, купил билет и, когда зрители стали из фойе проходить в зал, тоже прошмыгнул туда. Разобравшись, где расположена будка киномеханика, я поднялся к ней и выложил хмурому киношнику свой план: «Уважаемый! В тайге я нашел

паспорт. Вот он, на имя Шляпкина. По некоторым причинам я не хочу возвращать документ ему лично. Даю вам две тысячи рублей, если до начала сеанса вы сделаете по микрофону это объявление». Я протянул ему бланк с текстом. Механик мельком взглянул, взял деньги и хотел уже было выполнить мою просьбу, но я жестом остановил его: «Хочу сначала переговорить с администратором. Чтобы все было официально, надо передать паспорт через сотрудника. Кто у вас работает на этой должности?» — «Сегодня смена Николая Палыча, — ответил механик. — Он добрый мужик, отставник. Недавно начал у нас работать. Он обычно перед сеансом дежурит в фойе. Его легко узнать — он в зеленой рубашке, конечно без погон. Если что, я задержу начало сеанса. Только не тяните». Я поблагодарил и побежал на первый этаж. Тут же увидел мужичка, подходящего под описание, и направился к нему со словами: «Николай Палыч! Вот вам четыре тысячи рублей. Через пару минут киномеханик объявит, что господин Шляпкин потерял в тайге паспорт. Он должен подойти к выходу из фойе. Паспорт ему вернут, но он должен объяснить, как именно произошла потеря. Вот сам паспорт на имя Шляпкина. Договорились?» — «Почему вы платите за эту пустяковую любезность? Непонятно. Паспорт я человеку верну, спрошу, как он потерял. Но деньги брать не стану. Не пойму, почему вы готовы выложить столько», — искренне недоумевал честный отставник. «Отдайте эти деньги нуждающимся, они все равно не мои. Вручите самому Шляпкину, если он вам понравится...» — «Чьи же это деньги?» — «Я уже сказал, не мои». — «Хорошо, я подумаю...» Администратор неуверенно взял паспорт и деньги. «У меня просьба. За-

давайте ему вопросы по моему плану. Первый вопрос: "Ваша фамилия Шляпкин, полное имя — Геннадий Алексеевич?" Второй вопрос: "При каких обстоятельствах вы потеряли данный документ?" Видно, что вы человек военной закалки, так что произнесите, пожалуйста, этот вопрос командирским голосом. Вот и все. Когда он что-нибудь пояснит, вернете ему паспорт». — «Что за игра? — нахмурился отставник. — Паспорт не мой, не ваш, мы должны вернуть его владельцу без всяких условий». — «Четыре тысячи за два вопроса. Соглашайтесь, тут нет никакого криминала. Вы же не требуете деньги за возврат паспорта». — «Так точно, вроде ничего незаконного нет. А вы при этом где будете?» — все еще колебался отставник. Я осмотрелся и успокоил его: «Я буду наблюдать за вами, стоя за той шторой. Нет возражений?» — «Мне с такими странностями еще не приходилось встречаться», — последовал сухой ответ. Мое предложение явно вызвало у Палыча глубокое замешательство. Минуты две спустя он еле слышно выдал: «Ладно! Давайте объявление». Я мигом поднялся в кинобудку, дал сигнал механику, а сам вернулся в фойе и спрятался на портьеру. Я понимал, что выгляжу сейчас как полоумный, как типичный сивомасковец или даже хуже того. Мой болезненно воспаленный разум уводит меня от реальности. Нетрудно представить, что может обо мне думать администратор. Надо поскорее заканчивать с этой авантюрой. Механик без запинки прочел объявление. Наступила тишина. Затем я услышал, что в кинозале начался фильм. Минуты через три-четыре в фойе появился Шляпкин. Вид у него был потерянный. Губы дрожали, как при сильном ознобе, в лице ни кровинки. Едва он подошел к Николаю Палычу,

как тот строго спросил: «Как ваша фамилия, имя, отчество?» Подавленный Шляпкин медлил с ответом. Отставник повторил вопрос, но уже тоном ниже, при этом значительно потряс паспортом, выдавая беспокойство. «Нервничает», — мелькнуло у меня в голове. — «Я, я... Шляпкин, Геннадий Алексеевич... — запинаясь, признался допрашиваемый. А затем шепотом, словно в горячечном бреде, пробормотал: — Это мой паспорт...» — «Сообщите, при каких обстоятельствах вы потеряли документ?» — входя в роль, приосанился администратор. Шляпкин, дрожа своим большим телом, виновато мямлил: «Это я... я... его прибил, я... расквасил ему голову...» Мне ничего не оставалось делать, как выйти из-за портьера и направиться к выходу. Не оглядываясь, я сбежал по ступенькам вниз и вышел из кинотеатра. «Махоркин добился своего. Но ради чего? Что мне это дало? Удовлетворение? Нет!» — в волнении рассуждал я. Недовольный собой, я решил вычеркнуть весь эпизод из своей памяти. Однако тут ко мне подбежал побагровевший отставник, схватил меня за локоть и разъяренно закричал: «Этот ваш Шляпкин признался в убийстве. Что мне теперь делать? Я должен сообщить в полицию!..» Я взглянул на него с отстраненным видом и хладнокровно убрал его руку со своего локтя. А затем без единого слова поспешил своей дорогой. Трезвая рассудительность уже мешала мне. Теперь мне хотелось только одного — замкнуть сознание и сконцентрироваться на главнейшем проекте. Мои действия должны быть просты — буду лишь думать и запоминать, а сам проект грандиозен, он нечто угодное самой Вселенной. Она, как сверхразум, видимо, тоже мечтает быть заселенной не на одной из миллиарда планет из сотни

миллионов галактик, а вся! С этими мыслями я поспешил из городка Чикшино. Знаю, у меня есть досадная склонность разбрасываться идеями и терять нить размышлений. Одна мысль по неизвестным причинам вдруг непроизвольно выталкивается другой, и не обязательно более важной, а просто совершенно из другого отдела памяти. Видимо, не так просто разрывать природные узы и выходить, а то и вырываться далеко-далеко за отмеренные нам границы. Здесь нет никакой мистики, я объясняю этот феномен просто: биоинженерный, стихийно мутационный проект, по которому создан Махоркин, несовершенен. Иначе и быть не могло! Стихия — неуправляемая, непродуманная материя. Да, в этом отношении я враждебен собственной природе. Но это справедливо лишь для правой стороны мозга. Левая сторона у меня такая же, как у рядового жителя Сивой Маски. И во всей истории с господином Шляпкинским меня угнетало именно оно, левое полушарие. Конечно, я шел на поводу навязчивой идеи, из-за которой втянулся в пошлую авантюру. Теперь я ее заложник, никак не могу выйти из лабиринта простенького сюжета, словно был заперт в тюремной камере. Мне уже давно, повторяю, известно, об этом своем базовом дефекте. Но как раз это тяжелое огорчение является тем фрагментом моего естества, который требует кардинальных изменений. Зато интеллектуальный аппарат, расположенный в правой части моего мозга, функционирует весьма продуктивно, хотя и не без сбоев. Базис-то великолепный, я вспомнил внушительные стеллажи в библиотеке родного городка рядом с полярным кругом. Никакие университеты тут не нужны. Бесплатно, без экзаменов, без суеты, без календарных сро-

ков и обязательств, без лекций — они представлялись мне скучнейшим мороком по сравнению с содержанием умнейших фолиантов, — без зачетов, без оценок знаний, без переключек присутствующих, без общения с преподами... Из-за боязни встретить в вузе какого-нибудь типа в профессорском сане, который, не дай бог, оказался бы сексуальным маньяком и стал бы приставать ко мне, я быстро подавил и без того слабое желание поступать в ближайший к Сивой Маске филиал Архангельского университета. Кроме того, вуз почему-то с отрочества представлялся мне, так сказать, явлением женского рода. В воображении того времени его очертания казались мне какими-то эротичными — то мягкими, то упругими. У юного Махоркина от таких видений даже случался экстаз. Ведь картину реальности создает не зрение, а сознание. Одним словом, было несколько причин, из-за которых я никогда всерьез не думал о высшем образовании. И полки с книгами в Сивой Маске меня вполне устраивали. Обширный фонд библиотеки комплектовался давно, когда весьма тщательно относились к подобным делам. При советской власти к населению предъявлялись три главных требования: послушание, помалкивание и учеба. Вдруг я по слабости вновь переключился на другое: «Я совершенно не согласен с тем, что якобы США и их западные союзники развалили СССР. Эту огромную страну погубили сами большевики — еще при ее создании в 20-х годах прошлого века. Мина под СССР была заложена при формировании союзных республик. Чудаки провозгласили ошибочную национальную политику, концептуально выраженную в убеждении, что человек по природе — по генетике у таких умников двойка —

интернационален, а посему право наций на самоопределение никакого риска для государственного устройства не несет. Страшное заблуждение! Безграмотность! Никогда в истории не существовали такие страны, как Казахстан, Таджикистан, Киргизия, Белоруссия, Узбекистан, Украина, Молдавия, Туркмения. Эстонии и Латвии как государствам от роду было не больше двадцати лет, когда их включили в СССР. Только у трех стран в прошлом была своя государственность: у Грузии и Армении — их государственности сотни лет, у Литвы — недолго. В этом и крылась главная ошибка коммуны. Если бы они по примеру США переплавили пестрый этнос Евразии в едином котле, приняли единую конституцию, а не десятки местных, выбрали единый язык, а не создали бы десятки местных, ввели единый алфавит, а не производные от кириллицы буквы с бантиками, не наплодили бы этнических элит, правительств и других органов власти в каждой из надуманных республик, то ни США с союзниками, ни кто иной разрушить СССР был бы не способен! Нечто подобное, думаю, ждет Евросоюз. Без единого общего языка, без номинации единой европейской нации, без единой религии, без единого правительства, то есть без полного отказа от своего исторического этноса, его ждет та же судьба. При первом крупном кризисе — межэтническом, финансовом, религиозном, политическом или, упаси бог, военном — Европе уготовлена та же судьба: она развалится. Тут на помощь мне вновь пришел мой кумир — я вспомнил картину Сальвадора Дали «Молодая девственница, развращаемая рогами собственного целомудрия». «Спасибо за подсказку, — благодарил я мысленно великого испанца. — Этот образ, несомнен-

но, создан как аллюзия на тему о коммунизме. Браво, умница Сали!» — я его так называл. Но почему это я вдруг задумался о давно уже развалившейся стране? А, это началось с воспоминаний о городской библиотеке. Да-с, она начала закладываться при Ленине, но в основном формировалась в сталинскую эпоху. Друг Сали Гарсиа Лорка как-то заметил: «Усы есть трагическая константа человеческого лица». А Ленин, Сталин и Гитлер были усачами. Их наивный идеализм, которым переболели в первой половине прошлого века большая часть России и многие интеллектуалы Европы, оставил катастрофический след. А в основе этого лежат биологическая безграмотность и нравственная слепота. Те немногие, кто упорно ищет истину, а потом победно восклицает: «Ура! Ура! Ура! Я нашел ее!» — заканчивают печально. Ухватить истину, познать ее никак нельзя, она всегда впереди, на горизонте, и всякий раз ускользает по мере приближения к ней. Если бы у меня был сын или ученик, я никогда бы не советовал ему искать истину. Это ложный поиск. Доказательство? Обратитесь к истории: почти все научные открытия и законы с усмешкой вычеркиваются из инвентарного листа следующими поколениями. Последний яркий пример — упомянутый уже не раз физик Семен Николаев из Питера. В мировом ранжире ученых умов это малоизвестное имя. А ведь он недавно опроверг самого Эйнштейна, о котором сложены легенды и написаны оды. Если переплавить все вывески с именем Эйнштейна, которые находятся на улицах разных городов мира, спрессовать все его издания, страницы монографий о нем, его фотографии, украшающие офисы и научные центры, то полученная масса потянет, наверное, на тысячи тонн.

А страницы с критическими строками Семена Николаева, посвященными трудам Эйнштейна, по весу не превысят и трехсот граммов. Ну и что с того? Парадоксальное соотношение физического и интеллектуального. А между тем после работ Николаева след Альберта Эйнштейна в физике начал теряться. К чему это я? Все к тому же: надо думать о главном — о необратимой деградации сивомасковцев и создании Соло Моно. Да, но прежде чем гордо провозглашать себя конструктором нового вида, даже для успокоения самого себя необходимо убедиться, что собственное сознание не мусорная куча, а цветник, удобренный биомассой прежних поколений, во многом похожий на архивный сейф интеллекта. Так ли это? Ох, не уверен... Тут я огляделся. Городок остался за спиной, и я уже вышел на проселочную дорогу. В нескольких сотнях метрах слева вновь потянулась тайга. Это обстоятельство меня успокоило и вернуло к главной теме. Я думал о деталях будущих приборов. Если только удастся собрать, склеить все части моих умозаключений в единое законченное целое, тысячи, миллионы книг, которые засоряют библиотечные полки своими никчемными и ординарными суждениями, превратятся в хлам. Меня утешало важное обстоятельство: мозги Махоркина в основном заняты процессом создания нового обитателя Вселенной. Что здесь обнадеживает? Это уже сформированное в сознании главенствующее начало всей конструкции — нанопинцет, способный захватывать атомы, перемещать их в цезиевые ячейки и формировать молекулы. Следующий этап — молекулы склеивать в клетки. И далее... Итак, как я это делаю: приближаю нанопинцет к поверхности резервуара, на котором размещаются об-

рабатываемые образцы, и подаю на конусообразные электроды электрическое напряжение от генератора, создающего управляемое электрическое поле между вершинами электродов. Под воздействием неоднородного электрического поля атомы притягиваются к вершинам электродов. Количество захватываемых атомов пропорционально величине подаваемого на электроды напряжения. Затем удаляю нанопинцет из резервуара и переношу к обрабатываемому объекту. Захваченные атомы удерживаются на пинцете созданным между электродами электрическим полем. Тут начинается самое интересное: локальное осаждение атомов. Это решение пришло в голову пока только Федору Махоркину. Когда «пленные» атомы встречаются со свободными, выключаю электрическое напряжение. В результате сила, удерживающая атомы на пинцете, многократно ослабевает и становится соразмерной с силой притяжения к атомам обрабатываемой области. В результате «пленные» атомы перемещаются из «горячей» точки межэлектродного пространства на «холодную» поверхность. И процесс повторяется. Атомы склеиваются в молекулы, затем молекулы в клетки — и творческий процесс конструирования новейшего биоинженерного проекта хозяина Вселенной по имени Соло Моно начинает набирать обороты... Неразрешенной проблемой остается пока точный размер постоянной Планка. Временно буду пользоваться коэффициентом, взятым самим немцем с потолка. Да, еще фотоны — кванты электромагнитного излучения. Я пока не способен регистрировать квантовую массу с энергией меньше радиодиапазона. А это затрудняет реализацию многих научных решений. Вот только бы получить от извест-

ного лица согласие на финансирование конструкторских работ. Без лаборатории, оснащенной самым современным оборудованием, концептуальные научные решения Махоркина недолго сохранятся в сознании... Но, прости меня, Федор Михайлович, для чего тебе вся эта суета? Неужели дело стоит того, чтобы ты, унижая свое эго, искал проклятые деньги — немалые, надо заметить, — лихорадочно и суетливо закупал дорогостоящие станки и реактивы, создавал сверхсовременную лабораторию, воспалял мозги и насиловал сознание? Тут я опомнился. Что со мной? Я перестаю себя узнавать, теряю убеждение, что я Федор Махоркин. Ведь от него не могли исходить такие агрессивные умозаключения. Словно коварные ворожеи, они проникли ко мне в сознание. Еще пару минут назад я даже гордился — и вдруг разверзлась мрачная бездна сомнений... «Успокойся, выбрось из головы неожиданную ересь и вернись к главной теме», — скомандовал я Федору Михайловичу. Я заставил себя отключить сознание и какое-то время бездумно брел по таежным тропам. Мира вокруг я не видел, не чувствовал, не понимал. Сколько времени продолжалось это состояние отрешенности, сказать трудно, но неожиданно вновь подступили язвительные вопросы: «А ты, дружок, подумал, как поведет себя мировая экономика, если человек будет жить 150 или 200 лет? Или по твоим планам и проектам даже дольше? Ведь нынешняя цивилизация сивомасковцев такого феномена не переживет. С таким гигантским трудовым ресурсом она не способна уместиться в скромную по размеру экономику нынешнего человеческого общества». Действительно, задумался я, напрочь позабыв все прежние неожиданные наваждения, при

таким колоссальным избытке рабочей силы да к тому же еще и средств — ведь кратное увеличение НИС («эйч ай си») приведет к невиданному производству манипуляторов, заменяющих человеческий труд, а порой и интеллектуальный, — как же она, цивилизация, будет функционировать? Надо признаться, мой кропотливый научный поиск, непрерывно происходящий во мне во сне и наяву, наталкивался на тяжелейшие проблемы. Однако этим вопросом я до сих пор еще не задавался. И виной тому, конечно, не слепни, преследующие меня по дремучим сибирским тропам, а скорее мое трансцендентное сознание, направляющее весь творческий потенциал на главную цель. Экономика пока не в фокусе моего внимания. Видимо, тут мозги нужны не Федора Михайловича. Впрочем, может быть достаточно предоставить простор своему любопытству, погрузиться в размышления на эту актуальную тему, и тогда ответ родится сам собой. В этих обстоятельствах я всегда сохраняю способность не падать духом, а напрягать мозги. Неудовлетворенность рано или поздно сменится эйфорией, радостью новой победы. Мои требования к собственному сознанию, являющиеся неистовым источником интеллектуальных изысканий, найдут свое реальное воплощение. Есть, есть, есть Время и смысл поломать голову над экономикой будущего... Сейчас, кстати, пора уточнить мой дальнейший маршрут, намеченный еще в Сивой Маске. После Чикшино я сделаю привал в Тэдино, потом зайду в Пиндуши и осмотрюсь. На эту часть дороги уйдет около недели. А шагать до Астрахани придется еще шесть недель. Активная жизнь начнется после этого южного города, если, конечно, я договорюсь со спонсором. Если же средства на созда-

ние лаборатории не найдутся, значит, жизнь моя окончится на берегах Каспия. Итак, в запасе у меня около семи-девяти недель. Или проект Соло Моно, мой приемный сын, наберет обороты и начнет энергично реализовываться, или я в глубоком разочаровании дам деру из этого мира. Ведь, кроме идеи Соло Моно, я не вижу перспективы уникальной событийности, а без этого жизнь становится бессмысленной. Или я, переполненный творческим подъемом и эмоциями, шаг за шагом расширяю границы познания, или бросаю всему бесстрастное «Пока». И без проблеска надежды все гаснет вмиг и навсегда. До возникновения моего сознания существовала вселенская пустота, и она опять бесцеремонно наступит. Я не верю в то, что все, возможное для Федора Махоркина, характерно и для жителей Сивой Маски. По этой причине всякий раз сторонюсь их и тем не менее никогда не считал себя лучше, чем мои сограждане. Я — другой, да! Но отнюдь не больше или не лучше, а даже хуже. После медитации и изучения самого себя, постижения своих противоречий я приходил к твердому убеждению: хуже! хуже! Одним словом, *пораженец*. Станный тип, который сам себя ограничил в гражданских правах. Самовольно отказался от всего чисто человеческого. И не только ущемил себя в физиологических возможностях гомо сапиенс, дарующих удовольствия, а категорически отстранился практически от всего людского. Такой статус не вызывал во мне страданий или сочувствия к себе, а, напротив, способствовал нарастающему чувству удовлетворения. Надо честно признаться, что в случае с Федором Махоркиным это, конечно, совершенно не так, как обстояло дело в коммунистическую эпоху с жителями Сивой Ма-

ски. Им требовалось искусственно возбуждать в себе чувство глубокого удовлетворения и довольства жизнью, чтобы доказывать лояльность к власти. Я не ломаю себя, убеждаясь в абсолютной непохожести на своих сограждан. В этих отличиях и состоит моя суть. Меня успокаивает, что я не один такой в обозримом мире. Бетховен, Дали, Ницше, Планк и другие гении, которым я поклоняюсь, в часы вдохновения, когда их захлестывали творческие фантазии, тоже рвали связи со своими современниками, да и с миром вообще, наслаждаясь отрешенностью, погружением в самого себя, отвращением к бытовым реалиям собственного существования. Повседневное и обыденное они, как и Махоркин, существо умственно-библиотечное, не замечали, игнорируя знаки бренности жизни, более того, отрекались от него как от порчи, как от проказы. Загадочность жизни — вот что нас вдохновляет. Этой аурой я хочу окружать себя не пару дней в неделю, а каждую секунду, каждое мгновение бодрствования... Тут в фокусе моего сознания оказалась другая мысль: моя жизнь, да и любая другая — это лишь число во Времени и ничего больше. Так что дорожить в ней абсолютно нечем, кроме способности восторгаться вдохновенной идеей. Нынче и я нахожусь в замешательстве и полон негодования, возмущения, словно аутсайдер в гонке за выживание. Между тем лучи солнца лежат на макушках таежных елей, и настроение должно быть благостным, как у каждого жителя Сивой Маски. Но лесные зеленые заросли только отвлекают меня необходимостью искать дорогу. Поэтому одна мрачная мысль сменяется другой. Меня бесит, когда реальность оказывается сильнее сознания. Голова отяжелела, взгляд стал

неподвижным, слух отключился, я начисто все забыл, словно повинуюсь некоей команде, и отрешился от мира. В таком скверном состоянии Федор Махоркин понесся дальше в наступавшую белую ночь. Сколько времени это продолжалось, сказать затрудняюсь. Помню лишь, что на опушке вдруг увидел сторожку. Домик полуразрушенный, а обветшавшая, в щелях и царапинах дверь, обитая обрывками войлока, плотно закрыта. Я решил взглянуть в оконце, скрытое за ржавой решеткой, установленной снаружи. Сквозь плотную паутину разобрать что-либо было сложно, впрочем, в основном я убедился: сторожка была заброшена и пуста. «Заночевать здесь? — спросил я себя. — Сейчас уже около полуночи». Я приготовился с силой открыть дверь, но она легко поддалась и распахнулась. Я невольно отпрянул — прямо передо мной было большое чучело волка. Осколки красного кирпича торчали в его глазницах. Оскал был зловещим. Не сказал бы, что изделие местного таксидермиста не впечатляло. Живых волков я повидал много в разных ситуациях, поэтому без страха шагнул в сумрачное помещенье. Слева под окном валялся тюфяк, на нем кучей была свалена поношенная одежда — полушубок, какие-то фуфайки, ватные брюки. Перед шатким шкафчиком, сбитым из фанеры, стояли два низких потемневших табурета. Рядом потерянная охотничья сумка. Скучная утварь была в беспорядке. Я давно привык безучастно воспринимать окружающее. Мир вокруг себя я не то что не хотел, а и не мог по своим физиологическим особенностям видеть. Каждый из нас старается существовать по отдельности. Это мое хроническое состояние настолько прочно, что я никогда не пытаюсь изменить свою натуру, чтобы, не дай

бог, не нанести непоправимого вреда Федору Михайловичу. Ведь если я не вижу внешний мир и он существует вне и помимо Махоркина, то, казалось бы, и познать его мне не суждено. Но я поставил перед собой другую задачу: не мир вне себя изменять, а совершенствовать граждан Сивой Маски! Да и весь человеческий вид, потому что все нынешние нравственные толкования и ценности, а также конституционные правила и религиозные воззрения, по моему разумению, ведут к безумству и исчезновению нашего рода. И меня совершенно не беспокоит, что в главной моей мировоззренческой концепции нет места для солидарности с однородцами или признания у них похожих чувств и устремлений. Единственный тезис, поглотивший меня без остатка, можно даже сказать парализовавший сознание, доставляет мне интеллектуальное удовольствие. Ведь без этого главного умозаключения, которым я так очарован, для меня не было бы жизни, а продвижение к концептуальному расширению мысли помогает гармоничному развитию собственного «я». Я прервал поток часто возникающих наваждений и нашептал себе совсем иное признание, даже требование: «Федор Махоркин, ты должен стать самым отъявленным пораженцем эпохи». Но тут почему-то вспомнил, что белая ночь была самой тяжелой для меня частью суток — у меня сон никогда не превышал четырех-пяти часов, — и тут же решил разлечься на тюфяке, чтобы с раннего утра пуститься в дорогу. Планшет я решил не включать. Едва я прилег, как возникла новая мысль: «Как объяснить, что тепловые фотоны при быстром сжатии откуда-то появляются, а при быстром расширении куда-то исчезают?» Сон отступил, я стал размышлять над этим казусом, но ни-

какого научного объяснения не нашел. Наконец меня охватила слабость, и я погрузился в крепкий сон. Сознание вернула утренняя свежесть, в носу пощипывало. Итак, я, Федор Михайлович, исполненный пораженческим пафосом перед величием Вселенной и насмешками над самим собой, одиночка высшей гильдии, однако не чуждый учености, одаренный и избалованный разносюжетными сюрреалистичными видениями, произвольно возникающими в голове, — одним словом, весьма странный тип, — окончательно пришел в себя. Вскочив с продавленного тюфяка, я смело встретил волчий оскал, кивнул чучелу на прощанье и вышел из сторожки. После чего взял курс на юг. Бескорыстие научных помыслов, погруженность в себя в поисках аргументов, мотивирующих работу по радикальному изменению сивомасковцев, наполняли Махоркина энергией и даже убыстряли его шаг. С завидным постоянством я спрашивал себя: в чем причина моей отчужденности от социума? В беспощадной и решительной критике «биологической конструкции» сограждан? Почему радикализм не сопровождается у меня потерей внутреннего равновесия, а лишь усиливает убежденность агрессивно вести научный поиск создания нового вида — Соло Моно? Ни разу у меня не возникала мысль бросить эту изнурительную работу, успокоиться, заняться каким-нибудь другим, полезным для сивомасковцев делом. По этому поводу я никогда не испытывал даже малейших угрызений совести. Даже наоборот, я постоянно упрекал себя, что поиск биоинженерной конструкции нового существа идет медленно. Это обстоятельство наполняло мое сердце глубокой печалью, и миг душевного торжества был еще далеко.

Удовлетворение сделанным, чистая радость научного открытия еще долго, а может быть, и всегда будет ускользать от меня. Но если обстоятельства изменятся в мою пользу и я найду на юге страны средства для финансирования моего проекта, шансы, способные привести меня к победе, неимоверно возрастут. Если не найду денег, проект останется в мыслях. И ожидание счастливого и успешного результата сменится глубоким душевным упадком. Теория почти разработана, но теперь необходимы практические испытания и эксперименты. Без суперприборов я не продвинусь. Где он, мешок, плотно набитый цветными банковскими купюрами? Ау! Я продолжал бодро пробираться через утреннюю тайгу. «Надо напиться и позавтракать», — вдруг сказал я себе. Я стал вглядываться в заросли с надеждой заметить что-нибудь подходящее: организм жаждал воды, ягод или грибов. Неожиданно вспомнился Конфуций: «Трудно исполнить обещанное без стеснения». Это в точности про меня. Всякий раз, когда выполняю обещанное самому себе, заливаюсь краской смущения. Чувствую, что лицо тяжелеет от неловкости. Но что же тут может сблизять меня с согражданами? Почти ничего! Между тем ни грибов, ни ягод, ни воды не попадалось. По солнцу я прикинул, что скоро полдень. Наконец я заметил, что справа блеснул лесной водоем. В нем отражалось голубое небо. Я заторопился. Уже через пару десятков шагов передо мной открылось большое озеро, с километр в диаметре. Опустившись на колени, я стал жадно пить прохладную таежную воду. Она была чудесна не только потому, что я испытывал жажду. У нее был действительно редкий вкус. Я не мог оторваться от нее. Тем временем солнце начинало припе-

кату спину и затылок. Оно словно приказывало мне разогнуться и оглядеться в поисках лесных даров. Я вспомнил, что где-то рядом с водой обязательно должны быть ягоды. Пошарив взглядом, я действительно заметил заросли дикого боярышника. Ягоды были неспелые, но я торопливо рвал их и отправлял в рот. Я так хотел есть, что за своим азартным занятием не сразу заметил на песчаном берегу группу купальщиков. Лишь утолив немного голод, я стал прикидывать, могут ли они представлять собой угрозу для Махоркина. Приглядевшись, я почувствовал отвращение. Картина плотских удовольствий предстала передо мной во всем своем бесстыдстве. «Даже в тайгу это проникло!» — вздохнул я. Цивилизация, однако, быстро деградирует. Презрение ко всем гражданам Сивой Маски и другим сородичам вызвало тошноту. Срочно нужен наносборщик. Чем раньше я его создам, тем скорее будет сотворено Соло Моно. Чтобы решимость усилилась, я заставил себя пристально взглянуть на оргию. В этот момент две девицы, облизывая в экстазе свои губы, топтали лежащего на спине голого парня, а он неистово повизгивал: «Еще! Еще! Еще! Оргазм наступает! Еще быстрее, жестче пяточками!..» Двое других тем временем водили фаллосами под мышками еще одной девицы. Она издавала стоны на всю окрестность, как бы подтверждая блаженство, вызываемое аксиллизмом. У самой воды лежала огромная каменная скульптура — обнаженная женщина. Молодой человек страстно целовал ее, словно каменное тело приводило его в половое возбуждение. Я перевел взгляд — пара гомосексуалистов самозабвенно занималась оральным сексом... Не выдержав, я сплюнул и отвернулся. Долго наблюдать за сценами

парафилий даже Махоркин не мог. Шагая дальше и радуясь безлюдью, я думал о том, что эти сомнительные впечатления, полученные у таежного озера, придется разместить в памяти как важный архивный материал. Веские проявления в быту гомо сапиенс его низменной природы послужат мне сильным толчком активно действовать по программе Соло Моно. Правда, случилось, я впадал в панику: а хватит ли в моем мозгу того самого серого вещества, которое нынче меряют НИС, чтобы выполнить мою великую миссию? Ведь у биоинженерного проекта не должно быть границ применения и развития. Тысяча НИС, миллион! Миллиард НИС! Нет и не может быть силы, способной остановить эволюцию. Основное требование к себе — встать на путь совершенствования — главнейший двигатель моего сознания. Интеллектуальные удовольствия или радости чистого разума, а не извращенные парафилии должны, обязаны окончательно победить животную чувственность. С незапамятных времен древние отмечали порчу гомо сапиенс: половой инстинкт, желание убивать, гордыня, алчность, тревоугодие и прочее. В своих максимах я не желаю видеть ни в себе, ни в Соло Моно этой отвратительной природной порчи, внесенной в биокупаж сивомасковцев стихийными мутациями. Посмеиваясь, я понимаю, что одна из самых уязвимых его черт — это разнузданная гиперсексуальность. Сознание существа нового вида должно быть заполнено научным, духовным содержанием, а не сценами чувственных извращений. Нет, не смерти я им желаю, а постепенного, медленного вырождения. Ведь известны тысячи примеров того, как одни природные виды сменялись другими. Ну разве нынешнему обитателю Си-

вой Маски, да и всем другим не все равно, каким будет или не будет его прапрапрапрапрапраправнук? Он, гомо сапиенс, видит лишь три-четыре поколения своих предков и потомков, и не больше. А тут восемь, а то и все десять генераций! К тому же смерть, по Артуру Шопенгауэру, «великий повод к тому, чтобы мы прекратили свое существование в качестве "я", и благо тем, кто этим поводом воспользуется». Этот господин Ш. был большим умом, обогатившим меня многими мыслями и побудивший к решительному отрицанию моей сивомасковской сути. И тут хочется вернуться к прежнему. Ознакомившись с набором половых различий, защищенных правовым статусом многих государств, — этих половых видов оказалось более 50 — я ужаснулся количеству генетических ошибок в биоинженерном стихийным мутационном проекте, результатом которого стал гомо сапиенс. Конечно, не только это обстоятельство повлекло за собой ощущение твердой убежденности в неотложной необходимости осознанной, мануальной конструкции Соло Моно, чему я себя всецело посвятил. Других грубых ошибок в сущности моих сограждан остается еще несметное число. Именно эти ужасные погрешности природы побудили меня к созданию нанопикофемтопинцета и сборщика атомов, приборов, которые лягут в основу проектирования нового во Вселенной вида обитателей... «Другого интереса в жизни у меня нет и быть не может!» — произнес я громко, вспугнув какую-то птицу с ветки. Несколько успокоившись, я всмотрелся в лесную чащу. Все было привычно: мощные ветвистые сосны и густой темно-зеленый кустарник защищали меня от людской суеты, а отблеск лучей заходящего за

горизонт солнца словно озарял путь сквозь тайгу. Совершенно неожиданно в голову пришла мысль: людские пороки у нас встречаются часто, но сивомасковцев немного, поэтому они не так сильно давят на сознание. Оно напряжено, но не лопается. А каково моему возможному китайскому коллеге? Их там полтора миллиарда... При скученности 15–20 человек в одном месте, например на остановке автобуса, мне становится жутко, я отключаюсь и в каком-то бреде, буквально без сознания, выползаю из такого многолюдья. Читал, что на площади Центрального пекинского вокзала площадью менее гектара постоянная людская масса составляет 15 тысяч. Это два человека на одном квадратном метре. Попав туда, я бы тут же умер. Интересно, как пережил бы такое скопление людей мой возможный китайский коллега? Несчастный, ему там значительно хуже, чем Махоркину! Порой мне придется успокаивать себя этим замечанием... Вечерело. Тут на ум пришла совсем другая история, связанная с последними событиями в Европе. Я на минутку представил себе, каким может быть результат стихийных мутаций после того, как толпищи арабских переселенцев, штурмующих страны Европы, осядут в них и под натиском активного этноса начнет изменяться устоявшийся генный купаж северных и восточных европейцев. Южане Старого Света и без того давно находятся под арабским мутационным влиянием. Поэтому жители Барселоны, Мадрида, Лиссабона, Неаполя, Канн и Парижа отличаются от населения Стокгольма, Вены, Цюриха и Берлина своей мягкостью, дружелюбием, авантюристичностью, открытостью, общительностью, склонностью к искусству. А северян отличают сухость в общении и дружбе,

расположенность к фундаментальным наукам, тяга к уединению, неспособность к спонтанности, отсутствие экспрессии, законопослушание и честность. Так что я являюсь свидетелем начала обновления европейского этнического мира. Впрочем, оно мало что даст для качественного изменения гомо сапиенса. Требования, которые я предъявляю, конечно, несколько изменяют внешность европейцев, сгладят разницу между южными и северными ментальными типами. Так что нынешние социальные волнения в Старом Свете не что иное, как предчувствие общеконтинентальной идентификации. Единственная нация, устоявшая в условиях арабской экспансии, — гордые евреи, хотя во все времена они проживали по соседству с арабами. В этом им помогал Талмуд, который они всем сердцем и душой свято чтят и по сей день. Чтобы обозначить нееврея, Талмуд употребляет название «гой», множество — «гой». Признавая богоизбранное происхождение евреев, Талмуд утверждает, что гой менее важен по своему генезису. Почему я вдруг вспомнил об этом? Да потому, что мое сознание непроизвольно выдает информацию, хранящуюся на полках памяти. Во мне тоже множество генно-купажных ошибок. Тьфу!.. Я взглянул на небо, желая произнести слова негодования на собственный наследственный купаж, но оно почти не просматривалось, и проклятия застряли в колючих ветках скученных сосен. Не успел я отойти от стихийного библейского экскурса, как мой взгляд наткнулся на девушку. От неожиданности я несколько растерялся. Ее милое лицо, контрастирующее с очень потрепанной одеждой, смутило меня окончательно. «Откуда она тут?» — пронеслось в голове. Ей было на вид лет двадцать пять. Свет-

лые длинные волосы были спутаны и давно не мыты, глаза смотрели на меня с безразличием и даже холодом. Встреча с незнакомцем в вечерней тайге ее, похоже, совершенно не тронула, не напрягла. Она спокойно, по-хозяйски сидела под кустом дикого боярышника и медленно, очень старательно протирала руки зелеными листьями. Не знаю почему, я не стал спешить с вытеснением из сознания этой неожиданной сценки и вместо того, чтобы быстро пройти мимо, замедлил шаг, ображая, как поступить дальше. Остановившись в двух шагах от девушки, я несколько отчужденно поклонился, словно этот поклон адресовался вовсе не ей, а кому-то невидимому. Вполне возможно, я показался ей странным типом, разговаривающим сам с собой или с неким воображаемым миром. Я уже двинулся было дальше, как она произнесла мне в затылок по-английски: «На каком языке вы говорите?» Я еще больше удивился — встретить в глухой тайге иностранку я совсем не ожидал, но довольно быстро ответил тоже по-английски: «Если вас устраивает английский, пожалуйста». — «Вы из клуба "Индивидуалис"?» «"Индивидуалис"? — пронеслось в сознании — Что это за зверь такой?» Долго не размышляя, я остановился, обернулся и учтиво произнес: «Прошу прощения, я не вхожу ни в какие клубы...» На этом я запнулся, уставившись в зеленое пространство тайги. Скорее всего, вид у меня был отрешенный, погруженный в какую-то немислимую ситуацию. В этот момент у меня не было никаких побуждений ни к знакомству, ни к общению. Все, что было свойственно мужчинам из Сивой Маски, я имею в виду эротику и секс, меня никогда не интересовало, ни с одним полом, ни с другим. Все же я считаю себя муж-

чиной, но с раннего возраста с возрастающим усилием я подавлял в себе влечение к девушкам, так как в моем понимании и даже убеждении Соло Моно должно быть бесполом сверхсуществом. Я никогда не хотел и не мог понимать, как безответные половые чувства могут подавлять сограждан больше, чем незавершенная научная идея — такая питательная среда для мозга, или нереализованный проект, даже не грандиозный. Мне представлялось это состояние грубейшей мутационной ошибкой. Эротические чувства — мерзкие гнезда в теневой стороне сознания, обильно порождающие льстецов, спесивых завистников, стяжателей, ревнивцев; они являются биоплощадкой развития других пороков, описанных во многих библейских книгах. Мирозренческая глубина, достоинство и абсолютная преданность научной мысли, искреннее обожание интеллектуального возбуждения, исследовательский подвиг в одиночестве, а не фривольный интерес к полногрудой фифочке или к королю танцплощадок с мускулистым торсом — вот что должно лечь в основу генной ассамблеи Соло Моно. Соглашусь, что истина не всегда подтверждается реальностью, она может довольствоваться тишиной мысленного созерцания. Поэтому я предпочитаю встречи и беседы исключительно с самим собой и наслаждаюсь в одиночестве вершинами умственного возбуждения. Женская улыбка, самая соблазнительная, бархатный голос, идеальная, сексапильная фигура никак не способны конкурировать в моем сознании с проектами разума. «Я подумала, что вдруг встретила коллегу, — между тем пояснила таежная фея. — Такое случается чрезвычайно редко. Я более трех лет в клубе, но еще ни разу ни с кем из одноклубников не пересека-

лась. Члены клуба со стажем советуют не рассчитывать на такие случайные randevu. А нас более трех тысяч...» «Да, разговорчивая девушка встретилась, надо побыстрее улизнуть», — мелькнула у меня мысль. Она как-то рассеянно смотрела на меня странным взглядом, словно побаивалась искушения. Я даже стал подозревать ее в намерении подольше удержать меня. «Говорливость и показное безразличие плохо сочетаются, — подумал я. — О, дорогуша, сколько в вас напускного! Видно, вы привыкли играть даже в повседневной жизни». Я хотел было вежливо улыбнуться и откланяться, как она оставила меня репликой: «Признайтесь, может, вы, не зная о нашем существовании, являетесь пассивным членом клуба "Индивидуалис"? — К замедленному темпу ее речи я уже начал привыкать. — Из чего я исхожу, принимая вас за близкого нам по образу жизни? В полном одиночестве вы бродите по глухой тайге. А впереди ночь, и до ближайшего поселка километров сорок. То есть смело могу предположить, что вы задумали ночевать в лесу, что для вас это привычное дело. А если так, то мы исповедуем один культ!» «Что-то новое, — насторожился я. — Что это еще за такой культ? Может, он каким-то образом послужит проекту Соло Моно?» В сознании моем возник слабый интерес. «Да, сегодня и еще несколько дней я ночую в тайге, — сказал я. — Дорога у меня длинная». — «Присядьте. — В ее глазах на миг вспыхнула искорка. — Скажу вам откровенно, члены клуба «Индивидуалис» получают поощрительные баллы и бонусы в разных формах. Если я, например, рекомендую нового члена, мне начисляют баллы. Давайте я расскажу, кого объединяет наш клуб. Готовы выслушать?» Я сказал, что готов. «Садитесь, пожалуй-

ста, так будет удобно», — предложила девушка. Она даже сложила губы в подобие улыбки. Я покорно присел на поваленное дерево в трех метрах от нее. При общении с согражданами меня всегда удивляет, что ни один из них не чувствует во мне их радикального критика и, вероятно, даже могильщика. Конечно, я вежлив с ними, но почему у них так слабо развит инстинкт опасности? Может быть, дело не в них, а во мне? Ведь все аргументы, крушащие сивомасковцев, хранятся лишь в моем сознании, и они, конечно, не в состоянии обрести публичность. Тайна не может стать мудростью, если она заперта в сознании отдельного индивида, такого странного, как Махоркин. Я всегда буду им непонятен, даже враждебен. Но разве навязчивая жажда обновления, словно страстная молитва у алтаря, нетерпение в совершенствовании мира — не вообще загадочной Вселенной, в этом случае я выглядел бы безумцем, а именно биоинженерной и генетической составляющей сограждан, — разве эти устремления заслуживают того, чтобы меня считали зловещим типом, гробовщиком сивомасковцев? По-моему, было бы замечательно, если бы у каждого из них возникла потребность трезво взглянуть на себя, признать дефектность своих кодов, изъяны своих генотипов, неспособность наследственных модулей к активной вегетации. Отнестись с юмором к собственным недостаткам, к своей глобальной беспомощности, несостоятельности командовать хотя бы своими органами — сильный мотив к собственному совершенствованию. Давно всем надо понять, что мы лишь мельчайшая частица будущего вселенского существа Соло Моно. Поэтому я чрезвычайно благодарен сознанию: оно озарило меня волшебной мечтой —

бессмертной и всепоглощающей, требовательной и неотступной — полностью посвятить себя созданию великого Соло Моно. А моего интеллекта и биостроительного материала вокруг достаточно, чтобы наконец появился этот новый житель галактик. Ничто не способно сбить меня с дороги, ведущей к цели. Если заблужусь, то пройду тысячи тропинок, чтобы вернуться на свой путь, главный и единственный. Если айкьюшные и физические силы оставят меня, я буду подпитываться «Шоколадом-99», повышающим способности мозга, и хлестать себя в пару крапивным венником, укрепляющим мускулы Федора Махоркина... Шаг за шагом, то широким, то мелким, но я дойду, доплетусь, доползу, докарабкаюсь до своего замечательного творения Соло Моно. «Вы задумались. Можно начать?» — прервала мои раздумья таежная незнакомка. Она опять старательно протерла ладони листьями и бросила потемневший зеленый комок в кустарник. Я кивнул, приготовившись слушать. «Если мой рассказ начнет вас пугать, за вами, конечно, сохраняется право прервать меня или без слов подняться и продолжить свой путь. Так вот... Члены нашего клуба добровольно покинули цивилизацию... Продолжать?» Я опять кивнул. А про себя удивился: девушка в расцвете сил, довольно симпатичная, с хорошей, судя по всему, фигурой покидает бранный мир и в каких-то лохмотьях уходит в тайгу. Ну и чудеса! Еще и англичанка. Любопытно! «Я немка из Ганновера, — словно подслушав мои мысли, сообщила собеседница. — У нас в "Индивидуалисе" много европейцев. Но из славянских стран никого нет. Сейчас я как раз иду с собрания членов клуба. Оно состоялось в лесу близ местечка Сокол в Вологодской области. Теперь

мой маршрут лежит к Уральским горам, навигатор помогает ориентироваться. Мы живем поодиночке в лесных массивах. — Незнакомка говорила размеренно, с достоинством. — В поселки заходим в двух случаях: для зарядки на бензоколонках мобильного и планшета и для снятия с кредитных карт небольших денежных сумм. Деньги необходимы только для поддержания материальных ресурсов мобильной связи. Подключение к Интернету у меня исключительно для контактов с членами клуба. Раз в месяц пишу родителям три слова: "Küss, alles ok!" Очередная клубная встреча состоится с 14 по 17 июля на горе Белой, красивейшей на Урале. В 40 километрах от города Нижний Тагил. С высоты 700 метров можно разглядывать Невьянск, Кировоград, Верхний Тагил и даже окраины Екатеринбурга. Мы проведем вместе три дня, а потом разойдемся в разные стороны. Зимовать на севере мне некомфортно. Далее я двинусь на юг, в сторону Кавказского хребта. Гора Иверская высотой 350 метров. Невысоко, а значит, и не холодно. На вершине — развалины Анакопийской крепости, а в недрах самой горы — известная Новоафонская пещера. Грузинские монахи часто селятся в этих местах. К ноябрю доберусь до Кавказа, а к марту пройду по нижней его оконечности. Программа на 2017 год в клубе еще не окончательно определена. Я два года назад окончила биологический факультет Университета Геттингена. Мое и других членов нашего клуба мировоззрение не позволяет нам жить в современном урбанистическом обществе, особенно в коллективной форме. Наше кредо — отрешенность и индивидуализм: хотим жить, ощущая себя частицей природы, а не частью социально-трудового ресурса пусть даже успеш-

ного и эффективного общества. И тут совершенно неважно — ФРГ, США, Голландии, Норвегии или Швейцарии. В нашем клубе немало представителей этих стран. Почему выбрана Россия? Ответ простой. Она самая крупная в мире по площади страна. Взять хотя бы мой путь из Вологодской области до Урала — это более двух тысяч километров. Я иду по лесным дорогам более трех месяцев с полной уверенностью, что, кроме зверей, практически никого не встречу. И для меня это самое важное — уединение, отвлеченность от мира, слияние с природой. В этом нет ни капли тщеславия. Я общаюсь исключительно сама с собой. На клубных встречах мы тоже радуемся сценам гармонии в одиночестве. Никто не затрагивает политических тем, вопросов культуры или науки. Мы не делаем никому комплиментов, не критикуем ни политиков, ни художников, ни ученых, ни спортсменов. Это совершенно не наш, а чужой, посторонний мир. Актуальна лишь полезная информация: как вести себя при встрече с волком, медведем, другими хищниками? Что и когда полезно использовать в пищу? Какие корни растений, кору каких деревьев, какие грибы, ягоды употреблять при простуде, диарее, перепадах давления, обморожениях и других недугах? Как обеззараживать воду? Какие листья останавливают кровотечение из ран? И так далее. Мы исключаем из своей жизни секс, амбиции обогащения, желание владеть имуществом. И главное, никогда, ни при каких обстоятельствах, не цепляемся за жизнь, а спокойно, даже как-то просветленно встречаем смерть, если она стучится в двери. Если вы близки нам по духу, вступайте в наш клуб. У моих соратников единственная социальная программа — укреплять и пополнять ряды

наших приверженцев. Путь индустриального развития погубит планету. Изменение климата уже признанный факт, и человеческий род канет в пучине времени. Извините за пафос. Немцы без него не могут! Что вы думаете?» — «Отличное сообщество, — снисходительно вымолвил я. — Хотя, к сожалению, это совершенно не тот термин. Я, к счастью, погружен в собственную научную программу, и у меня нет ни времени, ни желания увлечься чем-то новым, к тому же довольно чуждым мне по направленности». — «Кто вы по образованию?» — осторожно спросила немка. «Если исходить из объема знаний, которые мне необходимо освоить, — я неуч, двоечник, второгодник. А занимаюсь я квантовой физикой и оптикой по профилю своего исследования. Главное, у меня нет ни малейшего желания испытывать чудовищные муки совести в том случае, если я изменю избранному пути». — «Повышенные требования к себе?» — вставила она реплику. Я промолчал, решив просто уйти, потом подумал, что по отношению к иностранке неловко просто так взять и смыться. Она все же долго рассказывала о мотивах поведения членов клуба и об избранной ими дороге жизни. Что она подумает о русских? Поэтому я вежливо спросил: «А жить одинокой молодой женщине в лесу, где столько зверей и опасностей, не страшно? Как вы обходитесь?» — «Страшно? Что вы! В городах страшнее. Яркий пример — последние жуткие новогодние события в Кельне. Сотни пострадавших. А религиозная агрессия, захлестнувшая все европейские страны? А потребительская несдержанность, с жутким напором навязывающая бессмысленные товары? А ежедневные рекламные атаки на психику? При отсутствии необхо-

димых финансов все это вызывает в массах комплекс неполноценности. А конъюнктурная ложь политиков, льющаяся из всех медийных источников? А мультикультурный радикализм, подавляющий национальное сознание? Я должна оставаться немкой или вообще жить вне национальных культур, оберегая лишь свое собственное сознание, без малейшего вмешательства извне, позволяя себе лишь размышлять о виртуальном мире. А безумный поток беженцев из стран чужой, агрессивной религиозной культуры? Конечно, это не научное, не глубокое погружение в окружающую среду, а скорее эмоциональное проникновение в нее. Наблюдение за внешним миром, пусть даже за его небольшим фрагментом, убедило меня в том, что мой выбор — существовать вне цивилизации — верен. Другие граждане, живущие традиционным способом, избавились бы от многих ошибок и сэкономили бы немало сил, расходуемых на бытовые неурядицы и случайные отношения, посвятив себя отшельничеству и жизни в природе и с природой. Только в этом своем положении и состоянии духа я стала по-настоящему понимать, что, выводя себя за пределы урбанизации, я расширила сверхчувственный уровень своего сознания. У меня вызывают восторг не фильмы известных мастеров, а жизнь растений. Поверьте, она богаче по сюжетам, чем любые боевики и драмы Голливуда. Я получаю интеллектуальное удовольствие не от книг титулованных авторов, а неотрывно следя за поведением животных и птиц. Наконец, эротическое удовольствие я испытываю во сне, и мне этого вполне хватает. На первых порах при погружении в собственный мир я была уверена, что у моего отшельничества этнические корни.

А познакомившись с членами нашего клуба, я убедилась в верности этих догадок. В нашей группе можно встретить лишь представителей германских народов: немцев, норвежцев, голландцев, шведов, австрийцев, англичан, швейцарцев. Других, к сожалению, пока нет. Не особенность ли это нашего генетического кода? Вполне возможно! Но я не сбежала от мира, потому что он ужасен. Нет, неправда, я так совершенно не думаю. Я просто переселилась в его другое, наивысшее состояние. Я знаю немало приличных людей, которым комфортно живется в традиционных условиях. И не желаю их осуждать. Это их выбор. Многие могут меня назвать экстремалкой, но экстремал — это прежде всего радикал. Я же просто слилась с природой, так что стала почти незаметной. Я придумала свой образ: небольшой, едва приметный кустик или даже травинка среди 17 миллионов квадратных километров российской земли. Простите, как и кто способен меня заметить и назвать экстремалом или радикалом в таком огромном ареале дремучего леса?» Девушка замолчала. Возникла пауза. Ее профиль точно заострился. «Слава богу, наконец устала и умолкла, — подумал я. — Задам еще пару вопросов для вежливости и пойду своей дорогой. Есть детали, сближающие нас, но в целом у меня к их клубу нет никакого интереса. Что же спросить?» — напряг я свои мозги. «А чем вы питаетесь и, прошу прощения, как насчет водных процедур?» От нее шел заметный душок. Я его почувствовал, как только присел рядом. «Тайга — без преувеличения — гипермаркет натуральных продуктов, — бодро начала немка, словно оправдываясь. — Через месяц познаёшь все, чем можно питаться. И кассы нет, и цены не растут. Продукты все свежие,

как говорится прямо с грядки. Как мыться? Тоже нет проблем: прежде всего роса! И еще: в тайге много лесных прудов и заводей. Бодрящая, чистойшая, полезная, порой минеральная вода». — «Прекрасно, экономно и для здоровья полезно, — согласился я. — И мне придется пользоваться этим огромным магазином. А зимняя одежда? Как с ней?» — «Она у меня в рюкзаке, на три года хватит. Но зимы я обычно провожу в южных регионах». «Теперь можно наконец отправиться дальше, — с облегчением решил я. — Ритуал общения соблюден». «У меня впереди еще долгий путь. Желаю всего доброго! — Я встал и сопроводил свои слова дружеской улыбкой. — И у меня, и у вас, впереди долгий путь. Рад знакомству. Вы интересный человек! Пока!»

Через несколько шагов я уже не думал о девушке из Ганновера. Сознание вернулось к главному: Соло Моно всегда должно стремиться к свободному одиночеству, стать для самого себя необъятным разумом. Скрытые порочные инстинкты моих сограждан неуправляемы и неподвластны сознанию. Поэтому по отношению к их культуре у меня однозначно неуважительное мнение: она почти всегда соответствует примитивному интеллекту. Создай экстремальные условия, угрозу их социальному быту, потребуй агрессивного напряжения ума для выживания — защитные рефлексy растопят пленку культуры и, как при плюсовой температуре, исчезнет тонкий ледок. И неразумное существо немедленно вырвется за ворота сознания, словно арестант, внезапно получивший свободу. Они веками пытаются убедить себя и своих отпрысков, что порочные инстинкты побеждены, что на смену злобе и гневу к ним пришло чувство безраздельной любви, что вместо былой жажды

мщения утвердилось чувство благодарности, а место слепой глупости занял пытливый разум, приникший к чистейшим истокам. Ошибаетесь, господа, лукавите, сознательно или глупо обманываете самих себя. Ничего этого нет, потому что быть не может и не должно быть. Ваша биоинженерная конструкция создана не разумом, а стихией, то есть игрой случайностей, и в ней огромное, несметное количество генетических ошибок. Все окружающее вам часто представляется своим, потому что вы поражены обостренным чувством притязания на то, что вам не принадлежит, но пришлось по вкусу. Поэтому весьма часто вы настоятельно и гневно требуете, вслух или про себя, то, что желаете получить! Но действительность всегда сильнее этих желаний сознания, поэтому Федору Махоркину необходимо добиться, чтобы мозг Соло Моно, моего приемного сына, в полной мере понимал это и даже участвовал в проектировании окружающей реальности, проник в процесс создания новых межзвездных конструкций и оперировал сверхмалыми величинами, как делает постоянная Планка в микромире. То есть непосредственно творил Универсум. Моя неотступная мечта — уничтожить разницу между прошлым и будущим, между собой и миром вне себя, между жизнью и смертью. Представлять мир без себя, считать собственную персону мигмом в бесконечном потоке времени — воистину признание отщепенца... А создать себя и себе подобных неуничтожимыми и вечными — вот драгоценнейшая цель! Именно в таких проектах должно явить себя наивысшее наслаждение ума, а не во влюбленности в красивое тело или в черные загадочные глаза. И конечно, не в банальном прожигании жизни в пивных, на танцполах, в ноч-

ных барах, лежании на мягком диване у телеэкрана со стаканом водки в руке. Разве может быть что-либо более страшным, более неприемлемым, чем счастливая и долгая жизнь в должности менеджера по продаже пылесосов, аквариумов, бензина? Торговца кафелем, фруктами, мылом? Или в получении удовольствия от наблюдения за игрой в футбол? Или от примерки и ношения модной одежды? Или от смакования венского шницеля? Тьфу! Тьфу! Гадость! Позор! Проснись, очнись, сивомасковец! Поставь перед собой по-настоящему грандиозные задачи, опережающие века стихийных мутаций! Выпрыгни из своей затюканной индивидуальности, освежи себя космическим ветром, чтобы снести оковы пошлой нынешней цивилизации! Впрочем, мой призыв звучит гласом вопиющего в пустыне. Нет-нет, мои сограждане никак не способны на высокие эксперименты, на собственное качественное обновление. Тут должно быть совершенно другое решение, к которому я пришел: этот жалкий вид необходимо срочно менять! Я вдруг громко засмеялся. Может быть, это моя решимость без всякого сочувствия и сострадания к согражданам приступить к работам над проектом Соло Моно вызвала у меня нервный смех? Разве у таких радикальных проектов не две стороны? Одна вселенская, наступательная, жизнеутверждающая, значит, отвечающая благу. Другая разрушительная, погружающая в несчастье свой нынешний вид, а значит, безнравственная. В экономической науке есть термин «созидательное разрушение». Соло Моно — явление именно такого типа. У любой эволюционной программы есть жертвы. Стихийная мутация не размышляет, что нравственно, а что нет. Категория морали

здесь не учитывается. Неандертальцы со своими 15 НИС тоже были счастливы, но слепая сила природы вдруг создала сивомасковцев. И наши далекие предки через несколько поколений исчезли. И так всегда было прежде, что одни виды сменяли другие, и так всегда будет в будущем. Если Земле несколько миллиардов лет, а гомо сапиенсу всего лишь сто тысяч от рода, то кто может и станет утверждать, что он пришел на вечные времена? Глупость! Чушь! К процессам Вселенной нельзя подходить с черно-белыми представлениями. Если я мельчайшая часть общей материи, то и передо мной не должны возникать вопросы, что есть Божественное, благородное, а что дьявольское, антигуманное. Жизнь, материя, Вселенная — это продукты стихии, а я могу внести в этот необдуманый процесс интеллектуальное начало. Мозг станет вносить порядок в ход созидания, а окружающая действительность начнет строиться по логике сознания Соло Моно. Но для достижения этой цели потребуется еще много упорства, умственных усилий и финансов. Первое и второе у меня якобы есть, но третье? Чем закончится мой поход в Астрахань? Смогу ли я убедить инвестора и добыть денег? Ведь иначе меня постигнет катастрофа. Основной смысл существования Федора Михайловича Махоркина разрушится, и, как следствие, с этим погибнет научная мысль и уникальный план создания сборщика атомов. Душевное стеснение заставило меня замедлить шаг. Кто знает, когда еще среди сограждан появится очередной Федор Михайлович с идеей обновления человеческого вида и сотворения Соло Моно? Или чего-либо другого, например «Капо ди Тутти капи»? В сознании возникла картина Сальвадора Дали «Предвестник смерти», а затем его

же полотно «Паранойя». К чему бы это? Не признак ли это болезненного состояния моей психики? Я попытался овладеть собой, и это у меня получилось. Фантазии Сальвадора перестали меня смущать. Я будто услышал чарующие звуки Вселенной. Есть ли у меня соперники? Не может быть, чтобы в этом огромном мире идея создать сверхразумное существо никого больше не вдохновляла. А если они есть, существуют, то очевидно, что у меня перед ними нет никаких преимуществ. Главное — отсутствует финансовый ресурс. Без него какое-то время еще сохранятся в сознании лишь теоретические конструкции Соло Моно. А после того как я умру, все это навсегда исчезнет. Тревога и недовольство собой стали нарастать. «Деньги, деньги, деньги! Вздыхает, кричит, требует весь мир!» — стрелой пронеслось в сознании. Разве возможно комфортно жить в пространстве, в котором все субъекты нуждаются в одной вещи — хрустящих банкнотах? Даже если они необходимы для знаний, для посвящения в тонкие, умные рассуждения о необъятном мире, чтобы в страданиях познать его и слиться с ним. А когда тебе известно, что они требуются в основном чтобы блистать на подиуме в брендовых платьях, финансовым состоянием соблазнять красоток, владеть роскошными автомобилями, купаться в шампанском или даже покупать рублевую хлебку, черствую булку или клубень картофеля, становится невыносимо оскорбительно за себя, за свой унижительный статус. Почему волею случая ты попал именно в такой жуткий и чужой мир? Душевная боль приводит к отчаянию, почти к помешательству, а жажда выпрыгнуть, удалиться, обратиться из этого пространства становится маниакальной. Спасаясь, я нашел свой при-

чал размышлений и на этой стоянке могу перевести дух. Для меня легенда о райском месте для вечной жизни гроша ломаного не стоит. «*В загробному житті нічого немає. Порожнеча!*» — вдруг прозвучало во мне неизвестно почему на украинском. В новом сверхсуществовании всей этой мути не будет. Нет, я не отрекаюсь в лютой злобе от мира настоящего, от своих сограждан. Я просто вижу перспективное развитие разума. Будущее представляется мне совсем иначе, чем в заповедях священных книг, трудах социологов и политиков. Наверное, только в таком глухом уголке, среди отсталых, не имеющих будущего сивомасковцев могла и должна была сложиться почва для появления Федора Михайловича. Махоркин никогда бы не появился среди существ, имеющих потенциал разума в 10, 20, 30 тысяч НИС. Порода сограждан стихийно сконструирована таким образом, что главным и единственным, над чем раздумывает их ограниченный разум, стало исключительно личное обеспечение и защита. Слишком они уязвимы со всех сторон. Ох, если бы было иначе! Тут я заметил, что выхожу на опушку леса. Тогда я решил немного изменить маршрут и двинуться в Пушной. Я рассуждал так: перед городком я заночую, а утром выйду на трасу, найду бензоколонку, дабы зарядить свой планшет, и тогда уже направлюсь дальше, в Медвежьегорск. До ночи оставалось не более двух часов. Я успокоил себя тем, что все идет по плану, так что вполне можно отдаться мыслям о главном. Я никогда не испытывал желания обрести слушателей. У Федора Михайловича их отродясь не было и никогда не будет. Не то чтобы я боялся чего-нибудь, скажем агрессии по отношению к себе за свой набор мыслей — радикальных, порой даже эрро-

гантных, или дело было в моем нелюдимом характере. Нет! У меня действительно никогда не было желания общаться с кем-либо, кроме самого себя. Одиночество меня исцеляет, при этом открывает шлюзы, освобождая воображение. И чем ярче мои фантазии, тем я отрешеннее, тем сильнее очарован собой. Я прекрасно веду внутренний диалог, рассматривая все аспекты качественного изменения сивомасковцев. Федор Махоркин глубоко погрузился в свой проект и почти корректно скалькулировал его финансовую составляющую. Для успешного завершения задуманного мне понадобится около двух миллионов долларов. Мизер! Это в сто раз меньше, чем построить сухогруз, перевозящий инертные материалы: песок, щебень и другие. Это смешная сумма для российских олигархов, оплачивающих воскресные вечеринки более крупными счетами; за такие деньги можно купить одну квартиру в столице или бриллиант размером в полтора-два карата. А у меня такой фантастический проект! И разве позволительно сравнивать эти вещи?! Сборщик атомов и бозонов, способный создать уникальное вселенское существо Соло Моно, — и обыкновенные, пусть даже полезные, согласно житейской логике сивомасковцев, предметы. У моих ног юркнула тощая рыжая лиса. Только голодного волка или медведя мне не хватало. Я поглядел вслед голодной рыжей хищнице, но быстро забыл о ней и опять ушел в себя. «Но что мне делать, — не оставлял меня сегодняшний вопрос, — если мой потенциальный спонсор мне откажет? Не поймет меня, не захочет участвовать в проекте, не выделит начального капитала, не откроет кредитную линию? Что тогда?» Я уже испытал жгучую неприязнь к такому инвестору,

но приложил всю силу воли, чтобы подавить это чувство. «Если у проекта есть будущее, то найдется и финансирование», — с холодной усмешкой успокоил я себя. Постепенно я свылся с этой мыслью и даже проникся надеждой. «Все сбудется! Потому что это нужно Вселенной!» — несколько раз громко произнес я, вслушиваясь в то, как уверенно звучали мои слова. Такой прием помог. Солнце красными лучами уже освещало верхушки прямых, как стрелы, сосен. Наверное, сверху казалось, что тайга покрылась клубничным одеялом. Я открыл планшет, чтобы взглянуть на часы. Одиннадцатый час. Пора искать ночлег, а затем просмотреть новости дня на разных каналах. Интересно, как освещаются события в Сирии и на Ближнем Востоке? Что пишут и говорят русские, асадовские сирийцы, персы, а что европейцы, турки, америкосы и саудовцы? Сиво-масковцы разделили свои представления о мире, исходя из приоритетов, а не из реальности. У разных сторон и мнений она, реальность, всегда ломаная и по-своему искаженная. И ложь каждая сторона называет истиной. В этом вопросе Федора Махоркина интересует не политический аспект, а разум сограждан, в котором смешиваются подлинные события и разные публичные позиции, оглашаемые в СМИ. Хотя к реальности доказательная база никакого отношения не имеет, она искривленно доходит и закрепляется в их умах. Совершенно отсутствует связь между тем, что происходит в действительности и в идеологических и виртуальных клише. Собирая одни и те же фрагменты из мозаики фактов для обогащения доказательной базы, каждая сторона искажает картину до неузнаваемости. Реальность подменяется жутковатым конъюнктурным вы-

мыслом, но разум не протестует, он даже вступает в сотрудничество с манипуляциями, и действительность делится на совершенно разные картины. Ведь должно быть понятно, что слепо доверять реальности нельзя, ее надо видеть, ощущать, понимать. Иначе возникает навязчивая мысль о потусторонних силах. Наблюдая, размышляя над всем этим, я ощущаю себя носителем актуальнейших знаний, разработчиком бесценного проекта — реформатирования сивомасковцев из жалких, хаотичных в умственных проявлениях созданий в модификацию, так сказать, субъектов вселенского ранжира. Надеюсь, настанет день, когда я передам в дар миру идеальный образец великого Соло Моно. В его сознании моментально будет даваться оценка любого глобального события, точная и всесторонняя. Тут мой взгляд упал на пышный куст дикого боярышника. «Отличное место для ночлега», — пронеслось в голове. Я подошел к нему, опустил, отломал несколько веток, приготовился подложить их под голову и улегся. После этого открыл планшет и начал просматривать новости. Сирийский конфликт был широко представлен российскими и иностранными СМИ. «Какое надо иметь жалкое сознание, чтобы поддаться религиозному гипнозу и пойти на самоубийство в молодом возрасте, да еще унести с собой в могилу десятки невинных жертв? — поражался я смертникам-боевикам. — Неужели кровавые сюжеты, которыми заполнены экраны, не способны побудить сивомасковцев к собственному радикальному обновлению?» Горько и обидно; впрочем, я давно понял, что они безнадежны. Как говорится, не дано природой! Еще раз все указывает на то, что различие между нами носит фундаментальный характер. У меня

никакого сомнения в этом уже нет! Просмотрел новости науки. Тоже ничего интересного и нового для себя не нашел, никакого соприкосновения с собственной темой не встретил, а остальное меня не занимало. Поэтому я закрыл планшет, разложил на себе ветки наподобие одеяла и закрыл глаза. Последняя мысль перед сном была о предстоящей встрече с инвестором в Астрахани. Я уже отмечал, что почти не вижу снов. Но на сей раз мне приснилось нечто необычное, о чем я никогда не думал и чего в голове, конечно, не держал. Якобы я обладаю способностью совершать сказочные действия. Мне ясно представилось, что легким маневрением руки я переместил из эквадорского посольства в Лондоне к себе в тайгу господина Ассанжа и веду с ним беседу о сивомасковцах. Нелепый сюжет, но он стал обрастать любопытными деталями. Мы говорили вполголоса, углубившись в предмет, о котором я никогда ранее не помышлял и не ведал, что им владею: монетаризм и кейнсианство. Совершенно незнакомая мне материя. Как эта тема возникла в голове? Об Ассанже я тоже мало что слышал и не знал, что он интересуется экономической теорией. Мистика... «Кассовый остаток образуется в том случае, — сказал Ассанж, — когда поступление денежных средств за тот или иной промежуток времени превышает расходование денежных средств за этот же промежуток времени, поскольку по условиям образования кассовый остаток совпадает с чистым доходом. Между тем с точки зрения экономической теории чистый доход и кассовый остаток — разные вещи. Если первый подлежит максимизации, то второй — минимизации, и как раз потому, что сам по себе не приносит никакой пользы, то есть дохода. Ду-

маю, в данном обстоятельстве и заключается основная причина внутренней неустойчивости рыночной экономики». — «Но Кейнс, которому я доверяю, — парировал я, — считает иначе. Мотив, побуждающий хранить деньги, не играет негативной роли, а, напротив, выступает позитивным, стабилизирующим фактором. Фактически мотив предпочтения ликвидности представляет собой как бы обратную сторону спекулятивного мотива. Чем больше значения приобретает последний в формировании спроса и предложения на том или ином рынке, тем больше появляется оснований для отождествления мотива предпочтения ликвидности с мотивом безубыточного ведения дел и стремления обезопасить свои активы от потерь, связанных с неустойчивостью и неопределенностью рыночной конъюнктуры». Прочитав во сне Кейнса, я от полной неожиданности заговорил сам с собой: «Каким образом Кейнс пробрался и закрепился в моем сознании? Лет пять назад я наткнулся в библиотеке на книгу этого экономиста. Помню, что-то пролистывал. Но чтобы так четко воспроизвести его текст?.. С моей головой творится что-то неладное. Тут я опять услышал голос Ассанжа: «Господин Махоркин, скажите, мой друг, как вам видится будущее Европейского союза?» Я молчал, поскольку никогда не размышлял всерьез на эту тему. Такие вопросы всегда лежали вне моих интересов. Затем я вспомнил основную причину развала Советского Союза; на ум пришел и де Голль, комментирующий идею воссоединения Европы, заметивший, что «нельзя сделать яичницу из крутых яиц». Изящная, чисто французская фраза. Но я, пару минут подумав об этом, имею уже другое мнение, более того, оно выгодно моей про-

грамме. Я в свободное время даже напишу статью «Европа — одно правительство, одна религия, один язык!» и изложу в ней свою концепцию единого старого континента. «Федор Михайлович, — воззвал я к себе, — сделай это позже. Позже! Нынче думай и твори главное. А вы, Ассанж, — обратился я к собеседнику, — не донимайте меня политическими и экономическими проблемами. Я ими не интересуюсь». — «О'кей. Но вы можете хотя бы объяснить, как я оказался с вами на свободе, правда в тайге?» — спросил Ассанж. «Объяснение одно: вы проникли в мой сон. Где вы на самом деле, мне неизвестно». — «А мне кажется, что я на свободе и вы меня вызволили из лондонского заточения», — с улыбкой заметил он. «Попробуйте уйти от меня, а через часок зайти ко мне вновь... Если у вас это получится, я начну ломать голову над тем, как вы появились рядом со мной в тайге», — предложил я. «Так я свободен и могу удалиться?» — рассмеялся он. «Можете. Идите. Счастливого пути», — пожелал я. Ассанж осторожно сделал шаг, потом второй, после чего быстро исчез среди деревьев. В эту ночь он больше не заглядывал. Проснувшись, я не обнаружил его рядом. Не огорчившись этому, я открыл планшет. Шел шестой час утра. Я взглянул на уровень зарядки. Стояло число 47. Просмотрел новости. Все как вчера ночью. Ничего нового. Я встал, отряхнулся и, вспомнив вчерашнюю немку, попробовал умыться росой. Получилось неплохо. Затем набрал лежавших на земле еще с осени кедровых шишек. Скоро передо мной лежала горка аппетитных орехов. Скорлупу я легко разгрызал зубами, благо они у меня крепкие. Позавтракав, я по навигатору определил маршрут и быстрым шагом направился строго на юг, к

Новой Габсельге. И тут мне пришла в голову неожиданная мысль: у Соло Моно должна быть способность в любой момент перемещать сивомасковцев на любое расстояние без их согласия и вопреки визовым запретам и прокурорским санкциям. Этот сигнал мне, конечно, подал давешний сон. В нем как бы скрестились два биологических вида — нынешний и будущий. Конечно, Соло Моно с его интеллектом в 25 тысяч НИС («эйч ай си») не станет этим пользоваться в корыстных и криминальных целях. Но общения ведь тоже не будет. О чем могут говорить эти совершенно разные по интеллектуальному уровню существа? Впрочем, какой-то контакт в переходный период может сохраниться. Но перемещаться самому, без транспортной поддержки, а также перемещать другие существа и вещества ему будет под силу. Оно с большим удовольствием перенесет Ассанжа в безопасное место. Ведь очевидно, что австралиец — жертва международных спецслужб. Впрочем, и всех других, кого необходимо спасти от беззакония и травли, надо переместить подальше. Это обезопасит жизнь сивомасковцев. Во мне нет ничего такого, чтобы я понравился согражданам, а мои проекты по их фундаментальному изменению способны вызвать у них лишь жгучую ненависть и отвращение ко мне. Между тем во мне теплится сочувствие к ним, и оно будет вложено в Соло Моно. Ведь есть и будет немало мерзких типов, редкостных уродов и мракобесов, которых надо изолировать. Но способное к деятельной доброте Соло Моно окажется еще более совершенным по генно-инженерной конструкции. Ранее я никогда не думал, что перемещение физических тел возможно. А после нынешнего сна даже уверился, что такой универсальной способно-

стью мое творение необходимо наделить. Конечно, для сивомасковцев Соло Моно будет выглядеть как опасный супермонстр, однако ни при каких обстоятельствах оно не станет вредить им, насмеяться над их интеллектуальной беспомощностью. А если возникнет необходимость, даже окажет поддержку и помощь. Естественно, в необузданном веселье, в разгуле утробных развлечений, в пиршестве, в сексуальной истерии, характерных для времяпрепровождения моих сограждан, оно не участник. Все это чуждо высокому интеллекту. Но ведь всякий порок, как и не по возрасту рано выпавшие зубы, это прежде всего порча в конструкции, неграмотно, стихийно собранные атомы — в молекулы, молекулы — в клетки и так далее. Показатель бракованного продукта — обилие в сознании сивомасковцев богов и ритуалов, их насмешка над теми же недостатками и дефектами, которыми полны их собственные головы и органы. «Кстати, — возник вопрос, — почему служители религий, кроме иудаизма, в основном толстопузые? Ведь во всех священных книгах и религиозных заветах указаны смертные грехи, к которым относится и чревоугодие. Видно, легко нарушать заповеди во благо плоти. И никакого «страха Божьего» за непослушание! Я три дня в дороге и ежедневно встречаюсь с грехами, осуждаемыми в тысячелетних манускриптах, которые якобы свято чтят верующие. Первая встреча — убийство, вторая — сексуальная распущенность, третья — горделивая отчужденность. «Да и вообще, — вдруг вырвалось из меня вслух, — незаурядных сограждан такое ничтожное количество, что я просто обязан как можно быстрее создать новый генный купаж — Соло Моно». Почему же я вновь и вновь убеждаю себя в

давно мне известной истине? Ведь меня не преследует искушение предать свой проект. Что, интеллект Махоркина настолько немощен, а сила воли у него настолько слаба, что мне необходимы ежедневные повторения слов о важности своей миссии? Известно, более того, я давно уверился в этом, что сограждане мои страдают из-за несметного количества генетических ошибок, которые нуждаются в исправлении. Но во мне проявляются шаблоны, глубоко засевшие в гомо сапиенсе еще с древнейших времен. Естествоиспытатели, политики, философы, представители религий, юристы, мудрецы из века в век, из тысячелетия в тысячелетие пишут трактаты и книги, создают программы по нравственному и интеллектуальному обогащению современников. Результат — ноль! Как три-четыре тысячи лет назад в мире плодились карманные воры, насильники, убийцы, пьяницы, лжецы, наркоманы, геи и проститутки, так и сегодня ими переполнено пространство нашей жизни. Без генетического изменения результата не получишь! Его не будет, если следовать по накатанным схемам, проповедям, статьям Уголовного кодекса и текстам конституций! Я еще раз заявляю о своих наблюдениях не потому, что считаю, будто кто-то был обязан заняться этим необходимым делом, да у меня нет и никаких обязательств изменять род людской. Я давно решил посвятить себя биологической перезагрузке без капли надежды на вознаграждение, а довольствуюсь лишь чувством гордости за величие задачи. Все просто и совсем не по-сивомасковски: Федора Михайловича Махоркина озаряют вспышки высшего разума! Тут же в моем воображении возникла картина Дали «Ловля тунца». Словно вдохновившись ее смыслом,

я решительно прибавил шагу. Я надеялся на получение финансирования в Астрахани, предвосхищая, какими высокими темпами станет двигаться мой проект, как успешно начнет он реализовываться — от этапа к этапу на волне мощного энтузиазма. Мне хотелось сохранить эту уверенность в успехе как можно дольше. Я даже сжал руками голову, словно оберегал сокровищницу от грабежа. Впрочем, этот прием не помог — душевный подъем довольно быстро сменился обычной нервозностью. К тому же меня отвлекла очередная встреча. В ста метрах от себя, в жиденькой рощице, я увидел группу людей, по-видимому охотников. По крайней мере, на земле перед ними были свалены ружья и патронташи. Звуки блатных песен разносились на всю тайгу. Я приближался. Слава богу, собак с ними вроде не было. Несмотря на раннее время, компания уже явно находилась в пьяном угаре. Они не разговаривали, а кричали, даже орали, их словарный запас был скуден, практически один мат, хотя никакого конфликта между ними я не замечал. Подобные сюжеты нередко встречались и ранее. Контрастировали с их поведением и легкий ветерок, колышущий ветви мощных сосен, и чирикание птиц, скачущих по деревьям. Я замедлил шаг, решив осторожно обойти компанию стороной. К этому моменту я уже разглядел, что на траве рядом со стволами уже лежат трофеи — подстреленные косули и кабаны. Все явственней я ощущал запах жареного мяса. Один из охотников гаркнул весело: «Дернем, братва, чтобы врагам худо было! Пошли они все...». Братва радостно подхватила тост. Я видел, что они пьют прямо из бутылок большими глотками и, похоже, не пиво. Правда, в состоянии тревоги восприятие окружающего искажа-

ется, так что не берусь утверждать, что верно описываю картину происходящего. Меня несколько не возмутила эта группа сограждан, даже, напротив, успокоила своим убожеством. Если в древности рабов бичевали под звуки флейты, то я позволил себе устроить праздник, наблюдая за картинами интеллектуального упадка сивомасковцев. «Еще раз признайся, — с ехидством заметил я про себя, — ну не постороннее ли ты существо в этой реальности? Не лишнее ли, не чужое?» Дивясь, я продолжал наблюдать за охотниками. Они все сильнее напивались, все громче орали, превращая таежный уголок в картину разгула. Я стал опасаться, не устроят ли они в рощице пожар. Почему Сальвадор Дали, явно не питавший симпатии к роду человеческому, не создал ни одного холста, на котором сивомасковцы предаются Бахусу? Это извращение разума должно было бы тронуть воображение великого художника. Тем более что он сам родом из винодельческого региона. Неужели там черти не лезут из голов пьяниц? Тут я опять взглянул на охотников. Они уже не держались на ногах, а валялись в разных позах на земле. Если у них родина — это человечество, то Федор Михайлович найдет для Соло Моно новую родину. В этот момент я ощутил чей-то устремленный на меня взгляд. Огромные черные глаза незнакомого человека смотрели в упор с явной враждебностью. Я не спасовал и не отвел взгляд, словно боксер перед боем, которого мощный противник пытается запугать, давя на психику. От него веяло злобой и раздражением, но меня гляделками не возьмешь. Одиночество, в котором проходит моя жизнь, способствует развитию особого дара, а именно — пророческого прозрения... «Эй, бродяга, по-

ди сюда! — услышал я крик бородатого охотника. — За-
льем твою глотку водярой. Чего шастать по тайге с трез-
вой башкой! И закусь подкинем... Валяй быстрее, а то
передушаем». Голос был на редкость противный и тре-
бовательный. Я миролюбиво отозвался: «Спасибо, го-
спода, я непьющий...» — «Непьющий бродяга? — уди-
вился бородатый. — Такого век не видывал. Валяй к
нам, рысью!» Я не ответил и прибавил шагу, понимая,
что имею дело с сивомасковцами нижайшего ранжира.
«Стой! К нам пошел, иначе застрелю!» — завопил уже
что есть силы бородач. Сидящий рядом с ним амбал
взвел курок ружья и подхватил: «Валяй к костру! Иначе
в твоей тыкве дырок наделаем!» Их крики заглушали
блатную песню, доносившуюся из какой-то музыкаль-
ной приставки. Я пустился было наутек и тут же услы-
шал выстрелы. Под ноги упала ветка, явно сбитая пу-
лей. «Пока они не в меня целятся, — пронеслось в
голове, — а то бы уже прибили. Пьяные дебилы. Надо
бежать, бежать быстрее». Культ безумия всегда прези-
рает просторы разума. Наконец я перестал слышать их
ругань и звуки выстрелов. Я не испытывал ни радости,
что уцелел в этом инциденте, ни стресса, хотя был на
волосок от гибели. Я чувствовал себя в этом мире постор-
онним. Человеколюбия у меня явно не хватало, а гомо-
филией я и вовсе никогда не страдал. Тревожный таеж-
ный сюжет был сразу забыт. Разве можно долго
помнить жужжание пролетающей мимо полосатой
осы? Отмахнешься и забудешь. Так и со мной. Я всегда
отдавал предпочтение играм собственного разума. Тут
же начал думать, как оптический нанопинцет начнет
захватывать протоны, нейтроны, мезоны и другие эле-
ментарные частицы, с ювелирной точностью состав-

лять атомы, молекулы, клетки... А дальше — проектирование биоинженерной конструкции Соло Моно. Да, я часто или почти всегда замыкаюсь в себе, но не с враждебной отчужденностью от сограждан, а с возрастающим желанием обнять их, улучшить, а значит — продвинуть этот вид к новым вершинам разума с помощью суперинтеллекта. А как иначе? Два мира — мой и сивомасковский — разъединились уже много лет назад. А стереотипы, царящие в головах и душах сограждан, их веками не меняющиеся житейские шаблоны Махоркину давно совершенно безразличны и чужеродны. В последние десятилетия практицизм и потребительство поработили всю мыслительную деятельность сивомасковцев. Она стала до убогости примитивной. Я уже давно отбросил материальную и социальную сторону жизни. Конечно, вполне возможно, что первый опыт создания Соло Моно окажется неудачным. Но я не отступаю от цели, а продолжу черпать из просторов галактических миров необходимый биостроительный материал, наращивая НИС и интегрируя в плоть Соло Моно геномы в тысячу раз более эффективные, чем у нынешнего вида. За мной появится другой подвижник той же идеи — уже из вида Соло-Моновых. Он или они начнут проектировать следующее поколение, в 20 тысяч раз мощнее первых Соло Моно. Еще через поколение создадут существа в 100 тысяч раз круче предыдущего вида. Без элементарных частиц и физических тел пространство не существует. Значит, ресурсы для обновления видов неисчерпаемы, их совершенствование может длиться бесконечно, как и существование Вселенной. Разве не очевидна несправедливость? Мир бурлит, эволюционирует, его границы ежесекундно ра-

стут, черные дыры сходятся, образовывая более сложные миры. А сивомасковцы застряли в каком-то проклятом ступоре. Они, правда, настойчиво борются со смертельными опасностями: то с комарами, разносчиками вируса Зика, то с крысами, распространяющими тиф, чуму и бешенство, то с голубями, инфицирующими людей орнитозом и токсоплазмозом, то со свиньями, передающими трихонеллез, то с клещами, заражающими энцефалитом, то с тополиным майским пухом, вызывающим тяжелую аллергию... Или, разинув рот, бросаются в колдовство, суеверия, обряды фольклора. Вдруг неистово охотятся за ведьмами. Одним словом, великим делом занимается мой соплеменник — венец природы! Вопрос: может и должен ли такой вид, как сивомасковец, долго оставаться в этом одиночном статусе венца природы? Не пора ли ему занять брата? Притом не родного, а десятиродного? Ведь известно, что он, сивомасковец, сам троюродный брат неандертальца. Этот модус реальности мог увлечь меня в длительные раздумья, но я как раз вышел к лесному ручью. Вода в нем струилась медленно и тихо, почти беззвучно. Зато громко ухали невидимые совы. Тут я вдруг оказался в своей воображаемой галерее. На этот раз я стал созерцать «Постоянство памяти» Сальвадора Дали. Картина подействовала на меня расслабляюще — показалось, что я сам обвис, как часы на холсте художника. Но приятная слабость длилась недолго. «Что предпринять, если поиски финансирования проекта Соло Моно ничего не дадут?» Этих вопросов я больше всего боялся и гнал их прочь. Но тут увернуться не смог и глубоко задумался. Никаких альтернативных вариантов в голову не приходило. Правда, возникла странная фантазия: будто

Федор Махоркин на неизвестном устройстве тщательно определяет размер и вес едва уловимого шуршания еловых веток. Чушь, глупость, паранойя! Нет же, это всплыл в сознании недавно созданный мною интерферометр — уникальный прибор для определения размера и массы сверхмалых элементов. С его помощью можно измерять частицы в нанопикофемтааттометровом диапазоне. Аттометровый — это 10 в минус 18-й степени. Именно мой интерферометр поможет вести в огромном мире поиск биостроительного материала для моего главного инженерного проекта. Финансы должны быть, будущий инвестор не сможет отказать мне в материальном обеспечении проектирования. Как я бесконечно предан Соло Моно, так и он, этот спонсор, будет захвачен моими мечтами и открытиями. Для этого мне не понадобятся ни электрошокер, ни укол амиनाзина, ни палка, ни кнут, ни равди, ни феллах, ни макель, ни плеть, ни связка крапивы, ни смирительная рубашка, ни красноречие, которым я не обладаю. Мне необходима лишь встреча с ним — он все поймет и пойдет за Махоркиным. Он доверится мне! Иначе нельзя! Ведь мне больше не к кому обратиться за денежной помощью. Я вспомнил картину Дали «Антропоморфный шкафчик». Она часто успокаивала меня, словно убеждала, что все научные разработки я надежно храню в ящиках собственного эго. Но на этот раз я не почувствовал умиротворения. Напротив, стала нарастать тревожность. Великий научный труд, самозабвенный поиск, возвышающий проект Соло Моно, казалось, поблек в моем сознании. Я почувствовал себя несчастным и ущербным. Такие перепады состояния — от эйфории до мрачного неверия в себя — для меня не очень харак-

терны. В подобные минуты я словно лечу в глубокую пропасть. Чтобы прийти в себя, лучше всего громко прокричать в пространство: «Я из самой иррациональной и мистической планеты Вселенной! Прошу избавить меня от преследований носителей менталитета, господствующего на ней! Ее коренные обитатели страдают комплексом царя природы. А в действительности они лишь скудный биостроительный материал для Соло Моно!» Я проорал это заклинание, вспугивая таежных птиц, и подумал: «Вряд ли я возьму что-либо от сивомасковца в свой проект. Впрочем, возможно, кое-что понадобится — хотя бы образцы гениальных наваждений Дали». На душе становилось легче. Тут я заметил, что солнце скрылось, небо заволокло тучами. Все говорило о приближении грозы. Я прибавил шагу, хотя не боялся ливня — любая густая ель могла стать мне надежным убежищем. Через несколько минут действительно сверкнула молния и по макушкам деревьев гулко прокатился гром. Я шел, не поднимая головы, ожидая крупных капель дождя. Но их все не было. Минут через пятнадцать усилился ветерок, опять выглянуло солнце, и тучи поползли на север. Я даже немного огорчился, что так и не дождался дождя. Тучи медленно уходили в сторону Сивой Маски. В принципе все это было мне фиолетово. Бытовые вещи меня не занимали, я вообще не различал их по отдельности, они плыли передо мной как слитная вереница одномоментных летучих впечатлений. Как состав поезда, который проносится мимо, оставляя лишь облако пыли. Очень редко какие-то сюжеты чем-то привлекали к себе мое внимание. В такие моменты я помимо своей воли отрывался от реальности. Задумываясь над особенностями своего

мировосприятия, я замечал, что житейские эпизоды отражаются в моем сознании в виртуальной форме. Поэтому разум нередко путал реальность и вымысел. Но это касалось лишь внешнего мира. В моем внутреннем мире царил порядок — там все было подчинено Соло Моно, моему приемному сыну. И на данном этапе моя задача была ясней ясного — заполнить полноценное финансирование. «Деньги, деньги, деньги!» — кричат и требуют ничтожные сивомасковцы. И я, представьте себе, в истерическом порыве тоже кричу вместе с ними: «Господа, мне нужны деньги!» Все блага для меня абсолютно безразличны, хотя для сограждан не существует более мучительной проблемы, чем материальное обеспечение. Я не раз отмечал, что по натуре я не аскет, умерщвление чувственности произошло как-то само собой. Мне постоянно не хватает времени, чтобы обдумывать главное. Разум взыскует творческого вдохновения, без которого нельзя проникнуть в тайны природы, а не чувственных фантазий. Контакты с женщинами отвлекли бы меня и поставили бы под угрозу весь замысел. По пути мне попался небольшой заиленный пруд: пора перекусить и выпить. Вода только выглядела страшновато, в лесной глуши она всегда вкусная и чистая. Я набрал кедровых шишек и вешенок. Прежде чем приняться за трапезу, открыл планшет и взглянул на ленту новостей — все было по-старому: террор и война в Сирии, да и на всем Ближнем Востоке. «Почему главные мировые события, — подумал я, — это акты агрессии и жестокости?» В голове стали появляться рассуждения о военном положении в Сирии. Прежде эта тема не очень занимала меня, но во время просмотров новостей по всем каналам и на разных языках ме-

ня охватывало недоумение: почему публично не обсуждаются коренные истоки конфликта и степень участия в нем разных социальных слоев? Я ужаснулся неадекватности восприятия событий на полях войны комментаторами разных стран, реакции на потоки беженцев. Угроза собственной смерти и убийства других окончательно перестали пугать сивомасковцев, даже наоборот — вызывают у них восторги. Тут мне в голову опять пришла мысль, всякий раз вызывающая шаловливое желание написать статью и разослать ее в газеты многих стран мира в слабой надежде вызвать резонанс. Почему шаловливое? Я же отрекался от всего людского — любви, ненависти, привязанности, удовольствий, участия в общественной жизни. Все это было категорически не мое! Но что вы думаете? Я присел на замшелый пенек, открыл планшет и стал торопливо набрасывать мысли, вызванные зловещим разрастанием пламени войны. Статью я хотел назвать «SOS: Где ты, моя религия?» Но не религия меня интересовала. Ее символы и тексты совершенно не укладываются в моем сознании из-за довольно примитивных вымыслов и комментариев. Две-три-четыре тысячи лет назад человеку малообразованному, не знающему ни физики, ни химии, ни биологии, не имеющему понятия о том, что Земля круглая, что Вселенная состоит из сотни миллионов галактик, что звезды зажигает Время один раз в десятки миллиардов лет, без особого мировоззренческого труда предложили тексты и фольклорные сюжеты о похожем на гомо сапиенс существе, от которого зависит человеческая судьба — счастливая, если люди чтут его заповеди, или несчастная, если они ими пренебрегают. Самая порочная глупость выражена в утверждении о

вечной жизни праведников в райских кущах — мне это напоминает сыр в мышеловке — и вечных скитаниях грешников в огненном аду. Эти манускрипты легко вошли в сознание сивомасковцев, а от субъектов с 70 НИС ничего иного и ожидать было нельзя. Но для осмысления чудесного порядка мироздания религия ничем не в состоянии помочь. Она лишь способна посеять интерес к своей антинаучной интерпретации Вселенной. Вернусь к своей статье. Меня не столько интересовала тема извращения сознания сограждан — она была мне известна, — сколько реакция на мои размышления. Идеи, которые я хотел высказать, по-моему, были совершенно оригинальны до мая 2016 года. Но я понимал, что они не способны привлечь внимания масс, и был бы доволен, если бы на них обратили внимание хотя бы с десятков читателей. Поэтому я писал слогом, доступным сивомасковцу. Приходилось имитировать мышление рядового обывателя. Если бы я раскрылся как тип с параноидальными идеями, никаких шансов быть принятым к публикации у моего опуса не было бы. Итак, взрываясь внутренним безумным хохотом, я начал писать:

SOS: ГДЕ ТЫ, МОЯ РЕЛИГИЯ?

Человечество продолжает блуждать по кругам «ада непонимания», результатом чего становятся всё множущиеся в мире конфликты: политические, межконфессиональные, социальные. А ведь, казалось бы, после Второй мировой войны вообще немислима возможность третьей, когда ядерный потенциал, накопленный странами, может вмиг уничтожить всю планету, весь

род людской. Война, по сути, идет, и она уже названа «гибридной». И в этой «новой» по типу войне совершенно очевидно использование религиозных взглядов, учений и идей как фундамента для «восстания масс». Там, где не срабатывают культурные, политические или патриотические механизмы, религиозная идея по-прежнему остается активно мобилизационной. Это осознают не все.

Но нет никакого сомнения, что именно религиозные конфликты — самые сложные по своей сути, так как они затрагивают глубины подсознательного и личностно важного в каждом человеке, что «религиозная карта» все активнее и с разными целями используется в мировой культурной и политической борьбе.

Современные военные конфликты, достигающие подчас поистине трагических масштабов и приводящие к бесчисленным потокам брошенных беженцев, несомненно требуют вмешательства всех религиозных лидеров. Весь цивилизованный мир замер в ожидании объединения их усилий за круглым столом переговоров. И только такая форма диалога позволит урегулировать вышедшую из-под контроля ситуацию. Но если этого по тем или иным причинам не случится, придется вспомнить и вновь пережить горькие уроки истории.

Напомню о внутреннем конфликте на Филиппинах 1969 года, когда мусульманское меньшинство восстало под лозунгом «свержения филиппинского колониализма»; о внутриарабских конфликтах 1960-х годов, в которые был втянут Ливан. Он становится центром деятельности антиизраильских политических организаций. В 1975—1976 годах постоянные столкновения между мусульманами и христианами переросли уже в

гражданскую войну. Арабо-израильский конфликт на долгие годы оказался адом для всех сторон. Не стоит забывать и о попытке разыграть «мусульманскую карту» в России (Чечня, 1990-е).

Участилась дискриминация отдельных религиозных групп, проявляющаяся и в том, что в политических элитах разных стран преобладают представители определенной конфессии, и это нередко становится источником серьезных глобальных конфликтов. Так было с Ираком, в котором исторически господствовало арабское суннитское меньшинство, в то время как большая часть населения представлена шиитами. Конфликт между ними привел к шиитскому восстанию 1991 года, он же был использован и в 2003 году, когда пал режим Саддама Хусейна не без участия иных заинтересованных сторон (американо-английских войск). Но доминирование шиитов теперь становится фактором, провоцирующим к террористической деятельности суннитских боевиков. «Иракская игра» в мире продолжается, хотя и меняет свои контуры. В ирано-иракском конфликте 1980—1981 годов за экономическое доминирование в регионе в качестве официальной причины войны был назван религиозный конфликт — противостояние суннитов и шиитов. В 28 афро-азиатских государствах ислам признан государственной (или официальной) религией. И сегодня религиозный терроризм продолжает охватывать многие страны и континенты: Сирию, Ирак, Йемен, Афганистан, Нигерию, Тибет, Судан, Ливию, Сомали... Это практически полмира.

Впрочем, и в Европе религиозные конфликты также становятся все более горячими. Противоборство между католиками и протестантами в Северной Ирландии

дии то затухает, то вновь вспыхивает. Противостояние сербов и хорватов показало, что в этнически схожих общностях возможно разделение по религиозному принципу. О подобной же линии конфликта мы можем говорить и применительно к Украине (униаты против православных, раскол между христианами, этнизация украинской церкви).

Исламский фундаментализм воспринимает себя как политическое движение, полагая, что влиять на устройство государств нужно исходя из религиозных норм. «Солдаты ислама» вели свою войну в Алжире и Египте, на Филиппинах и в Индонезии, в Америке и Европе. Практика исламских радикалов опирается на принципы активного и немедленного действия, а феномен террористических организаций (как фактор давления на Саудовскую Аравию и Иран) одновременно должен продемонстрировать всему миру власть якобы «истинных мусульман», выстраивающих своеобразный футуро-архаический мир, под знамена которого бегут уже и европейцы. И как результат: с каждым днем пополняются ряды беженцев, пострадавших от террористических организаций исламского толка, и ряды самих террористических организаций, с помощью фальшивого ислама вербуящего в свою армию детей, подростков, женщин. Неужели этого хочет настоящий ислам для своих народов?

Все эти болезненные вопросы позволяют с большой степенью определенности утверждать: чем глобальнее становится мир, тем более серьезное значение приобретают в мировых конфликтах факторы, связанные с глубинной природой человека, — факторы религиозные. Смеею заметить, что именно их — «точки боли и

веры в человеке» — игнорируют и не замечают те, кто обязан был бы их учитывать. Поэтому такая озлобленная страсть выпирает вовне и добирается дорогой ненависти до сознания.

Каждый день мы наблюдаем, как во всем мире растет озлобленность по отношению к исламу из-за агрессии террористических организаций исламского толка и использования ими якобы религиозных мотивов для оправдания своих варварских деяний. И это в корне неверный подход к целой религии — никакого отношения к исламу выдуманное «ответвление» не имеет. Хочется обратиться напрямую к лидерам суннитов и шиитов: почему вы не объявили пропагандируемый террористическими организациями образ ислама ересью? Почему не отреклись от него и его адептов? Только ваш бескомпромиссный приговор может остановить смертоносные орды и помочь заблудшим душам вернуться с самоубийственной бойни.

Нет сомнения, что религиозные лозунги заряжают неопытных людей верой в «священную правоту» своих действий. Но не будем забывать, что тот же принцип приносят с собой и беженцы в иные страны и культуры. Религиозный принцип и в этих не родных для беженцев европейских странах неизбежно станет актуален. А потому остается открытым вопрос: почему нынешние беженцы брошены на произвол судьбы не только политическими деятелями, но и прежде всего религиозными? Из Сирии бежали около 400 тысяч христиан — кто помогал им в самом начале пути, кто поддерживал при пересечении границ? В Турции, Греции, других странах? Из Непала, Индии, Шри-Ланки бежали буддисты через границу с Пакистаном, Ираном, Турцией — по-

чему не был поставлен заслон, не остановлен этот бурлящий поток, почему никто не призвал их освободить свои сердца от агрессии и ненависти? Тысячи беженцев на французской границе близ Кале были брошены на произвол судьбы — рядом с ними нет представителей истинного исламского мира и исламской культуры, которые смогли бы помочь им понять: их будущее не в ненависти, а в согласии с другими религиями и культурами. Представители ислама не смогли помочь этим брошенным единоверцам в молитвах пережить тяготы тяжелой дороги. Это приводит к всплескам агрессии уже на территории Европы — пример тому массовые нападения на женщин, грабежи и разбой в Кельне, других городах Германии.

Беженцы на российско-финской границе, на подступах к Македонии, Греции, Великобритании не были удостоены внимания ни одной религиозной организации. Волонтеры социальных служб стараются оказывать посильную помощь терпящим бедствие людям, но они не поддерживаются представителями религий, будь то христианство, ислам, буддизм. Ни один из лидеров религиозных диаспор не находится рядом с людьми, пережившими страшные дни войны и несущими в себе травматический опыт на европейскую территорию. Все говорят о разности менталитетов; каким же образом этим самым менталитетам совпадать или уживаться, если нет религиозного сопровождения, нет молитвы у верующих, ни один из религиозных лидеров христианства и буддизма не оказал требуемой поддержки беженцам, если не оборудовали для них временные молитвенные шатры, контейнеры?! Или это молчаливое бездействие — спланированная акция правящих

мировых элит? Острейшая ситуация уходит корнями в общее равнодушие религиозных диаспор, к горю и страданиям единоверцев. Никто не помогает беженцам в сложных, почти невыносимых условиях ощутить исламский сабр, успокоить свой мятежный дух христианским смирением, постичь буддистскую безмятежность и с помощью веры избавиться от внутренней агрессии.

Стоит вспомнить, что назначение религии как социального института — это и выработка смыслов, позволяющих человеку понимать себя в мире. Сложная, с каждым днем ухудшающаяся ситуация с сотнями тысяч беженцев создает своего рода «европейский ступор», который требует особого внимания именно со стороны религиозных лидеров. Единоверцы услышат их быстрее, чем главу Европарламента. Стоит вспомнить 1970-е годы и массовую миграцию, по сути бегство, евреев из СССР: в то время в Вене, куда прибывали беженцы, их поддерживали представители регионального раввината, вместе с австрийскими волонтерами помогая им обрести себя в новом, незнакомом мире...

Очевидно, что ситуация будет ухудшаться, если духовные лидеры, представляющие мировые религии, не примут решение о проведении ряда совместных встреч для определения того, как смягчить проблему «оставленности» беженцев — христиан, мусульман, буддистов, кришнаитов и пр.

Встреча патриарха Кирилла с папой римским Франциском, безусловно, важна не только политически. Оказался возможным диалог между католиками и православными, названный «диалогом тысячелетия». Вспоминается Всемирный саммит религиозных лидеров, который с 2011 года перестал проводиться. Его воз-

рождение и организация новых встреч иерархов всех традиционных мировых религий — задача номер один для руководителей и граждан всех стран.

Необходимо в ближайшее время призвать лидеров всех религиозных конфессий встретиться и обсудить вопросы войны и мира. Логично провести первую такую встречу в Иерусалиме, как особо исторически и духовно значимом месте для людей разных конфессий. Использование религиозного фактора в политической борьбе следует дополнить обращением к агностикам и даже атеистам, чтобы установить конструктивный гуманитарный диалог. Должна быть разработана пошаговая стратегия действий. Полагаю, что на базе ООН возможно создание специальной организации — Мирового конгресса вероучений, который должен опираться на традиции, сложившиеся задолго до того, как международное право закрепило в качестве нормы гуманитарную помощь людям, терпящим стихийные бедствия или ставшим жертвами гонений и войн. Всем нам и каждому в отдельности необходимо призвать лидеров мировых религий встретиться немедленно, а затем встречаться два-три раза в году, чтобы окончательно снять с повестки дня опасность вооруженных конфликтов.

Пусть пока это лишь наша «свернутая возможность», наше вождеденное будущее. Но разве сама установка на диалог не есть уже важный шаг к тому, чтобы человек и в XXI веке жил, а не «стоял в очереди за жизнью»?

Наша гражданская солидарность поможет убить войну, вычеркнуть из сознания непозволительное желание мести и мрачное чувство злобы. Но эта победа возможна лишь под знаком дружелюбия. Современники, давайте прислушаемся к своей совести, доверим-

ся сердечным порывам и нанесем войне и ненависти смертельный удар торжеством жизни. Человек — образ планеты: как она благосклонна к нам, так и мы должны с благими чувствами относиться друг к другу.

Ведь служение ближнему во всех мировых религиях всегда основывалось на вере в абсолютную ценность жизни человека.

Статью я написал на русском и английском, которым неплохо владею. После чего с помощью приложения-переводчика перевел ее на тайский, немецкий, японский, китайский, польский, французский, сербский, болгарский, испанский, итальянский. Вот пример того, как получилось.

SOS: DOVE SEI FINITA, O MIA RELIGIONE?

L'umanità continua a vagare ciecamente in un inferno dove l'incapacità di comunicare sta generando un numero sempre maggiore di conflitti politici, etnici e sociali in tutto il mondo. Dopo la Seconda Guerra Mondiale, la possibilità che ne scoppiasse una terza sembrava inimmaginabile, dato che la potenza del nucleare era in grado di annientare l'intero pianeta e tutta la razza umana in un solo istante. Eppure la guerra non è mai finita e oggi è chiamata "ibrida". Questo nuovo tipo di conflitto fa un uso palese e manifesto di idee e insegnamenti religiosi con lo scopo di provocare un "sollevamento delle masse". Il credo religioso continua a essere un potente richiamo all'azione, dove le ideologie politiche e patriottiche hanno invece fallito. Non tutti lo riconoscono. Al contrario, invece, non c'è alcun dubbio che i conflitti

religiosi siano i più violenti, dato che toccano l'inconscio e le corde più profonde di ogni essere umano. E' inoltre ovvio che, nell'attuale lotta culturale e politica globale, la "carta religiosa" sia l'elemento maggiormente efficace e mirato al suo scopo.

E' logico, quindi, che gli odierni conflitti bellici, che stanno raggiungendo una portata assolutamente tragica e causano una marea ininterrotta di rifugiati abbandonati a sé stessi, richiedano l'intervento immediato di tutti i capi religiosi. L'intero mondo civilizzato sta aspettando col fiato sospeso che si uniscano alle forze armate al tavolo dei negoziati. E solo questa forma di dialogo renderà possibile disciplinare la situazione caotica che il mondo sta fronteggiando. Se per qualunque motivo ciò non dovesse accadere, saremo condannati a ricordare e rivivere le orrende lezioni che la storia ci ha già insegnato.

Proviamo a ripensare al conflitto interno avvenuto nelle Filippine nel 1969, quando la minoranza musulmana si sollevò inneggiando al "rovesciamento del colonialismo filippino", o ai conflitti interni arabi degli anni '60, dove fu coinvolto il Libano. Oggi questo paese è un punto di incontro centrale di organizzazioni politiche anti-israeliane. Nel 1975–76, i continui scontri tra musulmani e cristiani si inasprirono, sfociando in una guerra civile. Il conflitto arabo-israeliano ha devastato le vite di molte persone per tanti anni. Non dovremmo neanche dimenticare il tentativo di giocare la "carta musulmana" nella Cecenia russa negli anni '90.

Siamo testimoni di una crescente discriminazione nei confronti di alcuni gruppi religiosi, mostrata, tra le altre cose, dalla predominanza di rappresentanti di alcune confessioni nelle élite politiche, causando in questo modo gravi

conflitti mondiali. Questo è stato il caso dell'Iraq, dove ha da sempre predominato la minoranza sunnita araba, mentre la maggioranza della popolazione è shiita. Il conflitto interno portò alla rivolta shiita nel 1991, che ebbe anche un ruolo importante nel 2003 quando le parti coinvolte aiutarono a rovesciare il regime di Saddam Hussein. Ma ora il predominio shiita sta generando l'attività terroristica dei militanti sunniti. Il "gioco iracheno" continua tutt'ora, anche se i contorni stanno cambiando. L'opposizione tra sunniti e shiiti fu dichiarata una delle ragioni ufficiali del conflitto iraniano-iracheno del 1980 – 1981 per il predominio economico della regione. Nei ventotto stati afro-asiatici, l'islam è riconosciuta come religione di stato (o ufficiale). E oggi il terrorismo religioso continua a devastare numerosi paesi e continenti: Siria, Iraq, Yemen, Afghanistan, Nigeria, Tibet, Sudan, Libia, Somali; ovvero quasi la metà del mondo.

I conflitti religiosi stanno diventando sempre più violenti anche in Europa. Gli scontri tra cattolici e protestanti nell'Irlanda del Nord sembrano scemare per poi ripresentarsi con una violenza ancora maggiore. L'opposizione tra serbi e croati ha testimoniato come la separazione etnica basata esclusivamente su principi religiosi sia possibile anche tra comunità legate etnicamente. Lo stesso si può dire, in maniera analoga, del conflitto in Ucraina (i unati contro i cristiani ortodossi, la separazione tra cristiani e l'etnicizzazione della chiesa ucraina).

Il fondamentalismo islamico è inteso come un movimento politico, attraverso cui vengono usati i principi religiosi per fare pressione sulle strutture dello stato. "I soldati dell'Islam" intraprendono la loro guerra in Algeria e in Egitto, nelle Filippine e in Indonesia, in America e in Europa. Il metodo degli islamisti radicali si basa sull'efficacia e

l'immediatezza dell'azione, mentre il fenomeno delle organizzazioni terroristiche (come leva di pressione su Arabia Saudita e Iran) vuole mostrare al mondo intero anche la forza dei presumibilmente veri musulmani che stanno creando una sorta di mondo futuristico-arcaico, in cui ora vengono coinvolti anche gli europei. Tutto ciò causa la sofferenza delle masse di rifugiati per mano delle organizzazioni terroristiche islamiche e delle loro eresie, oltre alla creazione di truppe delle stesse organizzazioni terroristiche, che utilizzano un falso islam per reclutare bambini, adolescenti e donne nel loro esercito, ingrandendosi così giorno dopo giorno. Può essere davvero questo ciò che l'islam desidera per la sua gente?

Tutte queste scottanti domande legittimano l'affermazione secondo cui più il mondo diventa globale, maggiore è il ruolo che i fattori religiosi hanno nei conflitti mondiali. Ed è questo male radicato, che va a toccare l'essenza delle fede umana, che viene ignorato da coloro a cui viene richiesto di prestarvi aiuto. Di conseguenza, questa passione avvelenata esplose, raggiungendo la coscienza collettiva su ondate di odio.

Ogni giorno siamo testimoni di come l'aggressività e l'ostilità delle organizzazioni terroristiche islamiche e l'uso di motivazioni presumibilmente religiose per giustificare le azioni barbariche da loro perpetrate stia generando l'astio e il rancore del mondo intero nei confronti dell'islam. Tuttavia questo è un approccio sostanzialmente sbagliato alla religione; questo "ramo" inventato non ha assolutamente nulla a che fare con l'islam. Vorrei chiedere direttamente ai leader sunniti e shiiti: "Perché non affermate che l'immagine dell'islam rappresentata e sostenuta dalle organizzazioni terroristiche sia un'eresia? Perché non la rinnegate,

insieme ai suoi seguaci? Solo il vostro marchio di disapprovazione può fermare le orde mortali e aiutare le anime perse a tornare sulla retta via e vivere una vita di felicità.

Non c'è alcun dubbio che gli inneggiamenti religiosi instillano nei propri seguaci una forte credenza nella "giustizia sacra" delle loro azioni. Questo a sua volta, induce un numero sempre maggiore di persone della stessa religione a combattere contro individui di un altro credo. Ma non possiamo dimenticare che anche i rifugiati che fuggono verso altri paesi e culture portano con loro questo principio. Tuttavia, questi paesi europei a loro stranieri, hanno anch'essi i loro principi religiosi connaturati. Per questa ragione, vorrei sapere perché i rifugiati lasciati alla mercé del fato non sono solo politici, ma sono in primo luogo persone religiose. Quattrocentomila cristiani sono fuggiti dalla Siria: chi li ha aiutati all'inizio? Chi li ha supportati quando hanno attraversato le frontiere di Turchia, Grecia e altri paesi? I buddisti sono scappati dal Nepal, dall'India e dallo Sri Lanka per dirigersi verso il Pakistan, l'Iran e la Turchia: perché non furono erette barriere? Perché questo enorme flusso non fu interrotto? Perché nessuno gli chiese di liberare i loro cuori dall'aggressività e dall'odio? Migliaia di rifugiati sul confine francese vicino Calais sono stati abbandonati a sé stessi, per cavarsela da soli; non ci sono rappresentanti di fede e cultura islamica vicino a loro che li aiutino a comprendere che il loro futuro non deve risiedere nell'odio, ma nell'armonia con il mondo. I rappresentanti dell'islam non si riuniscono insieme in preghiera per aiutare i loro compagni di fede abbandonati a superare le difficoltà che li attendono. Tutto ciò ha portato a esplosioni di violenza e aggressività in Europa; alcuni esempi sono gli attacchi di massa nei confronti delle donne, saccheggi e assalti a Colonia e

nel resto della Germania. Neanche una organizzazione religiosa ha prestato attenzione ai rifugiati sul confine russo-finlandese e nelle vicinanze di Macedonia, Grecia e Gran Bretagna. I volontari dei servizi sociali stanno cercando di assistere le persone sofferenti in qualunque modo possibile, ma queste ultime non sono sostenute dai rappresentanti religiosi, siano essi cristiani, islamici o buddisti. Tra le persone che hanno sofferto giorni terribili di scontri militari e che ora portano con sé questi sentimenti disumani in territorio europeo non si trova nessuno dei leader delle diaspore religiose. Tutti parlano della differenza di mentalità. Ma come possono convivere e andare d'accordo queste mentalità se non vi è sostegno religioso, se non si prega gli uni per gli altri? Nessun capo religioso della cristianità o del buddismo ha offerto ai rifugiati il supporto di cui hanno bisogno, nessuno ha montato delle tende temporanee per pregare o altri tipi di riparo. Oppure è intenzionale questo silenzioso far niente da parte delle élite che governano il mondo?

L'assoluta urgenza di questa situazione richiama alla memoria l'indifferenza generale degli esodi religiosi, del dolore e della sofferenza dei loro compagni di fede. Nessuno sta aiutando i rifugiati ad abbracciare la pazienza islamica (Sabr) nel momento di difficoltà e nelle intollerabili condizioni in cui si trovano, a calmare e donare pace al loro spirito di ribellione tramite l'umiltà cristiana, a comprendere la quiete buddista e liberarsi dalla loro aggressività con l'aiuto della sola fede.

Dobbiamo ricordare che il ruolo della religione in quanto istituzione sociale è quello di fornire alle persone concetti che semplifichino la comprensione dell'uomo e di loro stessi nel mondo. Il costante peggioramento della condizione dei rifugiati sta creando una sorta di letargia europea

che richiede la scrupolosa attenzione dei leader religiosi, la cui voce sarà ascoltata dai credenti con maggiore fervore rispetto alla voce del capo del Parlamento Europeo. Faremmo bene a ricordare gli anni '70 e l'emigrazione di massa degli ebrei dall'Unione Sovietica all'Austria. A quel tempo i rifugiati furono supportati dai capi del giudaismo, dai rappresentanti del rabinato regionale e dai volontari austriaci, che li aiutarono ad abituarsi a quel mondo nuovo e ancora sconosciuto...

E' ovvio che la situazione in Europa e nel mondo peggiorerà se i leader delle religioni di tutto il mondo non terranno degli incontri congiunti per determinare come alleviare le difficoltà dei rifugiati cristiani, musulmani, buddisti e induisti.

Non c'è alcun dubbio che il recente incontro tra il Patriarca Kirill e Papa Francesco sia stato molto di più di una conquista politica. E' stato un dialogo tra cattolici e cristiani ortodossi chiamato "il dialogo del millennio". Questo è il momento di ricordare il Summit mondiale dei leader religiosi, che non si svolge più dal 2011. Reintrodurlo e organizzare nuovi meeting dove i leader delle religioni di tutto il mondo possano riunirsi deve diventare una priorità assoluta per tutti i cittadini, tutti i capi e tutti i diplomatici di ogni paese.

I capi di tutte le confessioni mondiali devono essere chiamati a incontrarsi e a discutere di questioni di pace e guerra il prima possibile. Il primo meeting potrebbe avere luogo a Gerusalemme, città storicamente e religiosamente significativa per i credenti di diverse confessioni. Sembra che all'uso del fattore religioso nella lotta politica si debba controbattere con il fattore umano, che può e deve fare affidamento su un dialogo religioso e umanitario. E' necessario

sviluppare una graduale strategia per questo dialogo tra religioni. Io credo che si potrebbe istituire un'organizzazione mondiale nominata "Il Congresso mondiale delle religioni" sotto l'egida delle Nazioni Unite. E tale organizzazione deve poter contare su tradizioni risalenti a molto tempo prima che la legge internazionale venisse imposta come principio di aiuto umanitario a vittime di disastri naturali, persecuzioni e guerre. Ognuno di noi deve fare appello ai leader di tutte le religioni affinché si incontrino il prima possibile e si riuniscano poi due o tre volte all'anno con l'obiettivo di eliminare i conflitti armati dall'agenda mondiale una volta per tutte.

Facciamo in modo che questo diventi il nostro credo del presente, il nostro futuro così agognato e desiderato. Stabilire un dialogo è già di per sé un importante passo per l'umanità verso una vita piena di significato, di obiettivi e direzioni da raggiungere nel 21esimo secolo al posto di una vita in attesa di essere vissuta...

Il nostro sincero e sentito impegno civico nato dalla coscienza personale aiuterà a porre fine alla guerra e cancellare l'ingiustificabile desiderio di vendetta e rabbia latente dalle nostre menti. Ma questa vittoria si può ottenere solo grazie ad uno spirito di bontà e altruismo. Cari concittadini, circondiamo il mondo in un abbraccio d'amore e permettiamo alla bellezza e alla gioia della vita di sconfiggere la guerra e l'odio. L'uomo è fatto a immagine e somiglianza di Pianeta, e poiché Egli ci dona compassione e misericordia, così noi dobbiamo donare compassione e misericordia gli uni agli altri.

Servire il prossimo e onorare il valore fondamentale della vita umana sono sempre stati i principi basilari di tutte le religioni del mondo.

SOS: 宗教よお前は何処に

人類は『無理解という地獄』の周辺を漂い続けている。その結果として世界には政治的、宗派間的、そして社会的な紛争が絶え間なく増え続けている。世界各国によって蓄えられた核の可能性が、全世界をそして、全人類を瞬時に滅ぼしかねないというとき、第二次世界大戦のあと第三次世界大戦の起こる可能性はとても考えられなくなっているように見える。それにもかかわらず、事実上、戦争は起き、それはすでに『ハイブリッド』と呼ばれるものになっている。そして、この『新しい』形の戦争にあっては、『民衆の蜂起』をはかる根拠として、宗教的な見地や教義、理想を使うのはまったく自明のこととなっている。文化的、政治的、あるいは愛国的なメカニズムが働かなくなっているところでは、宗教的な理想がいままで通り積極的に動員されているのである。が、すべての人々がこれを認識しているわけではない。

しかしながら、宗教的な紛争こそが、本質的に最も複雑なものであることは間違いない。なぜなら、それは本能的なもの、また個人的に重要なものとして各人の心の奥深く働きかけるからである。だからこそ『宗教的なカード』は、いよいよ積極的に、またあらゆる目的のもとに世界の文化的、政治的な戦いに使われているのである。

時に実に悲劇的な規模にまで発展し、数知れない難民の奔流を生む原因となる現代の軍事紛争は、すべての宗教的指導者たちによる迅速な調停を求めている。文明社会全体が円卓会議の席で彼らが力を結集するのを息をこらして待っているのだ。そうした対話の形式だけがもはやコントロールできなくなった状況を調停することができるであろう。だがもしそれが何らかの理由でそれができないとすれば、我々は苦い歴史の教訓を思い出し、再度それを噛み締めることになるだろう。

『フィリピンの植民地主義の転覆』を旗印にかかげてイスラム教徒の少数派が蜂起した1969年のフィリピンでの内戦を思い起こそう。あるいは、レバノンを巻き込んだ1960年代のアラブ諸国内の紛争を。そこでは、レバノンは反イスラエルの政治組織の活動の中心地となり、1975年から76年にかけてはイスラム教徒とキリスト教徒の間の絶え間なき衝突は市民戦争にまで発展した。長年にわたるレバノンとイスラエル間の紛争は多くの人々にとっての地獄となったのである。また、ロシアに於ける『イスラムのカード』遊びの試みも忘れてはならないであろう（1990年代にチェチェンにて起こった）。

各国の政治的エリートの中に特定の宗派の代表が優勢となったことで、いくつかの宗教グループへの差別も度重なり、それが重要な世界紛争の原因となることがしばしばある。イラクに関してもそうだった。イラクでは歴史的にアラブのスニー派の少数派が支配していたが、住民の大多数はシーア派信徒であった。両宗派間の紛争は1991年のシーア派の蜂起を促し、また2003年に外部の関係機関（英米軍）が関与することなくサダム・フセインの体制が崩壊した時にもそれは利用された。しかしながら、シーア派の優勢は現在、スニー派の武装義勇隊員らのテロ活動を挑発する要因となっている。外形を変えながらも『イラクのゲーム』は世界中で続いている。地域における経済的優勢を目的にして闘われた1980年から1981年にわたるイラン・イラク紛争にあっても、公式の理由としては宗教的なものの、つまり、スニー派とシーア派との対立であると報じられた。アジアとアフリカの二十八の国々でイスラム教が国家の（あるいは、公式の）宗教と認定されている。そして又、宗教的なテロリズムが多く国々と大陸を席卷している。つまり、シリア、イラク、イエメン、アフガニスタン、ナイジェリア、チベット、そしてスーダン等だ。これは実に地球の半分にあたる。

ところでまた、ヨーロッパでもまた宗教的な紛争がどんどん悪化している。北アイルランドでのカトリック教徒とプロテスタントとの抗争は鎮まるかと思えば、再び燃え上がる。セルビア人とクロアチア人との対立は民族的にほぼ同一だと思われる者たちの間でも宗教的な理由のみで民族が分断されることがあることを示している。同じような意味での紛争を我々はまたウクライナに於いても見ることができる（帰一教徒〔ローマ教皇の首位権をみとめながらギリシア正教会固有の言語・典礼を保持する〕とキリスト教徒との対立であり、正教会内での分裂、ひいてはウクライナ教会の民族化である）。

イスラム原理主義は、宗教の埒外に出て国家体制に影響すべきであると考えることで、政治運動にまで発展した。『イスラムの戦士たち』は、アルジェリアやエジプト、フィリピンやインドネシア、さらにアメリカやヨーロッパにおいて戦闘を繰り広げた。イスラム過激派の行動原理は積極的、かつ迅速に実行することであり、（サウジアラビアとイランに対する圧迫要因としての）テロ組織の現象は、同時にまた、未来的でしかも古風な独自の世界を築き上げる『あたかも真実めいたイスラムの政権』を世界中に誇示しなくてはならないのだ。そして、その旗のもとには既にヨーロッパ人たちが参集しつつある。その結果、イスラム宗派のテロ組織とその異説に、そして偽りのイスラム教の助けを借りて自分たちの軍隊に子供や未成年者、女性などを徴収している一連のテロ組織そのものために苦しむ難民たちが、日々その数を増しているのだ。一体これが真のイスラム教が自分たちの民族のために願うことなのだろうか？

こうした病的な問題のすべてが、世界がグローバル化すればするほど、世界的紛争において人間の本性の深奥に関わる要因、つまり、宗教的な要因がますます重要な意味を持つようになることをはっきりと確信させてくれる。思うに、それら『人間における痛みと信仰という点』を、それを考慮す

るために召喚されるはずの人々が無視し、気付かずにいるのだ。だからこそ、このような憤った情念が外部から侵入し、憎悪を通して意識の中に入り込むのである。

日々我々は、世界中でイスラム教への憤りが増大していくのを目にする。それは、イスラムの宗派のテロ組織の急進性と、自らの蛮行を正当化するためにあたかも宗教的であるかのようにみせかけた動機を彼らが用いているためである。そして、これは本質的に宗教全体に対する誤った態度であり、偽りの『分派』はイスラム教とはまったく何の関係も持たないのである。私はスンニー派とシーア派のリーダーたちに正面きって言いたい。どうしてあなた方はテロ組織として宣伝されたイスラムの形態を異教であると宣言しないのか？

なぜ彼らや彼らの追随者たちを破門しないのか？ あなた方の不承認の刻印だけが殺人的な匪賊たちを押しとどめ、さまよえる人々を破滅的な道から幸福な人生への勝利の方向に向かわしめることができるのだ。

宗教的なスローガンが自分たちの行為の『神聖なる正当性』を強く信じることで、自分と考えを同じくする者たちを『誘い込む』ことになることは疑いを入れない。それはまた、『宗教的な他者』との戦いに於ける『宗教的な身内』の統合を進めることにもなる。この宗教的原理を、難民たちがまた他の国々や文化に持ち込むことになるだろうことも忘れてはならないだろう。この宗教的原理は、難民にとって異郷であるヨーロッパの国々においてもやはり避けられない焦眉の問題となることだろう。だからこそ問題は依然として未解決のままなのだ。なぜ現在の難民たちは政治家たちによってだけではなく、いやそれよりもまず、宗教者たちによって見殺しにされているのか？ シリアからは四十万のキリスト教徒が逃げ出した。脱出の一番最初に彼らを助けたものは誰か、誰が国境を越える際に彼らを支援したのか？ トルコや、ギリシャ、そして他の国々では？ ネパールから、インドやスリランカからパキスタン、イラン、そしてトルコとの

国境を越えて仏教徒が逃げ出した。だが、なぜ障壁は築かれなかったのか、なぜこの流出を止めることができなかったのか、なぜ誰も彼らに自分たちの心を攻撃や憎悪から解放するように呼びかけなかったのか？ カレー近辺のフランス国境では数千人の難民が放置された。彼らの傍にはイスラムの信仰や文化を代表するものは誰もいなかった。彼らこそが、難民たちに彼らの未来は憎悪にではなく、平和に従うことにあることを理解させることができたはずなのだ。イスラム教の代表者たちも、これらの宗派を同じくする者たちが、祈りによって困難な道のりの苦しみを乗り越える手助けをすることができなかった。このあと事態はヨーロッパ圏に対する攻撃へと急展開していった。それは女性たちへの集団的な暴行、強奪、そしてドイツのケルンや他の地域での略奪として現れたのである。

ロシアとフィンランドとの国境や、マケドニア、ギリシャ、そしてイギリス近辺の難民たちは一つとして宗教団体の注意を与えられることはなかった。社会奉仕のボランティアたちが惨憺たる状況を耐え忍んでいる人々に対して何とかして手を差し伸べようとしたが、キリスト教であれ、イスラム教や仏教であれ、どの宗教の代表者たちも彼らを支援することはない。宗教的グループの指導者のうち誰一人として悲惨な戦争の日々を耐え、ヨーロッパ圏へと非人間的な感情を持ち来った人々の傍らに居てやることはないのだ。だれもがメンタリティーの相違を口にするが、宗教的な随伴や、信者たちの祈りなくしてこうしたメンタリティーがどのようにして融合したり、共存したりすることできようか。キリスト教の指導者も仏教の指導者も誰一人として難民たちに必要とする支持を与えはしなかった、彼らのために一時的な祈りのテントやコンテナを作るものは誰もいなかったのだ？！

それとも、この沈黙という無行動とは、世界の指導的な位置にあるエリートたちが事前に計画した行為なのか？ こうして生み出された状況の緊急性のすべては、宗教的グループが

信仰を同じくする者たちの悲しみや苦しみに対して、なべて冷淡であったことに深く根ざしている。誰一人として、困難で耐え難い状態にある難民たちに『イスラムの忍耐』を感じるとらせる手助けをしようとしなかったし、己の荒れ狂う心をキリスト教の融和でなだめようとしなかった。そしてまた仏教の平穩に達し、ただひたすら祈ることによって内心の攻撃性から逃れる手助けもしなかったのだ。

ここで是非とも思い出さねばならないのは、社会制度としての宗教の使命とは、人間が世界に於ける自分を理解できるような理解力を涵養することであることだ。何百万という難民をめぐって日毎に悪化する複雑な状況は、特異な『ヨーロッパの麻痺状態』を引き起こしているが、これに対してこそ宗教的指導者たちからする特別な注意が求められるのである。信仰を同じくする者たちは、ヨーロッパ会議の議長の声よりもむしろ、宗教指導者たちの声にすばやく耳を傾けることだろう。それにつけても思い出されるのは1970年代にソビエト連邦からオーストリアへのユダヤ人たちの集団移民、いや脱走があったことだ。その時ウィーンで『難民たち』をユダヤ教の主だった人々や地域のラビ〔ユダヤ教律法学者〕の会議の代表者たち、そしてオーストリアのボランティアたちが支援し、彼らが新しい未知の世界で自分を見い出す手助けをしたのだった…

もしも世界の宗教を代表する宗教的指導者たちが、キリスト教やイスラム教、仏教、そしてクリシュナイズムの信者たちといった難民が『放置されている』という問題を調停するための道を模索するために一連の会合を持つことを決議しないとすれば、ヨーロッパの、そして世界の状況がいよいよ悪化することは明白である。

先般行われたキリル総主教とフランシスコ・ローマ法王との会見は、政治的にばかりではなく、絶対的に重要であることがわかった。カトリックと正教会戸の間の『千年の対話』と呼ばれた対話が可能であることがわかったからである。同

時にまた思い出されるのは宗教的な指導者たちの世界サミットが2011年以降中断されていることである。その復活や、世界のすべての伝統ある宗教の指導者たちの会談を新しく組織する問題が、全世界の市民や指導者たち、そして外交官らにとっての一番の課題とならねばならない。

少しでも早く全世界の宗派の指導者たちが一同に会し、戦争と平和の諸問題を審議する必要がある。例えば、最初の会合を、多くの宗派の人々にとって歴史的、宗教的に重要な場所であるエルサレムで行ってはどうか。思うに、政治的な闘いに宗教的な要因を使うためには、人間的な要因を対置させる必要があるが、それは宗教的、かつ人道的な対話に基礎を置くことが可能であるし、また、そうあらねばならない。このような宗教の対話にはターン制ストラテジーを用いて順繰りに進めていかななくてはならない。また、国際連合を基礎として世界的組織である『信仰の世界会議』を創設することも可能であると考ええる。それは、国際的な権利がそのノルマとして、自然災害に苦しんだり、迫害や戦争の犠牲になった人々への人道的な支援を認証するよほど以前に現れた伝統に基づくものでなくてはならない。武力紛争が議事日程から完全に外されるように、我々すべて、一人一人が、自らの声によって、世界の宗教の指導者たちに早急に一同に会するよう、そしてそのあと年に二度か三度会合を持つように呼びかけなくてはならないのだ。

どうかこれが我々の『残された可能性』であり、我々の渴望すべき未来であるように。なんとなれば、会話の場を設定すること自体が、人類が『生きるために列をなす』ことなく二十一世紀を生きるための重要な一歩なのであるから。

良心に基づく我々の誠意ある、心の底からする市民的な活動は、戦争をなくし、復讐という許しがたい願望や悪意という暗い感情を意識から追い払うのを助けてくれるかもしれない。だが、そうした勝利は友愛による支配のもとにのみ可能となる。親愛なる同胞よ、我らの愛情に満ちた心

を抱擁し、生の勝利によって戦争と憎悪に致命的な打撃をあたえようではないか。人間は神の原型なのであり、神が我々に寛大であったように、我々もまた互いに寛大であらねばならない。

世界のすべての宗教にあつて近しい者への奉仕とは、つねに人間の命の絶対的な価値への信仰に基づくものなのだから。

Потом разослал тексты в немецкую газету «Deutsche Wirtschafts Nachrichten», в швейцарскую «Neue Züricher Zeitung». В российские «РБК» — на имя Николая Гришина, главы отдела «Мнения», в «Коммерсантъ», на имя Марины Филатовой, в «Ведомости», на имя Андрея Сеницына. Направил также в американские газеты — «Washington Post», «New York Times», в английскую «The Guardian», в польские «Gazeta Polska» и «Polityka» (на имена главных редакторов Томаша Сакиевича и Йерци Бачински); во французские издания «Le Monde Diplomatique» и «La Croix»; в датскую газету «Politiken», шведскую «Expressen»; в итальянские «La Repubblica» и «Il Messaggero». Далее — в китайские «China Youth Daily», «New Beijing Daily», «South China Daily» и даже «Renmin Ribao» — на имя самого главного редактора Ли Шаобана; в японские «Asahi» и «Nikkei», казахскую «Культурная Астана», в тайские «Sieng Tai» и «Thai Rat»... Я предвидел, что многие газеты мне не ответят и ничего не опубликуют. Но в любом случае надо было ждать, а ожидание — самое частое человеческое состояние. Эта простая мысль тут же повлекла следующую, причем лихорадочную: надо выбрать самые жгучие темы и срочно подготовить еще пару провокационных статей. Не много ли в тебе пафоса, Федор Махоркин?

Не вскружили ли твою голову восторги от идеи вынашивания Соло Моно? Правда, успех биоинженерного проекта невозможен без взрывного озарения сознания. Тут меня понесло совсем в другую сторону. Я напряженно стал размышлять о некоторых функциях нано-пинцета. Прежде всего необходимо увеличить его скорость, чтобы осаждение атомов протекало молниеносно. Здесь без зонда, внутри которого будет размещена оптическая нанотрубка, не обойдешься. А увеличение мощности фокусируемого оптического излучения позволит поднять температуру и нагрев частиц, что поможет перемещать атомы, находящиеся внутри нанотрубки, выводить их из нее и локализовывать на поверхности обрабатываемого материала. Для увеличения производительности и скорости работы сборщика атомов в него надо установить одновременно миллионы таких зондов. Это решение поможет и дальше ускорять перемещение атомов — этому поспособствует и дополнительный нагрев за счет оптического излучения. Таким образом, захваченные пинцетом атомы переносятся из «горячей» области опытного пространства на «холодную» поверхность обрабатываемого материала. Следовательно, для увеличения скорости осаждения нужно использовать зонд, с вершины которого перемещаются атомы. Отрыв атомов с вершины зонда и перемещение их на обрабатываемый объект будет происходить под воздействием оптического излучения. Правильно! Тогда все заработает и останутся лишь три важнейшие нерешенные проблемы. Одна из них — как мгновенно определить органические и неорганические сверхмалые величины, чтобы быстро создавать живые молекулы, а потом и клетки. Конечно, риск

есть, ведь при образовании Земли, после ее охлаждения, на что ушло около 500 миллионов лет, на ней более полутора миллиардов лет существовали лишь одноклеточные. Как они поведут себя при мануальном вмешательстве в мутационный процесс? Но я ни на секунду не останавливаюсь, я всегда должен делать больше, чем только познавать и проектировать. Федора Михайловича мало интересует повседневный быт, он обязан смотреть в грядущее, размышлять о перспективах все время бодрствования. Цель была почти рядом, я видел ее, она брезжила перед глазами. Я уже не раз восхвалял собственные идеи, свой проект. В глубине сознания грезы о будущем сливались с образом Соло Моно, моего приемного сына. От себя я требовал лишь безграничной свободы воображения. Мне нужна была тысяча НИС («эйч ай си»), чтобы сновидения преобразовывались в некую абсурдную явь. Мои идеи безумны исключительно в представлении гомо сапиенса, по мне же они гениальны. Тем я и отличаюсь от своих сограждан, и мне совершенно безразличен их так называемый реальный мир. К тому же ко всем их ценностям я отношусь весьма брезгливо. Мой разум для меня святилище, откуда я черпаю смысл существования, образ будущего мира и облик его обитателей. А все социальные, религиозные, политические материи дискредитировались для меня без малейшего сожаления с моей стороны. И в моей аполитичности, асоциальности нет и толики рисовки. Я радовался всем сердцем этой внутренней твердости, тому, что в прошлом и настоящем я верен своей миссии — созданию Соло Моно. В этот момент просигналил мой планшет. Звук был тихий, будто стон. Зарядка кончилась. Надо выходить на трассу и по-

искать бензоколонку. Навигатор показывал, что до заправки 4 километра. Планшет — мой помощник, благодаря ему я и в тайге слежу за мировыми событиями. Я обязан о нем заботиться. Пришлось повернуть к шоссе. Я ступал по мху, покрытому рыжеватыми еловыми иголками. Шелест могучих сосен, пение птиц и журчание мелких ручейков успокаивали. Теплый день являл свое дружелюбие, и я это чувствовал. Через некоторое время я услышал звуки проносившихся машин. На двухполосной трассе запах тайги уже не ощущался. Но я решительно пресек эти сантименты, посчитав, что они воскрешают во мне сивомасковца. Цепко он держится в сознании. Как я ни стараюсь исключить его, порой это ничтожество внезапно вторгается в мир Махоркина, причиняя мне жуткий дискомфорт. Я страдаю из-за двоящейся действительности: одну я не желаю ни видеть, ни чувствовать, но она помимо воли всплывает в голове, другая, антиреальность, переносит меня в свободное путешествие воображения. Мне казалось, что такое расколотое состояние разума уже в прошлом, но вот произошло невероятное — оно вдруг обрушилось на меня с новой силой. Стал будоражить предмет, о котором я никогда ранее не размышлял, более того, о котором я вообще ничего не знал. И вот неизвестно по каким причинам я стал обдумывать способы борьбы с коррупцией. Я даже заподозрил, что это вообще галлюцинации полиморфного типа. Поэтому постарался отключить сознание, но оно никак не подчинялось и выдавало странный экономический рецепт. «Если нигде в мире сивомасковцы не способны победить коррупцию, то не лучше ли, — со злорадством звучал во мне какой-то чужой голос, — выбрать два-три государства и

на законодательном уровне объявить, что в них в корне меняется концепция ведения хозяйственной деятельности?» Вместо общепринятого свободного рынка, который постоянно и безуспешно борется со злоупотреблениями, официально вводится новый тип ведения бизнеса — исключительно на принципах коррупции! Лет так через десять надо будет взглянуть: где люди живут и чувствуют себя лучше? Там, где с коррупцией борются, или там, где она процветает по закону? Что полезнее и здоровее для экономики? Бюрократическое управление или открыто коррупционное? В каком из этих двух обществ будут лучше жить люди? И вообще, что такое рентабельный человек, эффективная нация? Может быть, следует совместить эти две антиномии? Что, если народ искусственно распался надвое? Не разумнее ли разделить его органично, но и мирно, пока не появится мой приемный сын? Ведь несправедливость поразительная. Одна часть общества публично обласкана, другая жестоко наказана, и успешные сограждане ее якобы презрели. Но биоинженерный продукт — упрямое существо. Коррупционеров столетиями преследуют и карают, дают им вплоть до высшей меры, осуждают и порицают, а каста эта цветет! Такие эксперименты разума не для сознания рядовых граждан. Тут мне все же удалось выпрыгнуть из своего сивомасковского образа, но то была заслуга не разума, а зрения. Взгляд мой наткнулся на бензоколонку. Меня напугали блестящие топливораздаточные пистолеты. Вдруг представилось: сограждане хватают Махоркина, обливают его бензином и поджигают. Я факелом несусь по дороге, а мечта изменить их род все усиливается. Передо мной возник знак «Движение только прямо на АЗС»,

и я невольно остановился. Огня на мне не было, но руки побледнели и дрожали. Успокоившись, я прошел мимо дренажных лотков, отводящих загрязненные нефтепродуктами осадки в очистные сооружения, и вошел в павильончик. Купил себе две конфетки из лежащих на прилавке и подошел к кассиру, чтобы заплатить. «Больше ничего?» — спросила оператор, женщина лет сорока. «Это все!» — подтвердил я, слегка улыбнувшись. После расчета протянул ей конфетки: «Скромно, но, надеюсь, вкусно. Пожалуйста, примите». — «За что?» — удивилась она. «За знакомство, — смутился я. — Впрочем, у меня к вам просьба. Не разрешите ли зарядить у вас планшет?» — «В туалете есть розетка. Клиенты имеют право подключаться. Конфеты для этого не нужны». Ее сухой тон сконфузил меня. Поблагодарив, я прошел в туалет. Решительно любое, даже мимолетное общение с согражданами лишает меня бесценного равновесия. Вернувшись в тайгу, я вскоре обрел душевный покой и дал волю мыслям. Ведь, как вы уже хорошо знаете, самое большое удовольствие для меня — бесконечное странствие по лабиринтам собственного сознания. Первое, что предстало перед мысленным взором, — все та же картина Сальвадора Дали «Геополитический ребенок, наблюдающий рождение нового человека». Резонирующая с этим прозрением художника главная моя страсть налетела на меня подобно смерчу и точно обнажила некоторые детали будущей реальности. Соло Моно уже стало явью, оно пустилось в путь, его шаг похож на полет, который ограничивает оно само: одна верста, сто, тысяча, миллион... Возникло, обрело очертания это сверхсущество. Сюжетной канвы в его жизни не найти — ни любовных

историй, ни бизнес-проектов, ни олигархических или политических амбиций, ни криминальных интриг и скандалов. Соло Моно наслаждается потоком сознания, путешествуя в дали Вселенной. Его интеллект — 10 тысяч НИС! Оно не станет кричать, как Жан Поль Сартр в своем метафизическом бунте: «Я умолял, выпрашивал, слал послания к небесам — никакого ответа. Небо ничего не знает, ему даже имя мое незнакомо. Я ежеминутно задавал себе вопрос: что я в глазах Бога? Теперь мне известен ответ: ничто. Бог меня не видит, Бог меня не слышит, Бог меня не знает. Ты видишь эту пустоту над нашими головами? Видишь этот пролом в дверях? Это Бог. Видишь эту яму в земле? Это Бог. Молчание — это Бог. Отсутствие — это Бог. Бог — это одиночество людей». «Бог умер!» — еще раньше и громче возвестил миру Фридрих Ницше. И он тоже не прав! Его нет и не было, его не будет! Иначе почему он создал гомо сапиенса — Своего любимца и по Своему подобию — с лимитом жизни лишь 80 лет, 10–15 из которых проходят в основном в болезненном состоянии? А японскому пауку дал 100 лет активной жизни, гренландскому киту — 200 лет, карпу Ханако — 250, гигантской черепахе — 270, океанскому венусу — 400 лет, двустворчатому моллюску вида *Arctica islandica* — 500 лет жизни, а медузу *Turritopsis* создал бессмертной? Нет! Еще раз нет! Лишь стихийные мутации создали наш обитаемый мир! Теперь настало мое время завопить на все галактики: «Сивомасковец на пороге исчезновения! Но Соло Моно в процессе зарождения!» Ему Бог не нужен, даже в экстазе оно не станет утверждать, что Бога нет, что Он умер, что он — это одиночество. Реальность Соло Моно не предполагает ничего мощнее

его самого, кроме законов науки, формирующей стихии взаимосвязей биохимических небесных тел. Ресторанчики на берегах рек, в городских садах и на морских пляжах отныне не будут магнитом притягивать сограждан, соблазнять возможностью вкусно поесть, изрядно охмелеть и завести романчик с созданием противоположного или того же пола. С рождением Соло Моно нынешний мир начнет свое закономерное медленное угасание. В этом процессе есть и мой вклад. Замечу, что в участии в эволюционном процессе не может быть ничего безнравственного. Тут властвует интеллект. А он постоянно подсказывает мне все новые и новые аргументы против эффективности сивомасковцев как вида в самых разных форматах. Например, ущемленность в родственных связях, то есть доминантный порочный ген, переполнит генетический ансамбль болезнями и интеллектуальной ущербностью, что значительно ослабит устойчивость и рентабельность вида. А через десяток поколений его ждет полное исчезновение. Моя математическая формула родственности выглядит так:

$$a_k = a_1 \cdot q^{k-1},$$

где:

a_k — число кровников в поколении k ;

a_1 — число кровников в 1-м поколении (у меня $a_1 = 2$, так как мы начинаем с двух детей, рожденных у каждой семьи);

q — знаменатель геометрической прогрессии (у меня $q = 2$, так как через каждые 25–30 лет число кровников увеличивается в 2 раза);

k — число поколений (25–30 лет каждое).

Узнаем, в каком поколении k все население (у меня это 1 миллиард человек) станет кровниками, а в дальнейшем они будут вступать в брак между собой, то есть

$$a_k = 1\,000\,000\,000 \text{ чел.};$$

$$a_1 = 2;$$

$$q = 2.$$

Подставив в формулу, получаем:

$$1\,000\,000\,000 = 2 \cdot 2^{k-1};$$

$$1\,000\,000\,000 = 2^k;$$

$$\lg 1\,000\,000\,000 = \lg 2^k;$$

$$k = \frac{\lg 1\,000\,000\,000}{\lg 2} = \frac{9}{0,301} = 29,9 = 30,$$

то есть через 30 поколений 1 миллиард человек станут кровниками. А если этнос — государство, тем более амбициозное и самолюбивое без компромиссов, — составляет 1 миллион сивомасковцев, то через 13–14 поколений все станут кузенами и кузинами, племянниками, внуками, тетками и т.д. Например, эстонцы, латыши, греки, норвежцы — вся публика в этих странах, по сути, одна большая семья. В этом случае самое малое зло — олигофрения и другие стадии умственной неполноценности, ведущие к страшной беде — нерентабельности личности, а значит, и всего государства. Ведь при деторождении доминантный порочный ген заполнит генетический коктейль болезнями, что ослабит иммунную систему вида, а еще через десяток поколений приведет к полному вырождению. Причиной столь печального итога станет не какая-то темная сила или потусторонние заклинания, а интеллектуальная несостоятельность нынешнего вида, его неспособность предусмотреть развитие событий, ведущих к трагическому финалу. Нынешняя нерентабельность упомянутых этносов — важнейшая составляющая комфорта их прожи-

вания. А она, комфортность, зависит прежде всего от количества граждан в государстве и от исторического смешения этносов. Америка 300 – 400 лет непрерывно пополняется новыми волнами иммигрантов, прибывающих из разных регионов планеты. Китайцы, евреи, немцы, русские, испанцы — это здоровые, высокорентабельные люди, за которыми стоят благоустроенные государства. Чего не скажешь о болгаргах, румынах, португальцах, исландцах. У них низкая рентабельность и малое НИС. Причина: генетический коктейль этноса остается замкнутым, стареющим, он не пополняется новыми биологическими ансамблями других народов и рас. Правда, 7 – 10 поколениям придется пережить эпоху турбулентности и острого дискомфорта. Тут в голову мне пришла комплементарная мысль: я понял, как увеличить срок существования сивомасковцев в истории Европы. Защита может быть в одном: надо предложить европейцам спасительную концепцию единой Европы. И написать об этом статью во все газеты континента. Примерно так: «Единая Европа — одно правительство, один закон, одна религия». Определит ее референдум: на нем представить основные религии, кроме иудаизма, который за время своего существования — почти шесть тысяч лет — не проявлял агрессивности, к тому же он — религия фактически одной нации. Язык — тоже референдум: такая небольшая планета, а такое огромное количество языков. Если европейцы осуществят этот проект, возникнут хорошие шансы поднять их рентабельность и соответственно пролонгировать их пребывание в этом мире. Конечно, отсрочка небольшая, лишь на десяток поколений. Но истинное спасение лишь в скорейшем сотворении Соло Моно! Какое

замечательное признание! В этот момент я с волнением ощутил неоспоримость своего превосходства над всеми идеями, и тут же на ум пришли исторические аллюзии. За последние полторы тысячи лет, вспомнилось мне, только в Европе безвозвратно исчезли более 50 языков, среди которых есть наиболее загадочные и яркие: согдейский, камбун, тохарский, норн, пиктский и агванский. Исчезло и более 40 государственно-этнических образований. И это не считая последних 5 тысяч лет, когда процесс вымирания языков резко ускорился, а число исчезнувших говоров и стран достигло полутора сотен. Современные политики и разные там интеллектуалы не хотят задуматься о том, что история с сивомасковцами повторится. Исчезнут не только языки и страны, но и виды. Как неандертальцы пришли на смену приматам, а гомо сапиенс пришел на смену неандертальцам, так и рукотворное вселенское Соло Моно мягко сменит ныне живущий вид. Конечно, было бы ошибочно думать, что такое упрямое существо, как гомо сапиенс, можно убрать со столбовой дороги истории одним решительным желанием Махоркина. Наивность тут не помощник. Прежде всего для успешной реализации моей главной миссии мне необходимо безупречное финансирование проекта. Тогда из образа, живущего пока лишь в моем плененном сознании, материализуется сверхсущество, свободно обитающее во всей физической реальности. Этого никак не скажешь о ныне живущем виде, который далек от понимания себя и свойств объектов физики. И в этот восхитительный момент моему восторгу не будет предела. Потому что весь современный мир, бьющийся в сетях чувственных удовольствий, наконец остановится, за-

думается над своей ближайшей перспективой, пустит горькую слезу в тихом смирении. Ведь никакого эффективного инструмента для противодействия проекту Федора Михайловича у сивомасковцев нет. Итак, ободренный тем, что рекомендую европейцам технологию, пролонгирующую их пребывание в этом мире, и в то же время остаюсь предан проекту Соло Моно, я, не откладывая дело на потом, присел на кочку в тени под сосной, открыл планшет и стал сочинять статью о единой Европе.

ЕВРОСОЮЗ: ОБНОВЛЕНИЕ СТРАТЕГИИ

Любая геополитическая структура существует между двумя «берегами»: мифом и реальностью. Вопрос о судьбе Евросоюза и его граждан не исключение. Идея единой Европы зародилась в раннем Средневековье в голове германца Карла Великого, основателя первой европейской империи. Им двигало стремление к созданию единой европейской нации. Карлу было не просто объединить многочисленные народы континента, у каждого из которых были свой язык, культура, религия и традиции. Он собрал при дворе в Аахене (Германия) лучшие умы своего времени — ученых, философов, музыкантов, поэтов. Это созвездие талантов Карл Великий назвал Академией. Он унифицировал единицы измерения, учредил единую валюту, разработал и эффективную систему коммуникаций — стала действовать сеть посыльных, способных преодолевать большие расстояния за несколько дней. При нем возник прообраз единого европейского экономического пространства. При

Карле Великом обучение военному делу стало регулярным. Все это было сделано в VIII веке нашей эры. Когда сегодня говорят: «немцы», «англичане», «шведы», «французы», «голландцы», «бельгийцы», «норвежцы», «датчане», «швейцарцы», «австрийцы», мы забываем или вовсе не помним и даже не знаем, что эти нации в их конгломерации всего лишь части единой, сложно составленной, но с главным этническим германским корнем семьи. В истории Европы идеи «расширения пространства», объединения его в целое и устойчивое образование часто повторяются.

Мой взгляд на нынешний Евросоюз такой — это абсолютно искусственное образование с неоднородной структурой. В нем пока есть мощный центр — Германия, Франция, север Италии. Была Великобритания, но она уже на выходе. А есть и слабые регионы — Прибалтийские, Балканские и другие страны. Как согласовать в одном пространстве задачи роста с пониманием, что в Евросоюзе присутствуют совершенно убыточные государства с нерентабельным населением, поддержание существования которых означает непроизводительную трату материальных ресурсов? При каких условиях интеграционный проект для Европы может обладать явными преимуществами?

Время, когда многое определяла политтехнологическая тусовка, пришло к своему логическому завершению. Сегодня одним, и главным, условием обновления может стать интеллектуальная мобилизация, позволяющая разработать новую технологию и пошаговую программу развития Европы и законодательно реформатировать условия вхождения государств в Евросоюз и выхода из него. Прежде всего, европейский по-

литический и культурный опыт хранит в своих «генах» память о «вечном Риме» и «всех дорогах», которые ведут в него. Европейская идея единства имеет длинную историю. В разные века имперские устремления вдохновляли многие великие умы: поэт и мыслитель Данте Алигьери в 1313 году написал трактат «Монархия». Его лейтмотив — обоснование единства всего мира, нравственная целесообразность создания мирового государства, которое «упорядочивает великое множество людей во всей своей совокупности». В эпоху Средневековья мировое государство рассматривалось, естественно, в пределах Европы. То есть автор «Божественной комедии» предлагал именно то, что предлагается сегодня мной. А именно: Европа — это одно правительство, одна нация, один язык, одно законодательство, одна религия. Нет ни латышей, ни болгар, ни хорватов, ни греков, ни поляков, ни датчан, ни австрийцев; есть единый этнос — европейцы. И на сей счет существуют поучительные примеры.

Первый, успешный, — США! 300 — 400 лет назад в Америку переезжали сотни тысяч европейцев, каждая этническая группа говорила на своем языке, то есть единого наречия не было. В XVIII веке переселенцы решили создать единый язык. И, как гласит легенда, один из парламентариев — немец Муленберг — отдал решающий голос за официальный английский язык. Называют цифру: 41 голос за немецкий язык против 42 голосов в пользу английского. Мнение Муленберга обеспечило исторический перевес! США не состоялись бы, не стали бы мощнейшим государством мира, если бы штаты говорил на разных языках: один на французском, другой на немецком, третий на испанском, чет-

вертый на итальянском, пятый на голландском. Если бы каждый регион развивал свою этническую культуру и традиции, поклонялся своей религии...

Второй пример — провальный! СССР! При царизме, до революции 1917 года, государственным языком империи был один — русский. После революции из пятнадцати республик, образованных большевиками, только 3 — Грузия, Армения и Литва — имели когда-либо в истории свою государственность, свой язык и письменность; две первые даже свой алфавит, который значительно старше кириллицы. В трех этих регионах ограничивалось пользование собственными языками, не было грузинских или армянских школ. В местных церковно-приходских школах и в медресе с 1-го по 4-й класс разрешалось изучать грузинский и армянский, а в мусульманских регионах — арабский. В императорских университетах преподавание велось только на русском языке. Среднеазиатский регион — современные Казахстан, Киргизия, Таджикистан и большая часть Узбекистана — объединялись лишь в территориальную зону под названием Киргизстан. На этих землях не было ни одного национального письменного языка и алфавита — существовал разговорный, с различными местными наречиями и диалектами. Официальным государственным языком считался русский. Только в мечетях имамы читали суры на арабском. Гражданам Российской империи при получении паспорта не разрешалось называть свои фамилии на местном наречии. Не мог быть Али Бей — должен был писаться в русской транскрипции как Алибеев. Не мог быть Шеварднадзе — должен был писаться как Шевардов. После установления советской власти все

изменилось. Возник Советский Союз и в его составе социалистические республики — Украина, Казахстан, Азербайджан, Белоруссия, Таджикистан, Туркмения и другие. Русские ученые-лингвисты создали национальные алфавиты и языки, которые прочно вошли в систему образования новых республик и стали преподаваться в средних школах и институтах. Местная фольклорная культура и этнические традиции приобрели государственный статус. Коммунистическая идеология практически запретила религии, значительно сократилось число верующих. Это дало мощный толчок к смешанным бракам между бывшими христианами и мусульманами. Результат — качественное повышение среднего национального «эйч ай си». Были выращены национальные элиты, созданы правительства, проведены границы. Но при первом серьезном экономическом кризисе СССР развалился! А если бы этот союз строился по образцу США — один язык, одно правительство, единые границы? Разве был бы у СССР такой бесславный конец? Неужели такие контрастные примеры не являются поучительными для европейской политической элиты?

Футбольный болельщик из Румынии всплакнет: а куда денется мой язык? Любитель пива из Бельгии захнычет: Брюссель не будет столицей Европы? Велосипедист из Эстонии возмутится: я гордый эстонец, в СССР я не стал русским, почему я должен стать европейцем? Понятие о том, что именно представляет собой «европейская общность», в разные периоды истории содержало разные элементы. Конечно, объединительный европеизм как интеллектуальное (мировоззренческое) течение и как конкретная реальность охватывал мак-

симум четверть процента всего населения континента. И это удобно для простого общества: оно не в состоянии понимать пророков и мыслителей, следовать их призывам, прислушиваться к их речам. Да и в элите чтить мысли и дела Карла Великого, читать и трактовать Данте во все времена модно, а поступать по их заветам ума и воли не хватает.

Интеграционные идеи оформлялись через взгляд на мир и на историю, в которой, конечно, империи отводилась особая роль. Римская империя, Священная Римская империя германской нации, Британская империя, Французская, Испанская... Российская империя как Третий Рим... Все это пространства имперской миссии. Все мировые империи пали, но память об их глобальных притязаниях сохранилась до дня сегодняшнего. Чтобы жить, существовать, развиваться, империя должна все время совершенствоваться — не только вбирать новые районы, но и осваивать новые принципы и технологии управления. Европейские либеральные завоевания выражены в том, что на континенте созданы социальные государства, в которых во главу угла поставлена защита прав каждого индивида. Но либеральный индивидуализм — при разнице в уровне интеллекта у субъектов от 50 до 90, а то и до 120 НИС — делает нежизнеспособной концепцию гармоничного полусовместного проживания. Несовместимость пока дает о себе знать тлеющими тревожными процессами, но очевидно, что огонь вот-вот разгорится. С точки зрения абсолютно-го разума совершенно не важно, у человека какой национальности малый или высокий показатель НИС. Но практический опыт подсказывает, что у Е-50 (назовем так условного европейца — обладателя НИС уровня 50)

стремление получить образование и без криминала улучшить свой статус и быт чрезвычайно мало, поэтому низка и рентабельность такого субъекта ЕС. У Е-90 уже весьма сильна тяга возвыситься над Е-50 в социальном и материальном плане, такие индивиды значительно рентабельнее других, а значит, счастливее, чем Е-50. Но Е-120 менее довольны своим существованием, чем Е-90. Материальные блага их почти не интересуют, а феномен их неудовлетворенности связан исключительно со сферой интеллекта и самореализации. Они понимают, чего хотят, но осознают, что их НИС недостаточно, чтобы до конца осмыслить и решить некую глобальную научную проблему. Итог: 27 странам, в которых совершенно разные законы, разные языки, разные религии, нередко разные денежные единицы, разные правительства, разные истории этнических купажных комбинаций, предлагают, навязывают совместное проживание. Это общежитие разных по ранжиру людей не сулит ничего хорошего. Стоимость трудовых ресурсов из Балканских стран всегда будет значительно ниже стоимости рабочей силы из Центральной Европы. Поскольку, например, немец решит технологическую задачу быстрее и эффективнее. Испанцы и итальянцы отличаются от многих своих соседей творческим потенциалом, а голландцы и шведы — способностью вести бизнес и предпринимательским талантом. И эти достоинства необходимо объединить на генетическом уровне. Богатый альтруист раздает нажитое добро бедным. Но у высокоразвитой личности есть лишь один вариант раздачи своей интеллектуальной собственности: привнести свои гены в национальный генетический ансамбль. Этого можно достичь путем создания единого

государства, а не 27 разных, то есть сотворив единую европейскую нацию, с единым языком, единой религией (атеисты и евреи не в счет — иудаизм, повторю, за свои почти 6 тысяч лет никогда и йоту агрессивности не проявлял, эта религия исключительно этническая), единым законодательством, единой валютой и едиными правилами проживания для всех. Это позволит органично смешать малые и большие народы. Не станет ни греков, ни датчан, ни словаков и португальцев, ни шведов и французов. Генетический купаж обретет хорошую динамику развития и даст положительный импульс для интеллектуального обновления европейцев. Возникнет единая нация, а значит, продлится существование европейцев на планете. Иначе перспектива весьма мрачная.

Как и первую статью, я перевел новый текст на разные языки.

欧盟：战略性的恢复

任何地缘政治都存在于“两岸”——现实与神话——之间。欧盟及其公民的命运问题亦不例外。统一欧洲的想法最早产生于中世纪，是德国人、欧洲第一个帝国的缔造者查理大帝想出来的。他的基本思想就是追求欧洲的统一国家。把欧洲大陆的众多民族联合起来对于查理绝非易事，他们当中的每一支都有自己的语言，自己的文化，自己的宗教，自己的传统。查理把同时代最优秀的思想家们——学者、哲学家、作曲家、诗人——召集到亚琛（德国）的王宫，他把这批汇集起来的精英人物称为科学院。他统一了度量衡，规定了唯一的货币，拟定了有效的交通系统——能够在几天之内完成长

途跋涉的通信员网络，出现了经济在欧洲空间统一的雏形。查理大帝在世时，军事事务方面的训练成为了学院式的。这一切都是在公元八世纪完成的。今天，当我们说到“德国人”、“英国人”、“瑞典人”、“法国人”、“荷兰人”、“比利时人”、“挪威人”、“丹麦人”、“瑞士人”、“奥地利人”，我们不是忘记了，就是不记得了，或者根本就不知道，这些民族在他们的混合体中只是日尔曼为主要种族根基的统一家庭中的一部分，尽管其成分复杂。欧洲历史上，“扩展空间”的思想、把它合并为整体和稳固形成是经常重复的。

对于今天的欧盟，我的看法是：它绝对是不同成分的人为建造。其强大的中心有德国、英国（正在退出）、法国、意大利北部；薄弱地区是波罗的海地区、巴尔干地区和其他国家。要理解欧洲存在着无人人口红利而又完全入不敷出的国家，支撑它们的生存意味着物质资源的非生产性消耗，这样的情形下如何在一个空间协调好发展任务呢？在什么样的条件下欧洲的一体化设计方案才会具有明显优势？

许多事情都由政治操作性的“会面”确定的时代接近了自己的逻辑性结局。今天，调动起人们的智慧可能成为恢复既往的唯一重要条件，这一智慧能够研究制定新技术和欧洲发展渐进规划，并以立法形式使得入欧和脱欧的条件制度化。首先，欧洲的政治和文化经验在自己的“遗传基因”中保持着对“永恒的罗马”和“条条大路”通罗马的记忆。统一的欧洲的思想源远流长。在不同时代，帝国思想给予许多精英人士灵感：诗人和思想家但丁在一三一三年撰写过一篇题为《帝制》的论文，其主旨思想是论证全世界的统一和建立世界国家的道德合理性，世界国家“从整体上全面整顿好数量巨大的人民”。不言而喻，在中世纪，这个世界国家仅涵盖欧洲疆域内。就是说，《神曲》作者所建议的正是今天我要建议的。具体是：欧洲，这是一个政府，一个民族，一种语言，一部法律，一个宗教。没有拉脱维亚人，没有保加利亚人，没有克罗地亚人，没有希腊人，没有波兰人，没有丹麦人，没有奥地利人。只有一个种族，欧洲人。有可资借鉴的例子。

第一个成功的例子是美国。三四百年以前，数以万计的欧洲人来到美洲，每一人种群体讲自己的语言，就是说，没有统一语言。民间传说宣称，议员之一的名叫姆连贝戈的德国人投下决定性的一票：赞成英语为官方语言。宣布的投票数字显示为四十一票反对，四十二票赞成。假使每一个州都讲自己的语言，法语、德语、西班牙语、意大利语，每一个州都发展自己种族的文化和传统，膜拜自己的宗教，那么，美利坚合众国就成为不了世界上最强大的国家。

第二个例子是崩溃掉的苏联。沙皇制度下至一九一七年革命前，俄语是沙皇帝国唯一的官方语言。革命以后由布尔什维克建立的十五个加盟共和国中间只有格鲁吉亚、亚美尼亚和立陶宛三家在历史上拥有自己的国家，自己的语言和文字。前两家甚至还有远远古老于基里尔字母的自家字母表。在当地的教会教区学校和宗教学校，从一年级到四年级允许学习格鲁吉亚语和亚美尼亚语，而在穆斯林地区允许学习阿拉伯语。而沙皇时代的大学里只能使用俄语授课。中亚地区——哈萨克斯坦，吉尔吉斯，塔吉克斯坦，乌兹别克大部分——联合成为吉尔吉斯斯坦，这只是地理领土概念上的术语。在这片领土上，除去各种方言的口语，不曾有过一种民族的书面文字和字母表。俄语被认为是正式的官方语言。只有清真寺的伊玛姆可以使用阿拉伯语颂读祷文。俄罗斯帝国向自己的公民颁发护照时，不允许使用方言称谓填写名字。不得书写“阿里·别伊”，必须用俄语音标拼写为“阿利别耶夫”。不得书写为“舍瓦尔纳泽”，应书写为“舍瓦尔多夫”。这一切都随着苏维埃政权到来而改变了。成立了自治共和国，哈萨克斯坦、乌克兰、阿塞拜疆、白俄罗斯、塔吉克斯坦、土库曼斯坦等等。俄罗斯语言学家们为各民族创立的字母和语言持续进入新生共和国的教育体系，成为普通学校和高等院校的授课语言。民间口头文化创作和族群传统获得了国家认可的地位。共产主义意识形态实际上禁止宗教信仰，这相当程度地减少了信徒数量。这有力推动了昔日的基督教徒与伊斯兰教徒的通婚。其结果是大大提高了民族智商。培养起民族

的社会精英，建立了国家和边界。面对严重的第一次世界经济危机，苏联仍然得到了发展。倘若按照美国的方式，一个政府，统一的语言，统一的边界，难道苏联还会发生那令人忧伤的糟糕结局吗？难道欧洲的政治精英们就不能从这对比鲜明的教训中有所借鉴吗？

罗马尼亚球迷将会痛哭流涕：我的语言哪里去了？比利时的啤酒爱好者将抽泣：布鲁塞尔不再是欧洲中心了吗？爱沙尼亚的自行车运动者将愤愤不平：我是骄傲的爱沙尼亚人，苏联时期我都没有成为俄罗斯人，为什么还要成为欧盟的人？不同历史时期，“欧洲统一”的概念所包含的要素不尽相同。毋庸置疑，作为精神（世界观）潮流和具体现实，统一的欧洲主义思想至多吸引了这片陆地上四分之一的居民。这符合于一个普通社会：众人不能理解思想家和预言家，不能追随他们的号召，不能听取他们的言论。最终也就是精英阶层敬重查理大帝的思想和事业，阅读和诠释但丁，无论什么时代，这都是时髦。而遵循他们的遗嘱，智慧和意志力都不够用。

帝国思想是通过观察世界和历史形成的。帝国具有特殊的历史作用。罗马帝国，日尔曼民族的神圣罗马帝国，大英帝国，法兰西帝国，西班牙帝国……犹如“第三罗马”的俄罗斯帝国……这些都是帝国使命的空间。所有这些世界性的帝国都垮台了，但时至今日，它们对全球的觊觎仍然保留在人们的记忆中。为了生存与发展，帝国也需要不断地自我完善，不仅要接收新的疆域，还要掌握和使用管理的新原则和新规程。欧洲自由主义式的征战表明，最重要的是在欧洲大陆建立起来的社会性的国家里为每一个体的权利提供了保护。然而，自由式的个人主义——不同的发展水平上，个人的智商从五十到九十不等，甚至有高达一百二十的——把半相容的和谐生存观念搞成为不利于生存的了。排斥性以令人焦虑的阴燃过程使人们认识了它，显然，大火眼看着就要燃烧起来。从绝对智慧的角度来看，一个人无论何种民族属性、智商指数高低，完全不重要。不过，实际经验提示，

在“欧洲人五十”（我们假设这样称呼智商指数为五十的欧洲人）中间，追求通过获得教育、守法地改善生活和提高社会地位者为数甚少，因此欧盟中此类人对社会的有益程度偏低。“欧洲人九十”在社会和物质方面已经大大强于“欧洲人五十”。这类人群很大程度地有益于周围人群，也就是说，他们比“欧洲人五十”幸福。然则，“欧洲人一百二十”对自己的生存满意度不如“欧洲人九十”。他们对物质财富不感兴趣，而他们永远不满意的罕见现象绝对与智力环境相关联。他们懂得自己的所求，但意识到自己的智商还不足以理解和解决某些全球性的科学问题。结果就是建议法律完全不同、语言完全不同、宗教完全不同、多数货币也不同、政府不同、人种混合布局的历史也不同的二十七个国家绑在一起共同生存。把生活秩序和行为准则迥异的人们安排进一个宿舍，这没有预示任何好果子。在劳动力市场，来自巴尔干地区的劳动力价格向来远远低于中欧地区的劳动力价格。毕竟德意志人解决技术性任务向来快速高效。相比自己的许多邻居，意大利人和西班牙人在创意上更富有潜力。而荷兰人和瑞典人在生意和经营方面颇具才华和能力。但这些优势有待在遗传层面结合起来。富有的利他主义者把个人积累的财富捐赠给穷人。高度发展的个体只有一种变异方式捐赠自己的智力财产：把个人的遗传因子添加进民族的遗传组合。这可以通过建立统一国家的途径达到，而不是二十七个不同国家。就是说，创建拥有同一语言和同一宗教、统一法律和统一货币、大家共同生存的统一规则（无神论者和犹太人不计其中，那个犹太教在自己生存的近六千年里未曾表现出一丁点的侵略性，这一宗教完全是种族性的）的统一欧洲国家。这将得以把人口多的民族和人口少的民族有机地混合在一起，不再有希腊人和丹麦人，不再有斯洛伐克人和葡萄牙人，不再有瑞典人和法国人。混合基因的发展将获得相当的动态变化，并为欧洲人的智力恢复注入积极的动因。一个统一的国家将出现，这意味着他们在星球上的生存将延长。否则，前景就是令人窘迫的……

LA UNIÓN EUROPEA: RENOVACIÓN DE LA ESTRATEGIA

Cualquier estructura geopolítica existe entre dos "orillas": la del mito y la de la realidad. No es una excepción la cuestión sobre el futuro de la Unión Europea y sus ciudadanos. La idea de una Europa unida surgió en la temprana edad media como propósito del alemán Carlomagno, fundador del primer imperio de Europa. Su intención básica era conseguir una sola nación europea. Para el emperador Carlomagno no era una tarea simple reunir a los numerosos pueblos del continente, cada uno de los cuales tenía su lengua, su cultura, su religión y sus tradiciones. El emperador reunió en su corte de Aquisgrán (hoy Aachen, Alemania) a las mentes más brillantes de su tiempo: a filósofos, sabios, músicos y poetas. Carlomagno llamó a esta constelación de talentos: la Academia. El emperador estableció un sistema único de medidas, estableció una divisa común, creó un sistema de comunicaciones efectivo, una red de correos capaces de superar en unos pocos días distancias enormes. Fue durante su gobierno que surgió el modelo de un espacio económico europeo único. Con Carlomagno la enseñanza del oficio militar se convirtió en una disciplina económica. Y todo esto se logró en el siglo VIII de nuestra era. Cuando hoy decimos "alemanes", "ingleses", "holandeses", "belgas", "noruegos", "daneses", "suizos", "franceses", "holandeses" y "austriacos", nos olvidamos o más bien no recordamos o no sabemos, que estas naciones en su conjunto conforman una parte de una familia constituida a través del tiempo y con una importante raíz germánica. En la historia de Europa la idea de "ampliación del espacio", o unificación del mismo en una totalidad o formación estable, se ha repetido varias veces.

Mi opinión sobre la actual Unión Europea es esta: Se trata de una formación artificial con una estructura heterogénea. En ella hay un poderoso centro: Alemania, Gran Bretaña (ya de salida), Francia, el norte de Italia, y regiones precarias: los países bálticos, los Balcanes y otros países. ¿Cómo conjugar en un solo espacio las tareas de crecimiento con el entendimiento de que en la Unión Europea se encuentran países que dan pérdidas con poblaciones que para el sistema no resultan rentables, y cuyo mantenimiento exige un enorme e improductivo gasto de recursos materiales? ¿En cuáles condiciones el proyecto integracionista para Europa podría tener ventajas evidentes?

Llegó a su culminación lógica el tiempo cuando las cosas en gran medida eran definidas en un parloteo técnico-político. Hoy una movilización intelectual, es la única que puede convertirse en la condición básica que permita diseñar una nueva tecnología, un programa paso a paso para el desarrollo de Europa y jurídicamente readecuar las condiciones de ingreso y salida de la Unión Europea. Ante todo, la experiencia política y cultural de Europa conserva en sus "genes" la memoria sobre "Roma eterna" y "todos los caminos que conducen a ella". La idea europea de unidad tiene una larga historia. En distintos siglos las ideas imperiales inspiraron a muchas mentes de genio: el poeta y pensador Dante Aligheri en 1313 escribió el tratado "la Monarquía". Su leitmotiv, la justificación de la unidad de todo el mundo, la conveniencia ética de formación de un Estado mundial, que dará "orden a un numeroso grupo de personas". En la edad Media el Estado mundial se veía, naturalmente dentro de las fronteras de Europa. Es decir el autor de la Divina Comedia, proponía justamente lo que hoy se ofrece. Europa: un solo gobierno, una sola nación, un régimen jurídico

común, una sola religión. No habría ni latvios ni búlgaros ni griegos ni polacos ni daneses ni austríacos. Sólo una etnia, los europeos. Y tenemos ejemplos sumamente ilustrativos.

El de los EU, que fue exitoso es el primero. Hace 300 — 400 años se dirigieron a los EU miles de europeos, cada uno de los grupos étnicos hablaba su propio idioma; no existía una lengua única. En el siglo XVIII decidieron establecer la lengua común. Y como cuenta la leyenda, uno de los parlamentarios el alemán Mullenberg depositó el voto que definiría que fuera el inglés la lengua oficial. La cifra de las votaciones fue de 42 votos en favor del inglés y 41 en contra. Los EU no se hubieran convertido en el poderoso Estado que es hoy por hoy si cada estado hablara en diferente idioma: en francés, alemán, español e italiano y hubiese desarrollado cada uno una particular cultura étnica y cultivaran una religión en cada estado.

El segundo ejemplo es uno de fracaso: la URSS. En el zarismo y hasta la revolución de 1917 la lengua oficial del imperio era una sola, el ruso. Después de la revolución de las quince repúblicas formadas por los bolcheviques, solamente Georgia, Armenia y Lituania conservaban a través de la historia su formación estatal, su lengua y su escritura; los dos primeros tenían incluso su propio alfabeto mucho más antiguo que el cirílico. En las escuelas locales de las parroquias y en escuelas islámicas (madrazas), desde el primer grado y hasta el cuarto, estaba autorizado estudiar el georgiano, el armenio, y el árabe en las regiones musulmanas. La región del Asia Central que incluía a Kazajstán, Kirguizia, Tadzhekistan y una gran parte de Uzbekistan, se reunían de manera geográfica y territorial bajo la denominación Kirguistán. En estos territorios no existía ni una sola lengua escrita nacional, tampoco un alfabeto, excepto el ha-

bla coloquial saturada de expresiones dialectales y locales. La lengua rusa era considerada lengua oficial de la región. En las mezquitas los imanes leían sus oraciones en lengua árabe. A los ciudadanos del imperio ruso no les estaba permitido, al recibir sus pasaportes, escribir sus apellidos en la forma dialectal local. No estaba autorizado escribir "Ali Bei", debería escribirse con la transcripción fonética al ruso "Alibeiv". No era posible escribir "Shevarnadze" sino que debía transcribirse "Shevardov". Con la llegada del poder soviético todo cambió. Fueron organizadas repúblicas particulares: Kazajstán, Ucrania, Azerbaidzhan, Bielorusia, Tadzhekistán, Turkmenia etc. Los lingüistas soviéticos crearon alfabetos nacionales e idiomas que ingresaron al sistema educativo de las nuevas repúblicas y que se convirtieron en lenguas de enseñanza en las escuelas secundarias y en los institutos. Adquirieron un status oficial la cultura folklórica y las tradiciones étnicas. La ideología comunista prohibió de hecho la religión y se disminuyó significativamente el número de creyentes. Lo que dio un poderoso estímulo a los matrimonios interétnicos entre cristianos y musulmanes. Fueron creadas élites nacionales, gobiernos y fronteras. Pero apenas sobrevino la primera crisis económica seria la URSS se desmoronó. ¿Y si se hubiera aprendido del modelo de los EU: una sola lengua, un solo gobierno y fronteras únicas, hubiera ocurrido el desplome de la URSS? ¿Acaso es posible que estas lecciones protuberantes no sean ejemplares para la élite política europea?

El fanático rumano del futbol se pondría a llorar ¿Qué va a pasar con mi idioma? El belga que adora la cerveza se lamentará ¿Bruselas ya no será la capital de Europa? El ciclista de Estonia estará irritado ¿acaso yo que soy un estoniano orgulloso y que nunca fui ruso en la URSS, por qué debería

ahora volverme europeo? El imaginario de los que es exactamente la "comunidad europea", ha tenido contenidos diferentes en distintos periodos de la historia. Por supuesto, el europeísmo de unificación como una corriente intelectual y como una realidad concreta cubrió el 0,25% de toda la población del continente. Y ello resulta cómodo para una sociedad simple que no está en capacidad de entender a profetas y a pensadores, seguir sus llamados y prestar atención a sus discursos. De otro lado dentro de la élite está de moda venerar el pensamiento de Carlomagno e interpretar a Dante en cada época, aunque para seguir su legado no alcanza ni la voluntad ni la inteligencia.

Las ideas imperiales se constituyeron a través del punto de vista hacia la historia y el mundo, en los cuales al imperio se le otorgaba un papel particular. El imperio romano, el Sacro imperio romano de la nación alemana, el imperio británico, el francés, el español...El imperio ruso como Tercera Roma. Todo esto constituye el espacio de la misión imperial. Todos los imperios mundiales han caído aunque la memoria sobre sus aspiraciones globales se conservan hasta el día de hoy. Para sobrevivir y existir el imperio deberá permanentemente perfeccionarse y no sólo adquirir nuevos territorios, sino también asimilar nuevos principios y tecnologías de administración. Las conquistas liberales europeas se expresan en que en el continente fueron creados Estados sociales, en los cuales la defensa de los derechos de cada individuo ocupa el primer lugar. Pero el individualismo liberal, teniendo presente el nivel de intelecto de individuos desde 50 a 90, o incluso hasta 120 de coeficiente intelectual, hace que resulte impracticable la concepción de una convivencia armónica en todas partes. La incompatibilidad se muestra en los procesos preocupantes en gestación y es

evidente que el fuego estallará. Desde el punto de vista de la razón absoluta, no importa cuál sea la nacionalidad del sujeto y si tiene un alto o bajo coeficiente intelectual. Pero la experiencia práctica muestra que el E-50 (vamos a llamar así al europeo poseedor de un coeficiente intelectual de 50) con aspiración a obtener educación y sin delinquir, ambicioso de mejorar su bienestar y su status, no es muy numeroso, es por eso que la rentabilidad de tal tipo de sujetos es tan baja en la Unión Europea. El E-90 ya tiene una fuerte ambición de superar al E-50, en el plano social y material, estos sujetos son más rentables y más felices que el E-50. Pero el E-120 está más insatisfecho con su situación que el E-90. No le preocupan los bienes materiales y el fenómeno de su descontento eterno tiene que ver exclusivamente con la esfera intelectual. Ellos entienden lo que quieren, pero tienen conciencia de que su coeficiente intelectual no es suficiente para plantear y resolver hasta el fin un problema científico determinado. En conclusión a 27 países en los que absolutamente hay distintas leyes, diferentes idiomas, religiones y a veces diferentes unidades monetarias, gobiernos diversos, historias distintas de combinaciones étnicas, se les está proponiendo una convivencia obligada. Esta convivencia de personas heterogéneas en su índole no promete nada bueno. En el mercado de trabajo el valor de la mano de obra de los países balcánicos siempre será significativamente más bajo que el valor de la mano de obra de un trabajador proveniente de la Europa Central. Por cuanto un alemán siempre resolverá una tarea tecnológica de modo más rápido y práctico. Los españoles y los italianos se distinguen por su potencial creativo de otros de sus vecinos, y los holandeses y suecos se distinguen por una capacidad empresarial notable. Estos talentos deben ser re-

unidos en un nivel genético. Un altruista rico reparte entre los pobres la riqueza que adquirió. Pero una persona de alto nivel de coeficiente intelectual tiene apenas una opción para repartir su propiedad intelectual: aportar sus genes al fondo genético nacional. Y esto se puede lograr a través de la creación de un solo Estado y no de la formación de 27 heterogéneos, es decir creando una única nación europea con una sola lengua, una religión (los ateístas y los judíos no entran en el cálculo, el mismo judaísmo en sus casi 6 mil años de existencia no manifestó ni una gota de agresividad, es una religión exclusivamente étnica) una ley, una única moneda y reglas únicas de convivencia para todos. Esto permitirá mezclar orgánicamente a los pueblos pequeños y a los grandes, ya no habría ni griegos ni daneses ni eslovenios ni portugueses ni suecos ni franceses, la mezcla genética adquirirá un excelente impulso de desarrollo y dará un empuje positivo para la renovación intelectual de los europeos. Surgirá una sola nación lo cual significa que se prolongará su existencia en el Planeta. De lo contrario la perspectiva es bien nebulosa....

Можно было бы добавить еще пару убедительных аргументов, написать, например, о беженцах из чуждых по культуре и религии регионов мира. И дать послесловие к этому массовому вторжению в Европу, напомнив о событиях в Кельне, Париже, Ницце, Мюнхене и других местах. Но, опасаясь, что статью сразу бросят в корзину, обвинив автора в ксенофобии и расизме, я не стал ничего дописывать и без промедления отправил свой текст по тем же адресам, куда давеча послал статью «SOS: Где ты, моя религия?». Да-с! Я закрыл планшет и глубоко вдохнул сыроватый таежный воздух. Остава-

лось ждать реакции газетных акул. Тут реальность — это не наглядное присутствие, а собственное отсутствие в порядковой системе вещей, организованно блуждающих во Вселенной. Только я сам всецело отдаю себя ей, поэтому существую лишь во фрагменте реальности. Видимо, в этой связи во мне постоянно нарастает внутреннее убеждение, что я не сивомасковец, а что-то совсем иное. И совесть меня никак не мучает, ведь она не что иное, как конструкция генов памяти добра и зла, и без биологического изучения понять ее никак невозможно. В этих туманных обстоятельствах она меня не только не тревожит, я ее даже не чувствую и не слышу в собственном «я». И не то что меня как редчайшего типа увлекает лишь мысль — считать себя возраженцем любой земной ясности; в действительности ко всему окружающему я отношусь как к чему-то невразумительному и искаженному. У оппонентов сознание смутное — всему виной их бытийная черта обязательного присутствия, которая мешает глубже вглядываться в процессы и постигать суть мироздания. На футбол и пьянку время и мозги есть в достатке, а на глубокий, пристальный взгляд на мир их явно не хватает. Когда они всеу произносят фразу «Я верю!», она не способна отражать истину, в лучшем случае за этим лишь превратное понимание законов природы!.. Вдруг меня отвлекли от раздумий крупные капли дождя. Они забарабанили по макушке, словно чередой чьих-то грубых окриков. Я прикрыл голову руками, точно прячась от навязчивых глупых вопросов, и прибавил шагу, чтобы переждать непогоду, двигаясь под еловыми лапами. «В дождь, — мелькнуло у меня в голове, — думается куда лучше, чем под солнцем. Почему бы это?» Ответа я

не дождался, зато в сознании возникли контуры прибора по калибровке нано- и пикометрового диапазона. Он был одним из компонентов сборщика атомов. Теперь я застрял на небольшой проблемке: как увеличить диапазон перемещения, чтобы работать не только в нано- и пикоразмерах, а уйти на фемто- и аттодиапазоны. Сегодня я тружусь с оптическим интерферометром, проводя измерения с помощью динамических мер перемещения на монокристаллах, на которые подается электрическое напряжение. Под воздействием управляющего напряжения, скорее всего, будет шанс увеличить мощность энергии в десятки раз выше линейности аналогичных образцов из традиционной полидоменной пьезокерамики. Великолепная идея. Это даст возможность проводить исследования в фемто- и аттодиапазонах, а меры вертикального перемещения с резонансной частотой более 10 кГц позволят измерять время реакции следящих систем сканирующих зондовых микроскопов! Итог: упростится работа со сверхмалыми величинами, из которых вначале будут собираться органические молекулы, затем клетки, затем все остальное для Соло Моно, моего приемного сына. Как только добьюсь финансирования, оборудую лабораторию и приступлю к экспериментам. Мне еще придется продумать, как ускорить способность нанопинцета с захваченными атомами и субатомными частицами, такими, как, например, недавно открытый бозон Хиггса, и другими сверхмалыми, которые будут открыты на андронном коллайдере близ Гамбурга — я в него особенно верю, — перемещать «груз» к объекту конструктивного монтажа без потерь при транспортировке. Надо усилить напряжение между электродами и электрическим

подем? Так? Может быть, может! Скорее в Астрахань, лаборатория необходима мне как воздух. В моем сознании глубоко укоренилась идея создания невиданного сверхсущества, и я уже давно воспринимаю ее как великое собственное достояние, а продукта все нет! Хотя голова полна успешными схемами и в моем мозгу проект принимает все более законченную форму. Астрахань! Астрахань! На Каспий! Мне срочно необходимы средства! Тут я прибавил шагу и в какой-то момент, не обращая внимания на стихающий уже дождь, даже побежал по таежной тропе курсом на юг. Такие редкие типы, как я, находящиеся в постоянном умственном возбуждении, обычно достигают поставленной цели. Но для реализации гениальной идеи нужна экспериментальная площадка, а она создается только при достаточных инвестициях. А чем бы я смог набить свои карманы? Мхом, которого вокруг целое море, песком, обрамляющим лесные пруды и озерца, шишками, валяющимися вокруг. Чем, чем еще? Неожиданно перед глазами возникла фотография из коллекции Сальвадора Дали. Рядом с художником сидят поэт Поль Элюар, писатель Андре Бретон, поэт Тристан Тзара, художник Макс Эрнст, писатель Рене Кревель, художник Ман Рай. Видимо, эти известные сивомасковцы состояли в дружеских отношениях и активно общались. В их лабораториях, или, как они сами называют их, «мастерских» и «студиях», все было просто и экономно — перья и бумага, рукописи или холсты, краски, кисти и вдохновение. У меня совсем другой проект. Деньги нужны большие. А с кем бы я хотел общаться и даже запечатлеться на снимке? Прежде всего с Алексеем Абрикосовым, между нами, правда, более 60 лет разницы в возрасте,

но его работы по физике меня очень интересовали. С Григорием Перельманом, таким же упрямым чудачком, как я. С биологом Аароном Чехановером. С химиками Куртом Вютрихом и Аланом Хигером, с физиком, трудами которого зачитывался, — Гербертом Кроме-ром и с Вольфгангом Кеттерле... А на свой образ я тоже наткнулся у Сальвадора. Уж очень я походил на персонаж его картины «Невидимый человек». В снах, с их зыбкими иррациональными сюжетами, именно таким я встречал себя не раз; то есть этот образ вошел в сознание глубоко и органично, и в связи с тем, что я никогда не заглядывал в зеркало, я был весьма уверен, что выгляжу именно по-сальвадорски. Отраженный свет часто представляется самим его источником. Я даже скривил физиономию, чтобы она стала похожа на лицо моего двойника на картине Дали. Я делал так почти всегда, когда давал волю своим параноидальным фантазиям, уводящим мои мысли во вселенские дали. Уж очень хотелось, чтобы в моменты таких творческих взлетов я ничем не был бы похож на сивомасковца и тем самым не дискредитировал себя. Величие тайги усиливает чувства и мысли. Я был настолько увлечен своим раздумьями, что почти не обратил внимания на опушку леса, на которой просматривались окультуренные грядки. «Огород в тайге?» — удивился я и с любопытством направился к ним. «Юность мира давно постарела, — думал я, — гомо сапиенс научился возделывать землю даже в таежной глуши». С этими мыслями я подошел к грядкам. У меня не было никакого опыта, чтобы распознать, что растет на клочке земли, но я предположил, что Адам, предлагая Еве создать семью, видимо, соблазнил ее таким же крошечным участ-

ком, на котором росли свекла, петрушка или еще что-нибудь съестное. Гомо сапиенс прошел долгий путь от той семейной четы, через племена, этносы, нации и страны. Он достиг своего пика, а сейчас все более отчетливо отмечаются регрессивные тенденции. Хватит об этом, мне давно все известно. Такие знания рассчитаны на среднего сивомасковца. Мне не по рангу эти явления замечать... Солнце уже почти скрылось, сумерки окутывали меня, и я стал искать место для ночлега. Тут я испытал некоторое недовольство тем, что светлое время суток сократилось, ведь я уже оказался на 1200 километров южнее своего отправного пункта. Ночи здесь длинные, а шагать в темноте по тайге не очень удобно. Ночное время с его таинствами как бы шептало требовательно: «Следуйте за мной в сон», и я подчинился этому приказу, провалившись в глубокую дрему. Помню только, что встретился с Кантом и беседовал с ним об идее развития Солнечной системы и об антиномиях. Но все было как-то смутно, а когда я утром проснулся, ничего, кроме критики агностицизма, в голове не осталось. Я без особого разочарования пережил забвение ночной дискуссии с философом и бодро направился дальше — к спонсору моего фантастического проекта. Чтобы фантазии моего разума нашли свое материальное воплощение, мне нужен был господин Пенталкин. Я на ходу взглянул в планшет: зарядки еще хватало, и я выяснил, что слово «пентал» греческого происхождения и означает в оригинале «печальный». Вспомнил, что есть болеутоляющие таблетки пенталгин. Это имя, мелькнуло у меня, поддается некоторому осмыслению. Оно символизирует экзистенциальное недовольство своим будущим, указывает на брэнность

всего живого (биологически, поправил я себя, живого), это может быть уставший, грустный от гнета финансовых забот, расходов, обязательств человек, не достигший большой цели, не сумевший реализовать свою главную мечту. Но, может, он опечален тем, что Махоркин так долго добирается к нему? Может, он находится в расстроенных чувствах, из-за того что опаздывает подключиться к финансированию проекта Соло Моно? Вдруг я услышал окрик, который тут же повторился еще более отчетливо. «Эй, сворачивай ко мне, — кричал мужской голос с левой стороны. — Подходи, не бойся». Я оглянулся и увидел сидящего прислонясь к дереву мужчину лет сорока. Рядом с ним на траве лежали охотничье ружье и сумка для трофеев. Я вспомнил, что нахожусь между Гакугсой и Шестово. Где-то рядом была федеральная трасса и бензоколонка, нужная мне для зарядки планшета. Я свернул и подошел к мужчине. Во все стороны от нас тянулась тайга, но рядом с ним я почувствовал себя точно в другом измерении. Прежде всего я тут же потерял ощущение времени, сознание отказывалось подтверждать, что я подошел к незнакомцу лишь минуту назад, оно упорно подсказывало мне другое: я задерживаюсь из-за долгого общения и надо торопиться на юг. «Что за чушь лезет в голову?» — оскорбился я. Невольно пришлось присмотреться к странному встречному. Будто остекленевшие глаза, одна сторона лица бритая, другая заросшая густыми с проседью волосами. Узкие плечи, впалая грудь, босые ноги. Кроссовки лежали рядом с двустволкой. Мужчина нахмурился и громко заявил: «Я хозяин тайги! А ты кто таков? Без входного билета расхаживаешь по моей территории! Чем платить будешь?» Он смотрел на меня

холодным, пронизывающим взглядом, точно гипнотизер, а морщины его бледного лба, казалось, искрились от гнева. Постепенно я точно со стороны увидел эту сцену в лесу и отметил про себя безумный взгляд незнакомца. Я никогда не был драчуном, не владел никакими навыками спортивных бойцовских качеств, но почему-то вдруг рассмеялся: «Извини, соловей-разбойник, я спешу. Нет времени на пустую болтовню». Сказав это, я, как бы прощаясь, помахал рукой и направился дальше к трассе. «Эй, эй, — крикнул он, но уже без пафоса "хозяина тайги". — Ну кинь в мою сторону хотя бы стольник!» Я не ответил и не оглянулся. Эта внезапная встреча в лесу скоро выскользнула из моего сознания. Я никогда не вспоминал ее — глупость не может оставить яркие или мрачные краски в памяти. Я думал о своем: жалел, что смыслы и ценности моего проекта никак не отвечали сивомасковским представлениям о будущем. В своем отвергнутом обществе положении городского сумасшедшего я сам стал считать себя безумцем, без факта какого-либо симптома такого расстройства. Но на сей раз во мне побеждала одна сила, даже силища, вступившая в схватку с традиционным мышлением сивомасковцев. Они считали свой род долговременным, даже вечным, я же, не споря с ними, считал его временным, даже кратковременным. «Пора повивальных бабок в Сивой Маске и акушеров в других городах мира скоро закончится, — говорил я себе. — Соло Моно будет зачато в колбе, без сопения и животных движений. Пара капель из пинцета одного материала плюс пара капель другого, и через 31 день появляется мое Соло Моно! Никаких расходов на декретные отпуска у государства и у частных компаний.

Дешево, но величественно!» Я как раз вышел на федеральную трассу и взял вправо на юг. Через несколько минут передо мной остановился автобус. Водитель бросил обычное: «Залезай!» Я не хотел тратить свои последние деньги на транспорт, поэтому лишь махнул рукой в знак благодарности и пошел дальше. До бензоколонки шагал минут сорок. После короткого диалога с сотрудницей зарядил планшет и вернулся в лес. Ночевать я планировал в Девятинах, а уже через пару дней надеялся выйти к Неверовскому. В конце недели я буду в Иванжитове. А там до Астрахани еще пару дней. И я на месте! Там либо наступит конец Федору Махоркину, либо начнет воплощаться великий проект Соло Моно! Я подкрепился ягодами, напился родниковой воды и прибавил темпа ходьбы. Вдруг в голову пришел вопрос: «Что такое коллективный разум? И чем он мне может помочь?» Коллективный кошелек мне еще понятен, а коллективное сознание... В своей работе над проектом я, конечно, пользуюсь знаниями живущих и давно ушедших ученых, но моя работа с ними носит виртуальный характер, то есть нет никакого прямого общения и даже виртуальных дискуссий. Скажем, в научном журнале я размещаю статью по какому-то важному вопросу или кто-то делает то же самое. Мне отвечают, или я сам даю ответ автору. Я соглашусь с мнением, что существует «цивилизационный разум», то есть знания, накопленные за сотню, тысячу лет, но термин «коллективный разум» мне непонятен. В этом что-то от коммунизма... В этот момент я заметил еще одного чудака. Мужик лет пятидесяти сидел на пне, приложив к уху телефон. Мобильной связи в тайге не было, скорее всего, он слушал музыку или чью-то записанную речь.

Я должен был просто пройти мимо или взять западнее, демонстрируя, что не имею желания с ним встречаться. Однако я решил не менять маршрут и через десяток шагов уже мог разглядеть незнакомца. На лице его можно было прочесть наслаждение собственным одиночеством и свободой. Казалось, он занят не тем, что было перед его глазами, и не айфоном, прижатым к уху, а чем-то своим, особым. Я отметил некий контраст между его просветленным лицом и хмурой атмосферой окружающей природы. Когда я поравнялся с ним, он взглянул на меня с мимолетной улыбкой и медленно произнес: «Добрый день! Давно ни с кем не общался. Есть время и желание обменяться мыслями? Хочу успокоить вас: я не маньяк и ничем не опасен». Я остановился и представился: «Я — Федор Махоркин, иду по своим делам на юг. Могу чем-нибудь быть полезен?» — «Открытый разговор с интеллигентным человеком — всегда польза для ума. А другой пользы я не ищу. Информация, приведшая меня в умиление следующая. Я искал ответ на вопрос: есть ли у Космоса границы или он бесконечен? И недавно получил ответ... У Коперника... Космос, знаете, имеет границы. И это меня порадовало. Ура! Если это так, то он, Космос, столь же ужасен и несправедлив, сколь и наша человеческая жизнь». — «Прошу прощения, но это заявление Коперник сделал 500 лет назад. Сегодня есть и другие версии...» — возразил я. «Я хочу верить только ему. Правда, это сообщение я прочел в старом, потертом, замусоленном журнале "Наука и жизнь" прошлого века, который нашел в мусорной куче. Но Копернику я верю, он толковый парень». — «Простите, я тороплюсь по своим делам, дорога у меня дальняя. Я, пожалуй, продолжу свой путь». —

«Вы сказали, что идете на юг. И все по тайге, а потом по полям? А на юг — это куда?» — «У меня дела в Астрахани... Простите за спешку». — «Мне все равно, куда двигаться, — сказал поклонник Коперника. — Вы не против, чтобы я пошел с вами?» — «В дороге я работаю, для бесед у меня нет времени», — отрезал я, после чего кивнул и двинулся в путь. Поклонник Коперника, однако, не отступал. Он заявил: «Я иду за вами! Никогда не встречал человека, работающего во время ходьбы по лесу. Интересно, как это?» И дотошный чудаक двинулся за мной. Я старался сдерживать гнев. А он тем временем продолжал: «Я ушел из общества уже двадцать лет назад и неплохо, даже с большим удовольствием, существую в лесной глуши без предъявлений к себе высоких требований по части интеллектуального преломления своих способностей, скажем, в живописи, сочинениях или научных формулах и гипотезах. Мне почти пятьдесят. Я человек леса, причем живу каждый день в разных эпохах и в самых драматических обстоятельствах мировой истории». Вначале я не желал во все это вникать, но он говорил громко, а закрывать уши или гнать его было неловко. Приходилось терпеть. «Чтобы вы представляли, что такое жить в разных эпохах и в самых драматических обстоятельствах, поясню. Например, вчера я был крепостным Васькой у помещика Гундосова на Орловщине. Это был 1846 год. А позавчера сидел в сталинской тюрьме в Воркуте. Это был 1951 год. Три дня назад я был первым секретарем компартии в Караганде. Это был 1963 год. Четыре дня назад я был узником концлагеря в Дахау. Это 1942 год. Пять дней назад я был бойцом армии Махно. Это 1921 год. Шесть дней назад я был раскулаченным тамбовским крестьянином.

Это был 1931 год. Семь дней назад я был узником Гуантанамо. Это был 2011 год. Восемь дней назад я чувствовал себя жертвой атаки исламиста в Ницце. Это 2016 год. Девять дней назад я был тонущим пассажиром с корабля "Титаник". Этот был 1912 год. Десять дней назад я защищал Сталинград. Это был 1942 год. Сегодня я провожающий неизвестного, работающего на ходу во время странствия по лесу. Это опять 2016 год. Продолжать? Порой я уходил аж в периоды Римской империи или еще глубже, даже бывал пленником урартийцев. Это было в 756 году до нашей эры. Я историк. Мне знакомы события, в которых я живу день, а то и два, и я великолепно себя чувствую в разных ипостасях и образах, особенно в атмосфере изощенного издевательства надо мной со стороны надзирателей, надсмотрщиков, помещиков, в кошмарных бытовых и погодных условиях. Какой из этих случаев вас заинтересовал? Я готов прожить при вас любой день, который вы назовете. В истории уйма трагических эпизодов. Я готов к неожиданному фантастическому перевоплощению, во мне давно проснулся большой артист. Но свои представления я провожу для самого себя. Вы станете вторым моим зрителем за двадцать лет. Первому мои роли не понравились, пришлось, правда, его...» Я был бы доволен собой, если бы незнакомец прочел на моем лице некую заинтересованность его повествованием. Я шел, практически не слушая его; солнце сквозило в листьях берез, лес являлся моему ощущению таким же насыщенным эфиром, как бризы Белого моря, с которым я был знаком с пионерских лагерей. А попутчик мой продолжал свой странный рассказ: «В тот день я вдохновлялся ролью палача Кромвеля, отрубившего го-

лову королю Карлу Первому. Это было почти полной реконструкцией реального эпизода, но с некоторыми собственными фантазиями. Все крупные артисты, знаете, вносят в постановки нечто свое, чтобы играть с особым вдохновением... Я уложил его голову на пень, поднял топор и застыл в этой позе. Карл, то есть тот, которому не понравились мои спектакли, думал, что я шучу. Первый удар я нанес сантиметрах в двадцати от его головы. Он еще больше уверился, что это некий мрачный розыгрыш. Вторым ударом я слегка коснулся лишь его шеи и рассмеялся. Жертва была уже уверена, что я опытный шутник. С идиотской улыбкой он даже попытался привстать с лобного места. Я засмеялся зловещим смехом, остановил его, уложил его голову на плаху, собственными руками прибрал волосы, шутливо, легонько щелкнул его по носу. Затем насыпал перед ним горсть кедровых орехов и, смеясь, опять поднял топор. Он был уже уверен, что участвует в некой забаве, — но на сей раз я уже отсек его башку именно с той же уверенностью, с какой палач Кромвеля сделал свое дело в полдень 30 января 1649 года. После этого пришил его голову к туловищу для погребального обряда. Для моего сознания очень важно пережить те острейшие моменты жизни исторических персонажей. Поступки каждого такого лица — это ведь книга мистических фантазий. Их размах нередко настолько тебя удивляет, что обнаруживаешь молчаливо присутствующие в себе тайные влечения. Именно в этих преображениях широко раскрывается мой талант мистика. Я утопаю в сладостных чувствах, верю, что я вечный житель Вселенной, ядро мироздания. В эти минуты я настоятельно призываю себя к отречению от обычной жизни, осво-

бождению от всего людского для достижения идеала личностной ценности. Находясь в массе себе подобных, человек почти всегда остается выразителем чужих мыслей, идей и суждений. Они быстрее доходят до сознания, чем что-то оригинальное возникает в собственной голове. Я уже давно перестал удивляться, что человек продолжает оглядываться на некую мораль, которая у всех разная. Принять за основу поведения какой-либо один-единственный, якобы главный нравственный стержень — не означает ли это повторение из века в век одного и того же порока? Именно такие парадоксы приводят к формированию мистического мировоззрения. Я, например, настоятельно и каждодневно требую от себя соответствия своей редкой индивидуальности. Выбор героя и перевоплощение в него совершается мною с блистательным триумфом. Иначе я не достигну того замечательного восторга, которым сопровождаются моменты моих превращений. Расскажу вам, как я страдал, войдя в роль узника воркутинского лагеря строгого режима. Как-то я оказался в БУ-Ре — бараке усиленного режима. Культ Сталина тогда достиг своей наивысшей точки. Наш день после команды "Подъем!" начинался фразой: "Доброго вам здоровья, наш великий вождь товарищ Сталин!" Ведь шел 1951 год... Вы меня слышите? Эй? Я к вам обращаюсь"... Я ничего не ответил, продолжая шагать по узкой тропе. Попутчик приблизился ко мне и схватил сзади за плечо: «Вы меня слушали?» — «Что?» — спросил я, насторожившись. «Ты что, глухой?» Я показал на свои уши — дескать, действительно плохо слышу, — и прибавил шагу. Он что-то пробурчал мне вслед, потом его шаги стали стихать. Не оборачиваясь, я почувствовал, что он от-

стал. Наконец, подумал я с облегчением, можно вернуться к самому себе. Почти час я из-за этого психа ни о чем не размышлял! Ох уж эти странные сивомасковцы! Накопившиеся в моей голове мысли приободрили меня, а одна идея даже произвела на меня сильное впечатление. Во время монолога незнакомца я, думаю, испытывал примерно те же чувства, что и Сальвадор Дали при создании картины «Критически параноидальное одиночество». Никогда еще я не встречал гомо сапиенса, который, так же как я, с невиданным отчаянием цеплялся за одиночество. Да, бесспорно, одиночество — это великое благо для творческого ума. Теперь это условие достигнуто. Даю волю его величеству Сознанию для торжественного ритуала — извержения бунтарских мыслей по проекту Соло Моно. «Самое важное...» Тут я перебил сам себя, усмехнувшись: у меня все самое важное. Так вот, одна из проблем — как обеспечить надежный захват атомов и молекул и дальнейшее их перемещение. Надо приблизить нанопинцет к поверхности почти вплотную и подать на конусообразные электроды электрическое напряжение. Под воздействием неоднородного электрического поля атомы будут притягиваться к концам электродов — их захватываемое количество окажется пропорционально величине подаваемого на электроды напряжения. Далее необходимо переместить нанопинцет с захваченными атомами к проектируемому объекту. Затем надо выключить ток, и сила, удерживающая атомы на этом нанопинците, многократно ослабеет, станет соразмерной силе притяжения к атомам проектируемой области. Для удаления захваченных нанопинцетом атомов и перемещения их на поверхность необходимо дополни-

тельное воздействие — нагрев, освещение лазером. Таким образом, атомы переместятся из «горячей» среды межэлектродной сферы в «холодную», а значит, осядут в нужную точку. Для этой технологической манипуляции мне нужен суперсовременный лазер. Он очень дорогой. Его можно приобрести, если господин Пенталкин заинтересуется моей разработкой... Стоит ли продумать вариант развития событий на тот случай, если Пенталкин откажет в финансировании? Нет, не стану даже мимоходом размышлять об этом. Такой финал просто невозможен. Тогда конец; а лучший конец всегда короткий, бессюжетный и, главное, неэнергозатратный. В памяти совершенно неожиданно всплыла фраза Сальвадора, оставленная им на картине «Святое сердце»: «Иногда мне нравится плевать на портрет моей матери». «Что за намек?» — недовольно нахмурился я. Ничего подобного я никогда бы не сделал. У серийного убийцы Чикатило, который отправил на тот свет более 50 случайных встречных, у Джона Гейси, изнасиловавшего и казнившего более 30 молодых людей, у Генри Ли Лукаса и его партнера Оттиса Тула, которые убили более 500 человек и поедали их останки, у Эдварда Гейна, маньяка, носившего костюмы из кожи своих жертв, у Джеффри Дамера, «милуокского монстра», убившего и съевшего 17 несчастных юнцов, и так далее и так далее — у всех этих вырожденцев были матери, но эти женщины никак не могут нести за случившееся и йоты моральной или правовой ответственности. Некоторые люди у нас в Сивой Маске говорили, что все это Божья кара за грехи родителей. Чепуха и безграмотность, нелепые суеверия, распространяемые ворожеями низкого сорта и мошенниками от науки. Как голуби не садят-

ся на гробы с трупами, так и грехи не ложатся на генные ансамбли. Если рождение страшного каннибала — это деяние Бога в наказание за грехи родителей, то почему такие дети не плюют в лицо матери, а садистски убивают посторонних невинных людей, даже младенцев? Всё во власти стихийных мутаций — эту истину я понял в 17 лет. Если, по версии религиозных толкователей, Бог создал все живое, то почему он сотворил гюрзу, тарантула, шакалов, гиен и им подобных, которые умерщвляют сивомасковца, якобы созданного по Его образу и подобию? Если человек создан по Его образу и подобию, то почему венца природы так просто лишит жизни? Ножичком в сердце, кирпичиком по темечку, шилом в печень, каплей цианида на язычок. Слепые мутации — вот ключ к созданию всех живых существ. В основе всего сила стихии, случайность, стечение природных обстоятельств, закрепленных в каждом виде на некий обозримый срок. Природа сама побуждает к совершенству, исподтишка замечая, что вид не отвечает курсу эволюции, и вкладывая в таких типов, как я, творческие импульсы к мануальному проектированию следующих поколений более мощных по интеллекту существ. Генный купаж неандертальца закрепился на 300 лет, потом так же стихийно преобразовался или распался, и сам вид окончательно исчез. То же самое происходило со всеми живыми существами, в разное время населявшими Землю. От одноклеточных организмов до мамонтов. Точно так же золото мистическим образом превращается в свинец, а народ Божий — в народ проклятый (судя по библейским текстам). Между одноклеточными и гомо сапиенсом прошло около 7 миллиардов лет. Почему такой невероятно огромный

срок? Что, Бог спал? Был занят творениями в других галактиках? Но почему, создавая вид по своему образу и подобию, Он не позволил людям иметь контакты с творениями в других местах огромного мира? Нет! Только гениальная инженерия и наука способны явить истинного хозяина Вселенной. Впрочем, в вопросе о создании гомо сапиенса мне нравится собственное толкование: он возник от неандертальцев! У них, чей ИС в среднем было около 30, вдруг, в результате слепых мутаций, появился примерно такой же тип, как я, мечтающий улучшить природу своих сородичей. Проект «гомо сапиенс» он успешно реализовал, и на свет появился новый вид — сивомасковец. Около ста тысяч лет тому назад — время появления гомо сапиенса — еще не существовало такого технического потенциала, способного помочь какому-нибудь неандертальскому Махоркину замахнуться на создание Соло Моно. Вот и получился только согражданин! А к вопросу постоянного изменения всех предыдущих видов замечу следующее: думаю, хотя еще не убежден, поскольку не имею экспериментальной лаборатории, основная проблема непостоянства видов заключается в том, что в верхних слоях нижней атмосферы постоянные электрические заряды противоположны земным. Из этого следует, что на поверхности образуется мощный электрический конденсат, содержащий огромное количество энергии и, возможно, влияющий на весь мутационный процесс. А он — мутационный цикл — зависит и от этих величин тоже. Впрочем, для окончательных выводов я должен экспериментально проверить силу энергии на генных вариациях. И надо заметить, что я сам могу пребывать в заблуждении относительно сил, влияющих на мутационный

цикл. А будущий Соло Моно, мой приемный сын, — это рукотворное интеллектуальное детище. Мутации его дальнейших поколений всегда останутся под контролем геной инженерии. Сегодня же, наблюдая за хаотичной, бездумной суетой сивомасковцев, глядя на их многоликую множественность с диковатыми проявлениями убогого интеллекта, приходишь к однозначному решению, которое день ото дня крепнет: необходимо срочно заселять Вселенную новым рукотворным видом, который станет ее полным, абсолютным хозяином. Если бы кто-то подслушивал мой внутренний голос, то наверняка бы отметил, что я постоянно повторяюсь. И в моих повторах особенно часто выскакивает название Соло Моно. Соглашаюсь, потому что в этом понятии вся моя жизнь. Если я вам наскучил, перестаньте за мной подсматривать и подслушивать. Моя убежденность в познаваемости природы микромира основана на знаниях закономерной обусловленности существования Вселенной. В этих процессах причинно-следственная связь является основополагающей. Я предпочитаю представлять будущее, в котором мое творение будет играть главенствующую роль. Рассуждения на эту важнейшую тему — единственный источник моего внутреннего удовлетворения и душевного подъема. Эти чувства мощнейшие, но я не перегружен ими. Да и вообще, как я заметил, заблуждение делает сивомасковца более счастливым, чем ощущения реального достижения. А я пока в промежуточном состоянии: между научными идеями и практическими результатами. Кстати, теперь совсем о другом: я впервые задумался, что в лесу определить время намного труднее, чем в городе. Здесь трудно ориентироваться. Пришлось от-

крыть планшет — оказалось, уже начало десятого. То есть дело к ночи. Я осмотрелся в поисках съестного для ужина. Различных грибов вокруг было предостаточно, но я не пожелал перегружать ими свой желудок, чтобы во время ночлега не просыпаться то и дело от его урчания. Я одарил себя банальной мыслью, что разум всегда имеет преференции над физиологией. Обладая в достатке серым веществом, я воспитал в себе и крепкую волю. Тот, кому все это достается легко, всегда проигрывает, поругивая окружающий мир. «Это обо мне? — опешил я. — Да нет! Ведь Махоркин не клянет мир, а мечтает его улучшить, усовершенствовать...» Запутался, пора готовить ночлег. Устал. Надеюсь, в сновидениях мне шире откроется область моих фантазий, та, в которой я способен выглядеть ярким оригиналом. Я не сомневался, что все, о чем я рассуждал, выстраивая модели будущего наносборщика, нанопинцета, интерферометра, имело некий высший смысл. К сожалению, а может быть, к счастью, у моих научных фантазий единственный рецензент — сам Федор Михайлович Махоркин. Да, моим уделом было рассуждать о самом масштабном, вселенском, но лишь про себя. Этим самым я защищался, охранял свои проекты от недругов — ученых в рангах профессоров и академиков. Они никогда не признают ценность предложения, высказанного самоучкой из провинциального, малоизвестного городка. Видимо, поэтому автору Соло Моно довольно часто хотелось издать почти звериный крик, словно подтверждая свое исключительное одиночество, и этот вопль вводил Федора Махоркина в мир неизмеримо более возвышенный, чем таежный и вообще земной. После чего во мне возникали два разнополярных сильных

чувства. Первое — усиливалась творческая энергия, в голове рождались замечательные научные решения; второе — крик гасил мое возбуждение озлобленного типа, и я, как бы убаюканный кем-то, расторопно устраивался на ночь. И в этом случае довольно быстро засыпал. Утро начиналось как обычно: я позавтракал пригоршней недозрелой земляники, запивая ее прохладной водой из лесного прудика. После чего бодрым шагом продолжил путь на юг, к Пенталкину. Впереди был городок Голыгино, потом Бокша, Иванжитово. И тут я уже вышел в лесостепь. Ландшафт изменился. Незнакомая растительность. Из книг я помнил, что здесь растут липа, ясень, береза, клен, но как отличить их друг от друга, не имел представления. Только волк из животного мира лесостепи был мне знаком, а все остальное я видел только в книжках и на фотографиях — куница, белка, лось, выхухоль, крысы, многочисленные насекомые. С некоторыми из них я уже познакомился с первых шагов в сторону Заволжья. В моем сознании тем временем укрепилось ощущение неопределенности, и легкое уныние омрачило радужный образ будущего. В такие моменты возникает успокоительная мысль, что знания — это объект внешнего мира, а ощущения — наследство бытийности природы. А знания не исчезают, как аристократические манеры при изменении социального статуса, они хранятся во дворце сознания под семью печатями. Я вошел в травостой. Сразу почувствовал незнакомые ароматы степной растительности. Приятные запахи. А будет ли способно к их восприятию мое Соло Моно? Внезапно перед глазами вырисовывается его фигура: в нем не больше метра семидесяти, карие глаза, невыразительное, бледное лицо, почти

сплюснутый нос... Я начинаю внимательно в него вглядываться... «Что, я вижу самого себя?» — как-то испуганно бросаю я в степную безлюдную даль. Я в отчаянии осознал, что сам облик Соло Моно мне ни разу не приходил в голову. Погрузившись в задумчивость, я действительно удивился: как случилось, что внешнему образу Соло Моно я ни разу не уделил внимания? Я стал упрекать себя и торопливо размышлять. Как же должен выглядеть хозяин Вселенной — это сверхсущество? Оно может быть худеньким, как кузнечик, или плоским, как камбала, или круглым, как мяч. Но почему я вижу его таким невзрачным? Первое — оно не должно привлекать внимание своей яркой внешностью. Второе — оно не должно выглядеть высоким или низким, плоским или круглым; здесь уместен обычный рост среднего человечка, хоть такого типа, как я. Третье — ткань тела, органов и головы должна быть не однородно биологической, а с примесями и вкраплениями неорганики. Ведь образ гомо сапиенса искажается от старения. А мое творение должно жить не одну тысячу лет. Четвертое — оно не должно являться противоположностью гомо сапиенса, это будет совершенно не похожее ни на что живое существо. «Так я тоже ни на кого не похож», — вырвалось у меня. Может, из такого же образа, как мой, и лепить? У меня же нет никаких комплексов по поводу того, что я никого внешне не интересую, более того, я даже чрезвычайно рад этому обстоятельству. Надо перебрать в памяти образы Сальвадора Дали, именно у него я найду телесную оболочку для моего детища. Лучше Сали никто не был бы способен представить его в красках, линиях и чертах с безупречным проникновением. Вначале на ум пришла кар-

тина «Автопортрет в Кадакесе», но она не задержалась в сознании. Потом полотно «Антропоморфный шкафчик» — тут я недовольно скривился, и его сменила картина «Я в 10 лет», однако и она быстро исчезла. На картине «Семь искусств» я задержался и рассматривал ее медленно, дольше других. Вдруг в голову пришла мысль: «Это мужчина или женщина?» А какая мне разница? Ведь пока я планирую Соло Моно бесполом существом. Я сам с детства робел перед девушками, а мужчины меня никогда не интересовали ни в половом, ни в интеллектуальном смысле. Я понимаю, что сам я бесполой, секс меня никак не интересует, хотя по утрам я иногда ощущаю эрекцию и тут же себя корю, что во мне еще много от сивомасковцев. Впрочем, вернусь к Сали. Образ, изображенный на его холсте 1944 года «Семь искусств», прекрасно подходит для моего творения. Этот забавнейший тип — замечательный пример существа, погруженного в себя и предпочитающего абсолютное одиночество. Именно таким я вижу свое создание. Я почувствовал восторг, что мое Соло Моно обрело наконец свое визуальное соответствие. «Почему я раньше над этим важным вопросом не задумывался?» — опять побранил я себя. Но теперь все завершилось наилучшим образом. Да, оно может показаться двуполом, но я его представляю бесполом. Согласен, нос длинноват, но им можно с пользой распорядиться. По запаху, например, распознавать мельчайшие частицы: фотоны, глюоны, электроны, лептоны, — у последних едва уловимый душок, так пахнет ушная сера, если принюхаться. Волевой подбородок избавит от каких-либо сентиментальных проявлений. Но глаза, глаза, — они всепроникающие. Правда, правая сторона передает

удивление, но разве можно смотреть на мир без искреннего изумления? То, что оно безногое, тоже сальвадорское провидение. Ведь оно не будет шагать по улицам городов, передвигаться с помощью транспортных средств, оно межзвездное, межгалактическое существо, и перемещаться станет со скоростью света на электромагнитных волнах. Я на пороге создания выдающегося мыслящего объекта; кроме этой основной функции, у него мало что еще должно быть. Пожалуй, лишь немного чувств, совершенно, однако, исключая сексуальное влечение. Именно оно толкает сивомасковцев на все смертные грехи и не дает в полной мере развивать разум. То есть получается, Соло Моно не что иное, как продолжение самого Федора Махоркина. Только у меня около 100 НИС («эйч ай си»), а у Соло Моно должно быть не менее тысячи. Из одинокого сивомасковца, каким сегодня является любой крупнейший ученый, мое Соло Моно должно превратиться в гомо космикуса, чьей средой обитания явится любая галактика, а аудиторией — вся Вселенная. Как Сали выгнали из мадридской Академии изящных искусств, так и мое будущее творение выгнали бы из университетов любой столицы мира. Профессора — самая консервативная публика научного мира. Я после первых проб общения никогда не испытывал желания обсудить с ними тот или иной вопрос. Пустая трата времени. «Когда, когда я создам свою лабораторию? Получу ли достаточное финансирование? Без трех-четырех миллионов долларов и стартовать нельзя. Что за человек мой возможный спонсор?» Эти вопросы я задавал себе сотни раз. Ожидание встречи в Астрахани, длившееся около семи месяцев, приучило меня жить с надеждой на лучшее.

Впрочем, вопрос, станет ли Астрахань для меня землей обетованной, не раз вызывал у меня тревогу, и глубочайшие волнения от предстоящей встречи с господином Пенталкиным не покидали меня. Теперь же я был во власти силы, вступившей в схватку с реальностью, и понимал ментальность гомо сапиенса как многоопытного, хитрого существа. И самый больной вопрос, который ожидал я услышать в Астрахани: «Есть ли в этом проекте бизнес-интерес? Каков ваш бизнес-план? Когда я верну свои вложенные деньги, каков будет процент начислений прибыли?» Этот возможный сюжет дискуссии всякий раз напоминал мне убогую комнату в хрущевке. На ободранной, заляпанной трупиками клопов и тараканов стенке там была бы повешена репродукция картины Сальвадора Дали под названием «Нос Наполеона, превращенный в беременную женщину, которая меланхолично прогуливает свою тень среди руин» с рекламным щитком на закопченной фанерке: «Продается! Цена — любая!» Но другая мысль порой успокаивала меня: «Знает ли кто-нибудь в мире путь, ведущий из тупика атомной частички Вселенной к ее полному хозяину, который открыл невзрачный тип из Сивой Маски с невыразительной фамилией Махоркин?» Я, как единственный исполнитель проекта, его мозги и руки, больше опасаясь быть понятым, чем непонятым. То, что я задумал и хочу реализовать, человек не способен вместить в свое сознание. Главное противоречие, которое я великолепно понимаю перед встречей со спонсором: у обычного сивомасковца в сознании господствуют финансы, они всегда и везде довлеют над его мыслями и действиями, у меня же в голове всегда один главный проект с тысячью вариантов его реализа-

ции. Но без финансов он никогда не воплотится. Поэтому мне нужен очень богатый сивомасковец! Иначе я бы никогда ни с кем из них, кроме Дали и еще пары похожих на меня типов, не общался, потому что постоянно нахожусь в упоении от своих научных идей и поисков. Это мой культ, и восторг вызывает у меня лишь техническое решение узлов проектируемого детища, тем более такого замечательного. Я отлично понимал, что я и они — я в единственном числе, они во множественном — живем в своих полярных мирах, словно в двух различных частях света. Тщедушное, невзрачное, одинокое создание Махоркин, умеющий только размышлять, без каких-либо чувственных желаний, и его величество Человек! С его неуемным аппетитом к праздности, славе, власти, деньгам, сексу, иконам, другим религиозным символам. Чрезмерная чувственность и небогатый интеллект — вот что меня больше всего смущает и отталкивает от сивомасковцев. Тут я пару раз потрянул головой, словно избавляясь от навязчивых вопросов и ответов. Я обратил внимание, что редкие деревья почти исчезли, а трава, уже сухая, желтая, доходит почти до колен. Идти стало трудно. Но впереди меня ждала встреча с Пенталкиным, поэтому разве могли существовать препятствия, способные сдерживать темп моего движения? Я уже с отключенным сознанием продолжал буквально нестись на юг. Открыл планшет — навигатор показал, что в трех километрах трасса и рядом бензоколонка. Надо зарядить свой агрегат. Я взял западнее, к дороге, вышел на трассу и подошел к заправке. После зарядки планшета вернулся в степь и, не сбавляя темпа, пошел дальше. Степь тянулась за красноватый горизонт, и солнечный закат

являлся, пожалуй, единственным спутником Махоркина. Еще ни разу не приходилось мне спать в степи, сегодня придется попробовать. Я сел в густую траву, открыл планшет, чтобы узнать о мире, но сигнала не было. Я поднялся и пошел дальше с открытым планшетом, решив, что там, где появится сигнал, я и заночую. Шел я минут сорок; лучи солнца окрасили горизонт ярким красным светом. В одном месте я наконец поймал сигнал, тут же присел, чтобы не потерять его, и стал пролистывать новостные ленты. Они оказались полны сообщениями о событиях в Германии. Какой-то молодой беженец с топором ранил нескольких пассажиров в местном поезде. Этнический иранец расстрелял девять молодых людей. Еще один мигрант ножом убил женщину и ранил еще троих... В Бельгии опять нож и тысяча убегающих, спасающихся... Создалось впечатление, что Европа растеряна. Потрясена! В шоке! Информация ведущих европейских СМИ на разных языках заполняла новостное пространство Интернета. Я подумал о другой, более страшной опасности и решил тут же написать небольшую статью, опять в те же газеты, которым отправлял свои заметки ранее, то есть практически во все мировые издания. «Кстати, — пронеслось в голове, — после статьи "Где ты, моя религия?" прошло уже более месяца. Надо взглянуть, нет ли на нее реакции». Я открыл свою почту, но она оказалась почти пустой. Единственная газета из Таиланда предложила заплатить за публикацию этой статьи пять тысяч долларов. Я усмехнулся: чего иного можно ждать от сивомасковцев? Отсутствие интереса к моему опусу не смутило меня, а даже придало импульс еще более снисходительно отнестись к моим современникам из разных стран

мира. Я понимал, что мои сочинения не лучшие, но они довольно логичны, выдержаны по теме и актуальны. А реакция издателей на них нулевая. Без йоты заносчивости мне еще раз придется про себя повторить: «Вот такой он ущербный, венец природы!» Тем не менее я устроился поудобнее, задумался, взглянул на золотистую в наступающих сумерках степь, окрашенную на западе гранатовыми лучами скрывающегося солнца, и стал набирать текст нового послания.

ПАМЯТЬ — ОПАСНЫЙ ПРОВАЛ

С окончания последней мировой войны минуло уже больше 70 лет. Напомню, людская память — не какая-то совершенная биологическая субстанция или функция. Во всех конфликтах, от Китая и Японии до Европы (1937 — 1945), погибло около 50 миллионов человек. Страшная цифра. За ней океаны неизбывного людского горя. Некоторые еще помнят мощное антивоенное движение в Европе 60 — 70-х годов. Сегодня мир изменился, медийная культура держится вниманием к чужой смерти, чужим деньгам, чужой любви. Смерть для этой культуры — информационный повод, а рассказы очевидцев — сильная эмоция, развеивающая скуку обывателя. Гибель, ужас, катастрофа, их транслирование и эстетизация — самый эффективный ресурс медийного пространства.

XXI век, к сожалению, сохранил весь негатив века XX: не спадает накал бурных столкновений — политических, мировоззренческих, религиозных, расовых. Усиливается противостояние Запада и Востока, не ути-

хает зубовный скрежет в Вашингтоне — Брюсселе — Москве. На дорогах Европы все громче лязг танковых гусениц, командные крики армейских генералов оглушают эфиры, выстроенные в шеренгу баллистические ракеты готовы к пуску. Поэтому нам, европейцам, жизненно необходимо каждый день отстаивать главное — доктрину мирной жизни.

Какая сила, какое оружие сегодня вызывает у европейцев страх и ужас? Чем парализуют террористы значительную часть европейцев, доводя болезненное возбуждение до страха, который зашкаливает и лишает людей рассудка? Потребительская и гедонистическая культура выстроила систему запретов на серьезные и глубокие переживания таких человеческих состояний, как тоска, печаль, ужас безденежья, горечь безответной любви, бездна реальности, смерть близкого, безработица. Эти эмоции решительно вытесняют из сознания, о них умалчивают либо хладнокровно форматируют их в потребительский продукт, продукт будничной, анонимной и дешевой.

Телевизор и Интернет сделали нас, по сути, свидетелями трагедий в Париже, Брюсселе, Ницце, Мюнхене. Что сегодня вызывает у миллионов людей состояние панической истерии? Нож, топор, револьвер, автомат, бомба, автомобиль смертника! А завтра, может быть, к этому ряду добавится и простой кирпич! Нет слов, всего этого стоит бояться, потому что любой из этих предметов несет возможность гибели невинных людей. Такая смерть — не на войне, не на поле боя, а в привычной мирной обстановке: в ресторане, на многолюдной улице, на концерте, в вагоне экспресса и так далее — и вызывает самый сильный, парализующий разум страх.

А кухня массмедиа ежедневно подает нам густое варево из соответствующих ингредиентов. Впрочем, оно каждый день одинаково на вкус.

Вопрос в другом: мы стали жутко бояться ножа, но забыли, не помним, что сидим на арсенале ядерного оружия. Я через социальные сети спросил у европейцев, знают ли они мощность ядерной бомбы. Сначала из Гамбурга, потом из Лиона, потом из Малаги и Утрехта, потом из Хайфы, Зугдиди, Салоник и Ниша пришли ответы. Их общие слова меня несколько не удивили: «Мощность огромная». Задал другой вопрос: «А сколько людей при взрыве может погибнуть?» — «Очень много!» Мир совершенно забыл масштабное антиядерное движение. Забыл или подсказали забыть. А ведь в 70-х годах прошлого столетия активисты этой просветительской кампании предоставляли человечеству полную информацию о существующей атомной угрозе, о потенциале ядерных и водородных снарядов. Движение против ядерного оружия охватило тогда сотни миллионов людей. А как иначе, если знаешь, что мощная ядерная бомба в 100 мегатонн уничтожает все на расстоянии 2500 квадратных километров! А водородная бомба мощностью свыше 100 мегатонн уничтожает все на расстоянии 3500 квадратных километров. Вдумайтесь в эти цифры! Еще раз! Сегодня оружие массового уничтожения совершенствуется в сторону увеличения своих мощностей. Вспоминаются многотысячный поток людей, спасающихся от стрелка в Мюнхене, десятки граждан, прячущихся от топора в баварском поезде, толпа курортников, убегающих от взбесившегося грузовика в Ницце... Но при ядерной атаке, при взрыве водородной бомбы никуда не убежишь, не спрячешься,

не отсидишься, не переедешь, не улетишь, не уцелеешь. Не спасешься не только ты сам — погибнут твои родители, дети, жена, твоя большая семья, все граждане твоей страны, твоего континента, твоей планеты. И никакого безумного волнения, сумасшествия по этому поводу! А нож, пистолет, кирпич вызывают панический ужас! Не абсурд ли это?

Необходимо восстановить антиядерное движение в нашей стране, а также в странах Европы и во всех государствах мира. Возобновить Марши мира, митинги против военных программ, шествия за полное уничтожение атомного оружия.

Я, ты, они — все мы хотим жить! Но жить, сидя на ядерном арсенале, — разве это не безответственно по отношению к нам самим, нашим детям, семьям, нациям и всему миру?! Слава богу, нас буквально разбудили, повергли в истерику нож и топор, и, наконец, мы должны вспомнить, что нас могут ждать водородные и ядерные бомбы, нацеленные на каждого жителя планеты!

Сегодня уже не важно, на кого они направлены, — погибнут все!

Затем я быстро сделал версии на английском, немецком, испанском.

A DANGEROUS LAPSE OF MEMORY

More than 70 years have passed since the last world war, and the human memory, as imperfect and unreliable as it is, tends to forget. I will remind you that all the con-

flicts raging through China and Japan and on into Europe during 1937–1945 took more than 50 million lives. This is an atrocious figure. It expresses the immense human grief suffered during those years. Some people remember the powerful anti-war movement in Europe during the 1960s–1970s. Today the world has changed; the media culture draws our attention to other people's deaths, other people's money, and other people's love affairs. Death, for the media, is a newsworthy event, while the tales of eye-witnesses give the man in the street a shot of the strong emotions he lacks and help to dissipate his boredom. The media effectively capitalizes on broadcasting and idealizing death and horror.

Unfortunately, the 21st century continues to be as negative as the 20th; the intensity of tempestuous political, worldview, religious, and racial clashes is not abating. The West-East standoff goes on, Washington-Brussels-Moscow continue to clench their teeth, tanks are still thundering across the continent, the deafening commands of army generals fill the air, and ballistic missiles stand in line waiting to be launched. So it is vitally important that we Europeans take a consolidated stand in defense of a peaceful life.

What force or weapon arouses fear and horror in Europeans today? What are terrorists using to paralyze most Europeans, raising their fear and other strong emotions to stratospheric levels of morbid hysteria? The consumer and hedonistic culture prohibits people from experiencing time-honored emotions such as "nostalgia," "sorrow," "the dismay of an empty purse," "the bitterness of unrequited love," "the abyss of reality," "the death of a loved one," and "unemployment." These emotions are driven from the

mind and hushed up, insistently formatted into a consumer product, a mundane, anonymous and cheap product.

We are all acutely aware of the events that occurred in Paris, Brussels, Nice, and Munich. Who and what is arousing a hysterical state of panic among our fellow citizens? A knife, an axe, a revolver, an automatic machinegun, a bomb, and a car! While tomorrow it might be a brick! And yes, ridiculous as it may seem, these are the things we have to fear, for each of them is a harbinger of death, the destruction of one or many people. And it is not death in a war or on the battle field, but the death of an innocent person in a restaurant, in the street, in everyday circumstances that is arousing the greatest, mind-paralyzing horror. While the media serves up a daily fare of endlessly different ingredients that always tastes the same.

However, although we have become terribly afraid of the knife, we have forgotten that we are sitting on a stockpile of nuclear weapons. I asked my neighbors—residents of Hamburg, St. Gallen, Moscow, Haifa, Barcelona, and Zugdidi—whether they know the capacity of a nuclear bomb. I also asked the same question of a Chinaman, Indian, Englishman, African, and American. The answer did not surprise me, a vague “oh, it has an immense capacity.” And then I asked how many people it could kill. The answer was “a lot!” The world has entirely forgotten the powerful anti-nuclear movement. It has forgotten or been told to forget. But in the 1970s, the activists of this anti-nuclear, anti-war program provided the world with full information about the existing nuclear threat, about the capacity of nuclear and hydrogen missiles. The movement against nuclear weapons roused hundreds of millions of people. And how could it be otherwise, when you know that a powerful 100-megaton

nuclear bomb destroys everything within an area of 2,500 square kilometers. While a hydrogen bomb of more than 100 megatons will wipe out everything within an area of 3,500 square kilometers. It is time to recall these figures. Today weapons of mass destruction are becoming even more powerful. At this point, I am recalling the thousands of people who fled from the gunman in Munich, the dozens of citizens who hid from the axe in the Warsaw train, the ten thousand people who ran from the car bearing down on them in Nice, and so on. But during a nuclear or hydrogen attack there will be nowhere to run, nowhere to hide, nowhere to ride out the storm, nowhere to move to, nowhere to fly to. And it will not only apply to you, but also to your parents, your children, your wife, your extended family, all the citizens of your country, your continent, your Planet. And there will be no time for madness or insane disorder. While the knife, pistol, and brick are arousing panic-stricken horror!

The anti-nuclear movement must be revived in our country, in the countries of Europe, and in all the countries of the world. The peace marches and meetings against military programs and the processions calling for complete destruction of nuclear weapons must be renewed.

For I, you, they, we all want to live! But sitting on a stockpile of nuclear weapons places not only our own lives, but also those of our children, family, nation, continent, and world in immense jeopardy. Thank goodness we have literally been woken up, been driven to hysterics by the knife and the axe and, finally, remembered that we could be the targets of hydrogen and nuclear bombs aimed at every resident of the Planet.

Today it does not really matter whom they are aimed at, since everyone will perish, the entire Planet.

ERINNERUNG — GEFAHR DES SCHEITERNS

Seit dem letzten Weltkrieg sind mehr als 70 Jahre vergangen. Ich erinnere Sie daran, das menschliche Gedächtnis ist eine unvollkommene biologische Substanz. In Konflikten in China, Japan und Europa (1937 – 1945) wurden etwa 50 Millionen Menschen getötet. Eine erschreckende Zahl. Ein unfassbares menschliches Elend jener Zeit. Einige erinnern sich noch an eine starke Antikriegsbewegung in Europa in den 60er /70er Jahren. Inzwischen hat sich die Welt verändert, die Medien lenken die Aufmerksamkeit auf anderer Menschen Privatleben, Reichtum und Wohlstand, Elend und Tod. Der Tod ist für sie Berichtenswert. Zeugengeschichten und fehlende Emotionen, befriedigen die Sensationslust von Langeweilern und Spiessern. Die Präsentation und Ästhetisierung von Tod und Grauen — das ertragreiche Produkt der Medienwelt.

Das Einundzwanzigste Jahrhundert behält die Negativen des XX: die Erregung über gewaltsame Auseinandersetzungen — politisch, ideologisch, religiös, ethnisch — lässt nach. Während der Konfrontation Ost — West hat das Zähneknirschen zwischen Washington – Brüssel — Moskau nie nachgelassen, auf den Strassen des Kontinents verstärkte sich das Klirren von Panzerketten, Kommandoschreie der Armeegeneräle betäuben den Äther, Reihen startbereiter ballistischer Raketen werden aufgestellt. Aus diesem Grund haben wir, jeder Europäer, jeden Tag die wichtigste Sache aktiv zu verteidigen — das friedliche Zusammenleben der Menschen.

Welche Waffenkraft versetzen die Europäer heute in Angst und Schrecken? Terroristen lähmen einen grossen Teil der Europäer, die daraus resultierende extrem ge-

steigerte morbide Aufregung geht über in einen hohen Grad der Angst und andere starke menschliche Gefühle? Verbraucher und hedonistische Kultur haben ein System kultureller Verbote ernsthafter und tiefer Sorgen und ursprünglicher tausendjähriger menschlicher Emotionen wie „Sehnsucht“, „Trauer“, „Angst vor dem Mangel an Geld“, „Bitterkeit unerwidelter Liebe“, „Abgrund der Realität“, „Tod eines nahen Angehörigen“, „Arbeitslosigkeit“ entwickelt. Sie werden aktiv aus dem Bewusstsein verbannt, verschweigen, und in ein Verbraucherprodukt verwandelt — in ein anonymes und billiges Alltagsprodukt.

Jeder von uns hat die Ereignisse von Paris, Brüssel, Nizza und München vor Augen. Wer und was versetzen die Bürger in den hysterischen Zustand der Panik? Das Messer, eine Axt, eine Pistole, Maschinengewehr, eine Bombe, ein LKW! Und morgen kann es ein Ziegelstein sein! Keine Worte, nur das reicht um Angst zu erzeugen, denn jedes dieser Elemente bringt den Tod, den Tod eines oder dutzender Menschen. Aber das Grauen ist nicht der Tod im Krieg, nicht auf dem Schlachtfeld, der Tod eines unschuldigen Menschen auf der Strasse in einem Restaurant, in einem Wohngrundstück lähmt unseren Verstand. Die Medien, eine Küche, die uns jeden Tag eine unendliche Mischung aus verschiedenen Zutaten serviert, und dennoch, jeden Tag der gleiche Geschmack.

Die Frage ist: wir haben schreckliche Angst vor dem Messer, aber vergessen wir dabei nicht uns zu erinnern, dass wir auf einem Arsenal von Atomwaffen sitzen? Ich fragte sie, Nachbarn in Hamburg, St. Gallen, Moskau, Haifa, Barcelona, Zugdidi, zwei Fragen: — ob sie die Kraft einer Atombombe kennen? Die gleiche Frage richtete ich an Chinesen, Engländer, Franzosen, Amerikaner und Af-

roamerikaner. Die Antwort hat mich nicht überrascht — einstimmige Wörter wie „awesome power“. Und „wie viel Menschen können dadurch zugrunde gehen?“ Antwort: „Eine Menge“ Die Welt hat das leistungsfähige Programm „Nuclear Education“ völlig vergessen. Vergessen oder vergessen gemacht. Aber die Aktivisten der Anti-Atom-, Anti-Kriegs-Programme aus den 70er bieten umfassende Informationen über die Welt der bestehenden nuklearen Bedrohung kerntechnischer Anlagen und Wasserstoffbomben. Die Bewegung gegen Atomwaffen hat hunderte von Millionen Menschen mobilisiert. Wie sonst, wäre ihnen bewusst was eine mächtige Atombombe, 100 Mt, in einer Fläche von 2.500 Quadratkilometern alles zerstört. Eine Wasserstoffbombe mit einer Kapazität von mehr als 100 Mio. t zerstört alles in einer Fläche von 3.500 Quadratkilometern. Bedenken Sie diese Zahlen! Noch einmal! Heute werden Massenvernichtungswaffen in die Richtung verbessert, ihre Vernichtungskraft zu erhöhen. Hiervon sind viele Tausend Menschen betroffen. Zur Erinnerung, vor dem Schützen in München flieht ein Strom von Menschen, Dutzende von Menschen vor der Axt aus der bayerischen Bahn, zehntausend vor einem ausser Kontrolle geratenen LKW in Nizza und so weiter. Einem Nuklearangriff kann man nicht entkommen, man kann sich nicht verstecken, nicht weglaufen, nicht weg fliegen, nicht nur man selbst, sondern auch Ihre Eltern, Frau, Kinder, Ihre Grossfamilie, alle Mitmenschen Ihres Landes, Ihres Kontinents, Ihres Planeten. Und es gibt keinen Wahnsinn, keine verrückte Aufregung! Ein Messer, eine Pistole, Ziegel ... — verursachen Panik!

Es ist notwendig, die Anti-Atom-Bewegung in unserem Land, in Europa, in allen Ländern der Welt wiederherzustellen. Friedensmärsche, Kundgebungen gegen Militär-

programme, Prozessionen für die vollständige Abschaffung von Atomwaffen wiederzubeleben.

Ich, Du, Sie, wir alle wollen leben! Aber leben auf einem Atomarsenal sitzend — eine sehr gefährliche Sache für uns und unsere Kinder, Familien, Nationen, Kontinente und die ganze Welt! Gott sei Dank, wachten wir buchstäblich auf, stürzten in einen hysterischen Anfall wegen eines Messers und einer Axt, und schliesslich haben wir nicht vergessen, dass sich Wasserstoff- und Atombomben gegen jede einzelne Person auf diesem Planeten richten.

Heute spielt es keine Rolle auf wen sie gerichtet sind — alle werden sterben, der ganze Planet!

В это короткое сочинение я не вкладывал симпатии к человеку. Мои слова — не будильник, приводящий читателя в чувство после глубокого сна, не предупреждение о смертельной угрозе его будущему. Эти мотивы мне совершенно несвойственны. Человек для меня не связан с образом любимого существа, — этот вид, когда я о нем размышляю, всякий раз вызывает у меня глубокую печаль, отчего порой сжимается и болит сердце. Я уверен, что и эту статью никто ни в одной стране мира не опубликует. Ее выбросят в корзину, как все другие полезнейшие советы многочисленных умнейших людей истории. Нож — нечто конкретное для существа в 60 НИС, а водородная бомба — за порогом массового сознания. Подул легкий вечерний ветерок; я, ощутив слабый аромат степи, успокоился, начал продумывать новую транспортную логистику межгалактических связей, запутался в просторах Вселенной, стал вялым и погрузился в сон, который всегда был одним из приятнейших состояний моего затворничества. Проснулся я

в привычном возбуждении: следовало торопиться в Астрахань. Нельзя объявить себя творцом и автором такого грандиозного проекта, если не замечаешь времени или тратишь его впустую. Я не стал расходовать полчаса на завтрак и прямо на ходу рвал ягоды с кустов, что попадались по пути. Воду в степи найти было трудно, я включил навигатор и взял западнее к Волге, планируя, что к вечеру окажусь на ее берегах. Оттуда уже до Астрахани рукой подать. Вдруг мне в голову пришла неожиданная мысль: способны ли интерфейсы конкурировать с Соло Моно? Я знаю ответ, но этот вопрос все же возникает в сознании, пусть и не часто. Я как-то пролистывал книгу Ричарда Уотсона «Будущее». Может быть, он и талантливый предсказатель, но горизонт его обзора не более 15–20 лет. Мозг-машина не способна соперничать с Соло Моно, моим приемным сыном. Для конструирования такого устройства необходимы сотни первоклассных программистов. Первая версия мозг-машины, вторая, третья, четвертая, пятая версия... А когда очередная модель этой линейки сравняется по мощности интеллекта с ИС («эйч ай си») человека, а то и превысит этот показатель — такой момент обязательно наступит, ведь технический прогресс способен остановить лишь сам человек, — то мозг-машина вступит в спор с командами своего владельца. И спор этот не всегда будет мирным, доброжелательным, а скорее станет агрессивным. Одним словом, на очередной модификации машины, которая не станет повиноваться своему владельцу, проектировщики останутся. Какую команду можно дать первой версии? «Включи ТВ», «Пожарь картофель», «Убери квартиру», «Постирай белье». Вторая версия: «Поищи в Интернете

для меня джинсы», «Купи мне любимый сыр», «Управляй автомобилем», «Прибери мне билет на поезд в Гамбург». Третья версия еще более усложнится. Пойдут другие команды: для ленивых пузатых мужчин — «Переспи с моей женой». А также: «Напиши за меня дипломную работу», «Сшей мне модную рубашку в стиле ретро», «Дай прогноз погоды на май следующего года», «Поставь диагноз — почему возникла головная боль». Четвертая версия станет совсем мудрой: «Спроектируй мне автомобиль», «Напиши мне стихи в духе Вяземского», «Посчитай размер Вселенной», «Разработай проект защиты берега от цунами», «Высчитай, какой слой земли необходим в случае повышения уровня Мирового океана на полтора метра для спасения Великобритании», «Подготовь план строительства тоннеля между Европой и Африкой», «Проведи операцию по удалению желчного пузыря»... Пятая версия: «Спроектируй мне космический корабль многоцелевого использования», «Высчитай расстояние между галактикой Бode и объектом Мейола», «Расскажи, с какой скоростью расширяется или сжимается наша Галактика — Млечный Путь». Шестая версия тоже возможна, но не для гомо сапиенса. Его сознание не способно задать такие вопросы, ответы на которые не дадут никакой пользы. И еще: каждая цивилизация, а на Земле их 4 — 5, станет создавать свои версии, корреспондирующие со своими культурными, религиозными, этническими традициями. Опять конфуз: мозг-машины начнут вступать между собой в полемику, враждовать, создавать друг другу самые неожиданные проблемы. Как некий промежуточный этап подобные разработки, конечно, займут свое место на рынке, но их присутствие будет кратким

и даже трагичным, дольше трех-четырех поколений сивомасковцев они не выстоят. А если устройство снабдят чувствами, то ревность усугубит отношения между «владельцем» и «исполнителем». И уже в недалеком будущем гомо сапиенс перестанет обращаться к разработчикам программ для апгрейда своих мозг-машин. Они не представляют свои интеллектуальные пределы, а мне таковые хорошо известны. Поэтому сам рынок в этой сфере сократится. Но главное, даже наиглавнейшее — сложными версиями мозг-машин смогут пользоваться не больше 5 процентов из 8 миллиардов гомо сапиенсов. Если до XXI века социальные группы складывались больше по материальному и родословному ранжиру, то теперь раздел между ними значительно обострится. Кто станет пользоваться первой версией? Люди с 40 — 50 НИС. Но если они уберут из своего обихода основные функциональные программы, то с чем останутся? Свет включается по голосу, картофель жарится по указке, чай подается к столу по команде. Скука, тотальное пьянство, деградация и могила. А это самая массовая группа, составляющая более 50 процентов в общем ресурсе народонаселения, то есть это около 4 миллиардов человек. Потребитель второй версии — субъект с интеллектом под 60 НИС, а таких 20 процентов населения планеты. Чем он займется в свободное время? Ведь машина освободит сивомасковца от простых функций, а собственный ограниченный интеллект не позволит загрузить мозги чем-то более сложным. Например, поручить сконструировать атомную станцию. Нереально. Снова скука, тотальное пьянство, деградация, могила. Что с третьей версией? Скажем, субъекты с 70 НИС, а это еще 20 процентов от общего числа гомо

сапиенс. Тоже функциональный провал! Четвертая версия — тут нужны мозги с 80 — 100 НИС; таких на Земле 7 — 9 процентов. Гомо сапиенсы этой группы милы, общительны, читают серьезные книги, слушают классическую музыку, но и здесь будет тот же диагноз: вымирание! Искусственный интеллект начнет конкурировать с ними, побеждать не столько умом, сколько комфортом, а этот тотальный сервис как раз и погубит человека. Пятая версия? Здесь необходим интеллект свыше 110 НИС — таких на Земле не больше 1 — 2 процентов. Эти люди одиноки, они ютятся, словно крысы, в недрах шикарных особняков или в глухих лесах на разных континентах. И они от безделья загнутся! Ведь редкое животное, родившееся и повзрослевшее в зоопарке, сможет адаптироваться в дикой природе. Они погибают! По мере развития мозг-машин, появления новых и новых их версий нечто подобное произойдет и с сивомасковцами. Они не выживут! Если спартанцы побеждали врага хитростью, то жертвовали своему богу Арею быка; если побеждали в открытом бою, жертва была скромнее — петух! НИС ценилось и в далекой древности. Нынешние умники вроде Ричарда Уотсона хотят доверить интеллект мозг-машине. По моему мнению, если мозг-машина будет обладать свыше 70 НИС, начнется вымирание вида гомо сапиенс. Кто-то из мудрых немцев заметил: «Не ищите Бога вне себя!» Умная реплика. Я добавил бы к этому, не претендуя на афоризм: «Если ты не веришь, что ты и есть Бог, то твой интеллект никак не выше 90 НИС». Любая религия — тем более зороастризм, буддизм, язычество — с доисторических времен и до нынешних всегда ограничивала людей в том, чтобы полагаться на свой интеллект, а не на

нечто высшее, что называется мистическим именем Бог. Религия тяготеет над реальностью, беспардонно ее искажает. Время вскроет истину! Это ее единственный удел! Дуэль между интеллектом и религией в последнее время обостряется. И я тоже айкьюшный дуэлянт. Мое единственное оружие — сознание. И нет для меня ничего более чуждого, чем все современные верования. Федор Махоркин не любитель осуждать сивомасковцев, я считаю достойными собственные идеи и их решения. Откуда они берутся? Ну, скажем, из эфира моих флюидов и, видимо, из Космоса. Далекого и близкого. Но вполне возможно, что кто-то их нашептывает. Кто это может быть? Может быть, это мой собственный голос? Я же не мистик, не автор, описывающий художественным слогом окружающую действительность, я — материалист и аскет, в мистику не верю, более того, разгул таких чувств, как экстаз от воображаемого соприкосновения с некими сверхъестественными силами, причинил бы Федору Махоркину невообразимые страдания. Погасшие лучи солнца, сгустившиеся тучи, когда предметы становятся почти неразличимы, тайга в полярную ночь с ее колючим мраком — все это несколько не пугает меня. В темноте мне ничего не мерещится, и эта храбрость возникла сама по себе, без воспитания мужества и воли, а истоки моего бесстрашия просты: я неверующий. Если знаешь, как выстроена материя, если понимаешь незыблемые законы физики и многомерные процессы реальности, мистические фантазии никогда не посетят твой разум. Это у верующих перед глазами и в сознании постоянно возникают химеры. И чем чаще такие богомольцы читают молитвы, тем реже они надеются на свои мозги и собствен-

ную уникальность, тем сильнее их внутренняя скованность и надежда только на Него. За этим, в сущности, стоит опустошенное сознание, лишенное счастья выполнять величайшую миссию — совершенствовать собственный биологический вид средствами науки будущего. Высший в мире господствующий закон и вера — исключительно интеллект! И больше ничего! Ничего нет больше, и ничего нет выше! Чем богаче сознание, тем оно и ближе, если хотите, к понятию Божественного! Чудо, чудеса — это только преломление интеллекта и ничего мистического! Богом можно будет назвать Соло Моно, если его интеллект достигнет тысячи НИС. Сознание, способное реально влиять на человеческий быт, устранил его несправедливость и жестокость, качественно, радикально улучшит среду обитания сивомасковцев, так что жизнь их станет спокойной и праведной. Нынешнее же положение никак не изменить молитвами существ, имеющих лишь 70 НИС! Мир — как вещь в себе, а ты сам — Соло Моно, только в этом случае откроется гармония Вселенной. Вон из головы изношенные слова молитв о Божьей помощи, дайте Федору Михайловичу финансирование, и будет создан новый вид — гомо космикус, или Соло Моно. А тем, кто подчинил свое сознание религиозным доктринам, полезно знать: в их мозгах не остается места для истинной науки. Их денно и нощно окутывает, держит в плену магическая тень лжеучений. Вдруг я уловил какие-то непонятные звуки. Я прислушался и понял, что это плеск щедрой волжской воды. Течение великой реки никак не складывалось в мелодию, которая оставалась бы в памяти. Волга постоянно меняла свои тона. И тут мне пришло в голову, что такая дисгар-

мония способствует трансмутации сознания — например, переводу поиска сложнейших математических решений в долларовые эквиваленты. Если Пенталкин отклонит финансирование моего проекта, может, мне самому заняться бизнесом и заработать копейку, чтобы сполна обеспечить себя? Идея неплохая, но со своими вывернутыми наизнанку мозгами, отдалившими меня от сивомасковцев, я вряд ли смогу вернуться к своему виду, к которому отношусь по праву рождения. Ведь для меня наука — наилюбимейшее занятие, и в моем сознании непрерывно вырабатываются и выбраковываются разные подходы, способные привести к успеху создания Соло Моно. Мысли входят в мою голову неведомой дорогой из Космоса, и так в уме рождаются верные решения. Озарения настолько быстротечны, что я не смог бы переключивать их на бумагу или планшет. Я успеваю удерживать их лишь в памяти и там же архивировать. Мне казалось, что я единственный субъект среди землян, постоянно находящийся на связи с Универсумом. И мыслить в другой ипостаси, например войти в роль предпринимателя, было бы для меня невозможным и чрезвычайно вульгарным делом. «Но деньги-то нужны! — корил я себя. — Где их брать, если встреча со спонсором окажется напрасной? Не даст никакого результата! Взгляну на Волгу, может, она отвлечет меня от наваждений». Я оглядел берег реки. Он был усеян весельными полуразбитыми лодками, на которых отлеживались рыбацкие снасти. Голова у меня отяжелела. В ней не было ничего, кроме кипучих планов предпринимательства. Один из сюжетов стал разрастаться, наполняться бизнес-подробностями. Я постарался изобразить на лице улыбку, дескать, это

совершенно не моя тема, так что, пожалуйста, избавь себя от таких ненужных деталей. Но увы! Как я ни старался, глюки, навеянные темой бизнеса, не исчезали. Более того, у меня возникли даже некие видения — а именно внушительные пачки денег. Неожиданное вторжение в сознание массы купюр я посчитал оскорблением. У меня даже вырвался поток бранных слов. В чем дело, черт подери, почему вдруг меня одолела эта ерунда, и еще так бесцеремонно? Разум мой всполошился, однако кадры банковских операций так и продолжали мелькать в воображении. Сколько усилий потребуется, чтобы выбить из головы эти навязчивые картинки? Наконец мне удалось вытеснить глупую пошлятину из своего сознания и освободить просторы разума. Я успокоился и вернулся к заветному Соло Моно. Я подумал, что необходимо начать работы по измерению активных мер перемещений на оптическом интерферометре. Применение оптического зонда, в котором свет будет сжат до нескольких пико- или даже фемтометров, открывает колоссальные возможности. Первое: оптические измерения с разрешающей способностью вплоть до фемтометров — это в десятки тысяч раз лучше предела возможности оптических наноскопов. Второе: бесконтактные, не разрушающие вещество измерения годятся для материалов всех типов, от проводников до диэлектриков, от прозрачных до непрозрачных. Применение светового потока в зонде вместо механического острия иглы современных атомно-силовых микроскопов избавит от опасности механических повреждений исследуемых объектов сверхмалых размеров — фотонов, бозонов и прочих. Эти исследования позволят создать аттометровый пин-

цет, способный перемещать элементарные частицы и конструировать Соло Моно. Мезон, глюон, гравитон, андрон — опять и опять склеиваю их в атом, потом формирую второй, третий, пятый... Получаю молекулу, вторую, пятую. После этого начинаю из молекул лепить клетку, одну, другую, десятую... И так из всех сотканных клеток рождается мое детище. «Мне нужны финансы! — неожиданно для самого себя закричал я. — Срочно! Немедленно!» Шум волжской воды, видимо, поглотил мой отчаянный крик. Наступила тишина — казалось, от важности проблем и Волга замерла. Жар, охвативший меня, стал остывать. Поклоняясь культу науки, я прежде всего, возможно как-то даже бессознательно, ценил тишину. Затрудняюсь определить, откуда возникают в моем сознании идеи и пути их реализации, которые легко устраняют разные страхи. Одиночка, отшельник, лицо без социальных требований, без иерархических претензий и сочувствия к самому себе, я поглощен лишь наукой и планами создания невероятного по значению детища. Это моя особенность. Сейчас, полный радужных ожиданий и надежд на спонсора, на его великодушие и чуткость к передовой научной мысли, я торопился в Астрахань. И в этом походе на юг меня временами охватывает невыразимое наслаждение — когда я предвкушаю, как меценат Пенталкин оказывает мне безоговорочную поддержку и становится соавтором проекта. Предложение о соавторстве и партнерстве я готов ему сделать. Если без денег нет продукта, то сивомасковец, который их предоставляет, может или даже должен стать полноправным партнером... При таких мечтаниях у меня спадает напряжение, возникает эйфория. Вот уже Федор

Махоркин покупает новейшее мощное оборудование и приступает в своей лаборатории к сложным экспериментам. Стартует сборка, сборка моего приемного сына! То есть начинается практическое выполнение главной миссии моей жизни! И я уже нисколько не сомневаюсь, что появление на свет самого Федора Михайловича имело высший вселенский смысл. Как у неандертальцев когда-то появился свой Махоркин, спроектировавший гомо сапиенса, так и у сивомасковцев возник Федор Михайлович, проектант более совершенного вида, спешащего на смену нынешнему, — Соло Моно. Я был зачарован этим ярким сюжетом. И в этом не было ничего эксцентричного. Тут неожиданно, а мысли ко мне всегда приходят невзначай, я задумался: какое состояние согражданина мне особенно неприятно? Какой самый популярный стереотип, крепко сидящий в их сознании, — самый дурацкий, или, скажем политкорректно, глубоко ошибочный? Конечно, это обстоятельство меня интересовало в контексте проектирования Соло Моно. Требовалось заранее определить, чего из привычных желаний гомо сапиенса не будет позволено иметь новому виду. Я бы начал с того, что лишил бы его пунктика в мозгу, вызывающего у сивомасковца желание петь! Разумеется, я имею в виду не исполнителей классических шедевров, владеющих великолепными голосами уникального звучания, вроде Соткилавы, Каррераса, Доминго, Паваротти, Гробана, а бездарностей, поющих на эстрадных площадках, на вечеринках, за праздничным столом или просто без повода, поглядывая в зеркало. Когда голова пуста, а душа заполнена эгоистическими сентиментальными чувствами, человек обычно начинает напевать. Поющие на

веселье или в печали для меня прежде всего субъекты с 50 НИС («эйч ай си»). А такой народ мне совершенно неинтересен. При беглом взгляде на поющих у меня всегда вырывается мрачная реплика: «Тебе бы поплакаться на собственное несовершенство, а ты не имеешь мозгов, чтобы это понять и оказать мне финансовую помощь! Твоим-то наследникам будет лучше!» А самое дурацкое клише сознания — это, конечно, неистребимая вера в загробную жизнь. Придумали страшилку о вечной жизни в аду! Или примитивную обманку о ковровой дорожке в рай! Этим тысячелетним мифом гомо сапиенс непоправимо затормозил собственное развитие. Ведь мир представляет собой вполне познаваемую сущность! В нем нет таких пространств и категорий, куда можно перемещать усопших за грехи или за благие дела. Впрочем, высокий интеллект неизменно вызывает у сивомасковцев недружественность, а порой и враждебность... Когда я оказался в степи, сразу обратил внимание на высокую желтую траву, а пару дней спустя вдруг задумался, почему в начале августа она уже такая усталая на вид. Известно, что в южном Заволжье она высыхает к концу второй декады августа. Я вспомнил дискуссии и прогнозы касательно изменения климата и существенного повышения средней температуры на планете. А как иначе, ведь Северный магнитный полюс, несколько столетий располагавшийся в ледяной пустыне Канады, нынче со скоростью 65 километров в год движется к Сибири. За последние 100 лет Арктический магнитный полюс уже сместился на 600 километров. Так что до очередного земного кувырка осталось не так уж много, ну, скажем, лет 300 — 400. А мировое потепление — это прежде всего следствие увеличения

скорости вращения Земли, вызванное изменением наклона земной оси. Что это значит? Сокращаются сутки. Вначале на 30 минут, потом на 60, далее на 100, 200 и так далее. Ветхозаветные источники сообщают, что библейские персонажи и их современники жили по 700 — 900 лет. Конечно, если сутки сокращались в 10 — 15 раз, то сивомасковцы могли проживать такой срок, но он никак не превышал изначальный, заложенный генами купажами средний человеческий возраст — 70 лет. Что будет делать гомо сапиенс, если температура на планете увеличится хотя бы на 3 градуса Цельсия? Площадь земной тверди в этом случае сократится на 11 процентов за счет уменьшения ледяной массы на полюсах, а это, в свою очередь, поднимет уровень зеркала воды в океанах. А если на 5 градусов? Но вполне возможно и на 7 — 9! Сегодня порог выживаемости гомо сапиенса — температура плюс 57 градусов в течение 4 — 5 часов. А для слабых здоровьем — не дольше 1 — 3. Всех посадить за кондиционеры — нелепое предложение. С учетом реалий практики, науки и энергоресурсов оно выглядит просто издевательским. Но дольше люди не способны выжить. Надеюсь, уже недолго им пребывать в невежестве. Презентовать свой проект, проводить дискуссии о нем с моими современниками нет никакого смысла. Ведь сивомасковцы не пример эволюционной дороги к совершенству, как некоторые профессора, укрепляющие этой мыслью свой разум, уверенно утверждают. Гомо сапиенс — это прежде всего некий ряд постоянно сменяющихся субъектов биологического строительного материала. А его количество в природе безгранично. твори! Дерзай! Или за тебя это сделает слепая природа! Поэтому тут решение однозначно!

Срочно нужно Соло Моно! Оно будет способно существовать, активно мыслить и свободно перемещаться по всем галактикам при температурах от абсолютного нуля до плюс 3 тысяч градусов. Чтобы его создать, необходимо всего-то около 5 миллионов долларов! За работу я не требую оплаты, за успешное выполнение проекта не жду гонорара. Мне достаточно скудной пищи и обносков. Пусть другие поют, блистают улыбками, рядятся в яркие одежды, украшают себя драгоценными камнями, щеголяют якобы светскими оборотами речи при загадочной пустоте смыслов, верят в загробную жизнь и не хотят даже прислушаться к Махоркину. Да и кто поймет? Так мало разума на планете! Немудрено, она же заселена только сивомасковцами. Здесь исключена беспристрастность сияющего разума. Земля — это ареал чувств, в основном низменных и эгоистичных. Поиск истины для гомо сапиенса — это не напряжение сознания и прорывы недремлющего интеллекта, а разведка и определение чувственного, а оно как поверхность, изрытая бороздами нескончаемых искривлений. Я погружаюсь в усталую задумчивость. Замечаю, что воздух уже не сверкает солнечными брызгами. День стал быстро стареть, сморщился, степь сузилась, волжская вода почернела, слилась с густыми сумерками, и мои шаги отяжелели. Я знаю это состояние предсонного удовольствия. Подкладываю под голову охапку нарванной сухой травы, и сразу вожделенное таинство забытья окутывает меня очарованием безграничных творческих замыслов. Я еще успеваю подумать: не желаю во сне вступать в полемику, что математика является чисто сивомасковским изобретением и никак не отражает законы галактик. Куда полезнее предвидеть

мистерии идей, подсказывающих, как конструировать мое сверхсущество. Засыпаю и уже вижу нанопинцет, расторопно складывающий кварки в элементарные частицы, атомы, а атомы в молекулы. Мой сон не менее богат на параноидальные фантазии, чем видения наяву. «Если отсутствует творческий импульс, нет никаких шансов увидеть успешный финал», — произнес я беззвучно и провалился в сон. Когда я открыл глаза, тучи толпой, обгоняя друг друга, неслись на юго-запад, к Каспию. Утреннее небо выглядело мрачным и беспокойным. Мир будущего и реальность окружающего вели меж собой жесткий беспрецедентный спор. Я поднялся, избавляясь от наваждений, отряхнул приставшие травинки и взял курс на Астрахань. Поздно вечером я должен был вступить на окраину этого города. В степи ни души, не слышно пения птиц, замерли волжские циклады. Степь пуста, как моя обыденность. На сердце была какая-то тяжесть — завтра у меня расстрельная встреча со спонсором. Ведь мне придется встретиться с человеком из другой цивилизационной системы. И общение будет чрезвычайно сложное. Ничуть не легче, чем провальный диалог между представителями разных современных цивилизаций. Культурологи и социальные эксперты считают, что ныне в мире происходит информационная революция, которую они называют «новым цивилизационным обменом». Якобы в этот процесс втягиваются страны с разными религиозными, этническими, политическими взглядами. Я этого не замечаю. Картина современного мира убеждает совершенно в другом. Североатлантические страны присвоили, а может, и выкупили себе право возглавлять мировые цивилизационные центры и диктовать остальному челове-

честву условия развития, исходя из собственных политических интересов и новой глобальной идеологии. Именно подобной шовинистической философией провоцируются многие военные, политические и гуманитарные кризисы современности. Сивомасковцев история собственного вида ничему не учит — империи создаются, доминируют, погибают. Почему, впервые подумал я, восточные гомо сапиенсы не задумываются, не обсуждают, не критикуют положение, в котором сами оказались? Ведь почти все мировые цивилизационные центры находятся под управлением североатлантистов, в их домах, на их улицах, в их городах, в их странах? Что они, умнее, благороднее, образованнее, человечнее китайцев, израильтян, японцев, русских, вьетнамцев, персов, индийцев, грузин, турков? Что, их улицы, дома, города чище, светлее, а природа богаче? Что, у них царят закон и порядок? Нет убийств, краж, грабежей, оскорблений личности?.. Что, в восточных странах нет зданий для размещения судов, нет транспортной инфраструктуры, лечебных центров? Все это есть, и нередко качеством даже выше! Разве обозначенный мной перекокс не являет собой матрицу цивилизационного шовинизма? 800 миллионов «избранных» игнорируют или принижают остальные 7 миллиардов жителей планеты. Мне страшно смотреть на снимки в Интернете, показывающие, как испанцы страдают от современных варваров из Британии. Одна фотография мне особенно запомнилась, и, как ни противно было мне изображенное на них, чтобы убедиться, что этот вид надо срочно менять, заставил себя разглядеть все детали. Юная англичанка за порцию коктейля прямо перед барной стойкой публично оказывает услугу в

форме орального секса своим соотечественникам. Между прочим, их десятка два, и они терпеливо стоят в очереди в ожидании «удовольствия». Это делалось не для того, чтобы эпатировать публику, не ради желания шокировать окружающих, а чтобы выразить особенность «новой цивилизационной матрицы», в которой для проявления сексуальных влечений нет и не может быть никаких моральных ограничений. Китаец, израильтянин, немец, русский, перс, грузин, кореец, турок как минимум увел бы эту девицу, будь она с ним одной нации, подальше от посторонних глаз, чтобы не позорить свою страну. А британцы невозмутимо выкладывают эти и подобные свидетельства безграничного разврата даже в Интернете. Газеты испанских курортных городов довольно часто публикуют красноречивые снимки и размещают их в соцсетях: например, утром поливальные машины струей холодной воды будят пьяных полуголых британцев, спящих на тротуарах и на городских газонах. Среди этих «отдыхающих» молодые и старые, женщины и мужчины. Преобладающая часть человечества, оставленная без цивилизационных центров, испытывает при столкновении с подобной «высокой культурой» моральный стресс. А во мне такие сюжеты, чаще получаемые онлайн, укрепляют мотивацию как можно быстрее приступить к материализации Соло Моно, моего приемного сына. Ведь деградация сивомасковцев продолжается с невиданным размахом. А это в органическом мире обычно заканчивается полным крахом. В нашем случае — исчезновением вида. Да-с, все глубже становится пропасть между гомо сапиенс и Соло Моно. Взрывная сила моего протеста ускоряет работу над созданием хозяина Вселенной. «Что

вреднее всякого порока?» — спрашивал Фридрих Ницше. И отвечал: сострадание к неудачникам и слабым. Это, конечно, не точная цитата, но в памяти сохранилась именно эта его мысль. Верный своим намерениям, я продвигался дальше к Астрахани. Окраины города уже можно было различить. В моей душе постепенно нарастало волнение от ожидания решающей финансовой дуэли. Мир денег я знал плохо, но цель у меня была одна — соглашаясь на любые условия, получить финансирование для научных разработок по моей теме. А в какой реальности я окажусь позже? В яви реализованной мечты, счастливым конструктором межгалактического существа, в котором расцветет фантастический дар хозяина Вселенной? Или субъектом с разбитыми иллюзиями и зачерствевшим сердцем, вот-вот готовым отправиться на ржавой повозке в могилу? Ждать осталось совсем немного. Ни в первом, ни во втором случае мир, конечно, не обратит внимания на эти события. Мир не поймет значения появления Соло Моно и не бросит и взгляда на безымянный труп, сброшенный в яму. В этом положении рассчитывать на равновесие сознания было бы неуместно. Людские массы живут своей привычной жизнью, ареал их обитания обнесен стеной загадочного Космоса. Я никогда никого не пробовал вербовать, покорять своими идеями, очаровывать улыбкой, которая у меня редко появляется на губах, гипнотизировать жаркими речами, которым я не обучен; и в этом, если честно, я вижу свою слабость перед встречей со спонсором. Но как научиться этому в такие короткие сроки? Я очаровываю исключительно самого себя разными подходами к задаче по перемещению сверхмалых строительных материалов, из которых

мечтаю сложить сверхсущество. Сивомасковцев, с которыми имел бы я приятельские отношения, просто нет. Разумное существо во мне видит, может быть, только одна библиотекарьша из Сивой Маски. Всё! Поэтому у меня нет никакого опыта общения с ними. А такой опыт сейчас очень бы пригодился. Ведь с миром я контактирую, по сути, только через Интернет, а узнаю мир через книги. Я убежден, что на этой планете нет ни одного такого типа, как я, вдохновленного необыкновенной мечтой — создания межгалактического Чингисхана. Это имя с монгольского переводится как «бескрайний хозяин». Почему это вспомнилось, ума не приложу. Вроде в голове крутились другие мысли. Вдруг в лабиринтах моего сознания начали вперемешку выстраиваться два возможных финала встречи с Пенталкиным. Один — стремительное и триумфальное начало работ по сборке Соло Моно. Второй — полное угасание и — как итог — безвестность. Пенталкин не может отказать. Ведь невозможно представить, что меня побуждает самозабвенно заниматься сложнейшей конструкцией сверхсущества нечто чуждое природе. А если моя страсть и вдохновение действительно представляют собой реакцию на какой-то внешний импульс, то он может возникнуть и в мозгах у спонсора. Слабак я — с испуга впадаю в иррационализм! Пытаюсь утешить себя иллюзией. У сивомасковцев никогда не возникнут новые, более мощные, чем сейчас, интеллектуальные возможности. С какими задатками они появились на свет, с теми и канут в Лету — подобно всем предыдущим видам биоорганизмов. Так или иначе, встреча со спонсором будет тяжелой. Ведь аппетиты гомо сапиенса на все виды собственности сродни раз-

рушительным циклонам. Эксперты порой, не жалея красок, рассказывают на телевидении об этих циклопических силах, способных уничтожать города, превращая их в подобие страшных сюрреалистических фантазий, как это происходит хотя бы в нынешней сирийской повседневности. Главный вопрос для Пенталкина и для всех других сивомасковцев — время возврата денег и размер дивидендов. А что тут ответишь, если эти материи для меня трансцендентны. Один из гомо сапиенсов Иван Тургенев в своей повестенке «Дневник лишнего человека» высказался в таком духе: если человеку хорошо, то его мозг весьма мало действует. Такая мысль, как никакая другая, компрометирует данный вид — это первое. А второе — она убеждает меня, что во мне весьма мало от гомо сапиенса. Ведь мне хорошо только в том случае, если мозг воспален и выдает вдохновенные идеи. Я тут же умер бы, если бы хоть минуту пробыл в бездумном состоянии. Осознание этого обстоятельства вывело меня из себя. Я взглянул на золотистое поле, напоминающее под солнцем яркий ковер; оно слепило глаза и вызывало тревогу своей необозримостью. Разнообразные зверьки сновали и ползали под моими ногами или шныряли в норы. Как я отличался от них, несясь навстречу неизвестности в ожидании приговора, который решит мою судьбу! Я не позволял себе взглянуть в зеркало, чтобы не увидеть свое невзрачное запыленное лицо. Еще никогда я так безоглядно не испытывал фортуны. До последнего времени я твердо верил, что все сбудется, и не подвергал линию жизни даже малейшему сомнению. Мне было все равно, как я выгляжу, потому что я был уверен в том главном, что меня только и занимало. То же и с судь-

бой — не важно, какими изгибами она пойдет, я был убежден, что добьюсь цели. Правда, и тут сказывалась некоторая моя особенность: чем ближе я подступал к теоретическому обоснованию проекта Соло Моно, тем отчетливее ощущал, что сам я уменьшался в размерах, что во мне не 170, а 160, и даже 155 сантиметров роста, и тем громаднее становилась в моем воображении Галактика. Все остальное отступало перед ее видением. В такие минуты меня посещает вздорная мысль — я воспринимаю себя исключительно как создателя сверхсущества, которое абсолютно уникально для Вселенной. Не сумасшествие ли это, не паранойя ли? Я замыкаюсь в самом себе, другие миры меня совершенно не интересуют, и вожделею я лишь скорейшего осуществления своего замечательного проекта. Без него у меня нет ничего, он так велик, что заменить его нечем, а значит, и жизнь не нужна и бессмысленна! Толпа профессоров обзовет меня самыми обидными словами. Я буду в их глазах олигофрен, дебил, кретин, имбецил, полоумный, шизик, безмозглый, придурок и так далее до бесконечности. Я бы не спорил с ними — может, так и есть. Не придет же в голову даже высокообразованному человеку создавать нечто подобное, чем так озабочен я, не имеющий ни о чем другом желаний и помыслов. И не погоня за славой, не гордыня сжигают меня. В голове гвоздем сидит лишь одна идея — Соло Моно! Путь от интеллектуальных усилий до завершенной модели обычно хранят память и техническая документация. А что останется от моих научных решений, если я, так и не материализовав их в законченное изделие, отправлю себя на тот свет? Разум? Но я заберу его с собой. Что еще? Больше ничего! Только реальные тво-

рения могут быть бессмертны, а идеи, планы, размышления и озарения — все это ветхий мусор, которым даже старое ведро не наполнишь. Выложить все задуманное на бумагу? Но кому и куда передать этот ценнейший творческий багаж? В Академию наук? Там те же профессора, готовые пригвоздить меня известными ярлыками. Тут я поставил перед собой вопрос: стоит ли добиваться триумфа моих изыскательских работ всеми средствами, включая служение религиозному культу, согласие на рабство у кого-либо из богатеев, страдание, смену мировоззрения? Или даже совершенные ради успеха поступков, исходящих из низменных свойств природы гомо сапиенса, в которой плоть и страсти стремятся подчинить себе разум? Если нет, как сейчас выражаются, целеполагания, то нет и нравственных правил по отношению к самому себе. Но у меня наличествуют и первое, и второе. Как же ответить на собственный вопрос? Я-то убежден, что моя высшая интеллектуальная сила есть лишь стихийное явление и никак не больше. А если дело обстоит именно так, я должен разрешить себе все поступки вне какой-либо зависимости от их нравственного содержания... Стихия! Но я не могу! Не хочу! Не желаю себе это позволять! Понятно, Махоркин? Так что же во мне преобладает? Сивомасковский генный купаж или сверхсивомасковский? Это проблема, с которой я постоянно сталкиваюсь! Такому типу, как я, которому испорченность сивомасковцев мерещится из всех щелей, было бы особенно жутко хоть на мгновение остановиться на первом варианте. Сильного гомо сапиенса всегда осуждают все религии. Им нужен беспрекословный адепт, а какая материальная польза от вольнодумца? Религиоз-

ные сообщества — это прежде всего субъекты хозяйственной деятельности. Чем ниже НИС («эйч ай си») у сивомасковцев, тем ближе они оказываются к господствующему вероучению. Больше всего меня возмущает религиозная доктрина, что гомо сапиенс — это венец природы, созданный по образу и подобию Бога, то есть эволюционный финал. Острое желание отвергнуть ее, поспорить с ней, доказать другую концепцию шагов эволюции ежечасно толкает меня на постоянный труд по созданию Соло Моно. Я-то понимаю, что это надувательство — бросить эффектную наживку, чтобы обычное животное с зачатками разума, чаще функционирующее как динамо-машина, признало религию и, главное, высшее религиозное руководство как то, чему положено сверху, — а там, наверху, никакого персонифицированного автора нет, и никогда не было, и быть не может, — командовать видом гомо сапиенс. Сивомасковцам из-за недостаточности ума очень не хочется являться случайными, стихийными созданиями. Таковыми, которые когда-то (время известно) возникли и когда-нибудь (приблизительное время тоже известно) исчезнут, и на смену им придут другие, потом опять новые, и так будет, пока длится жизнь Галактики. Жуткую горечь вызывают у меня особые симпатии коммунистов и социалистов к пролетариату как классу-лидеру сивомасковского вида, являющему образец полной прострации разума. Почему человеческие ценности и культура последних веков демонстрируют упадок? Или это не совсем так? 200 лет назад на всей Земле людей со средним образованием насчитывалось не более 2 процентов, а еще у 0,3 процента имелись университетские дипломы. То есть 97,7 процента всего населения плане-

ты никак не участвовали в публичной жизни. Существование этой огромной сивомасковской массы не заслуживало ни малейшего внимания «образованных». Последние исходили из того, что есть некая апатичная, будто сонная или в крепостной зависимости часть людского ресурса, занятая в шахтах, на полях, в прислугах, у доменных печей, на приисках либо на какой-то другой каторжной, по сути, работе. Качество этого ресурса невысокое, но, возможно, получив образование, кое-кто из относящихся к нему счастливицев получит шанс подняться по социальной лестнице. Однако революции и мировые войны привели в движение этот спящий монолит гомо сапиенсов. Доля людей со средним образованием стала расти — 4, 7, 9, 12, 17, 29, а к концу XX века уже составляла 37 процентов. Увеличивалось и количество сивомасковцев, получивших высшее образование. К началу XXI века их число в мире выросло до 19 процентов. Чтобы соответствовать нормативу, необходимому для освоения программы средней школы, во второй половине XX века требовалось около 60 НИС, а уже во второй декаде XXI века эта планка снизилась до 55. Осилить университетский курс в XX веке были способны обладатели 75 НИС, а в XXI — уже не больше 65. Итак, на сивомасковской площадке мы видим людской капитал со средним показателем НИС 67. Из всего наводнаселения планеты около 43,5 процента не имеют никакого образования, в лучшем случае окончили 4 класса. Но, главное, почти каждый человек благодаря социальным сдвигам участвует в культурном обмене. Если 200 или даже 100 лет назад такого единичного участника глобальных культурных процессов не было видно, теперь он поднял голову. А голова-то слабая...

Таким образом, во второй половине XX века огромный людской ресурс впервые оказался вовлечен в мировой социально-культурный обмен и соответственно снизил средний показатель НИС до 59 – 62. Как результат этого снижения НИС последовало и другое фундаментальное изменение — произошел упадок уровня культуры в мировом масштабе: поведенческой, половой, художественной, семейной, мировоззренческой, религиозной. Сегодня уже нет новых громких имен в классической музыке, философии, литературе, живописи, науке, зато есть выдающиеся личности на эстраде, в футболе, боксе, киноиндустрии, актерской профессии, бизнесе. Футболиста Роналду знает и любит весь мир, а химика Аарона Чехановера, лауреата Нобелевской премии, почти никто не знает. Весь мир аплодирует спринтеру Болту Усэйну, но мало кто помнит физика Алексея Абрикосова — тоже лауреата Нобелевской премии. Многие фанаты почитают боксеров Николая Валуева и Роя Джонса-младшего, но так мало знают физиков Виталия Гинзбурга и Константина Новосёлова — лауреатов Нобелевской премии. Имена-то эти наивысшие! Ими нужно восхищаться, а не смазливymi актерами. Почему имен этих выдающихся ученых нет в общественно-культурном пространстве? Потому, что они не нужны массовому обществу. А если ими не интересуются сивомасковцы, то их не видит и бизнес. Можно ли выгодно продать на книжном рынке сочинение русского философа Владимира Соловьева «Духовные основы жизни»? Или Достоевского — «Записки из подполья», или Плутарха — «Моралии»? Или Гете, Хайдеггера? Сотню книг рынок еще примет, а может, даже и этого много. Дохода нет, и авторов такого уровня на массо-

вых рынках нет. Сколько гомо сапиенсов поймут или даже захотят взглянуть на строки ученых трудов Абрикосова, Чехановера, экономиста Некипелова, физика Николаева? Ничтожное количество! Массовому обществу необходимы личности, вызывающие не напряжение и возбуждение разума, а приятный подъем эмоциональной энергии, истерический смех или мелодраматические слезы. Мозги-то скромные. Не знаю, как другие, но я не желаю жить в обществе, в котором артисты и певцы занимают все эфирное время на ТВ, радио, заполняют даже интернет-издания, а для общения с разумом нет практически никакой площадки. Что за дело «венцу природы» до науки? Его стихия — всплески поверхностных и бесконтрольных страстей! От любви до ненависти! От поцелуйчиков, покрывающих вожделенное тело, до ударов ножом по тому же объекту. Понимая, что с таким скромным интеллектуальным запасом сивомасковцы не дождутся научного ренессанса, я заторопился в Астрахань, к Пенталкину. Но я не стремлюсь поднять восстание против гомо сапиенсов, а намерен выпрашивать деньги, чтобы приобрести оборудование для будущей лаборатории — места моей творческой работы. Соло Моно не заменит гомо сапиенсов, оно какой-то срок будет сосуществовать с ними, их популяция возрастет, а потом — время покажет... Соло Моно — не жилец только на планете Земля, оно должно стать хозяином Вселенной. Моя аполитичность и асоциальность не маска для скрытых непомерных амбиций, нет. Конечно, первое время после появления моего детища гомо сапиенс станет волноваться, тревожиться, застучит зубами, выбьет дробь каблуками по каменному полу, не сдержит криков бессилия. Зависть

вспыхнет в нем с неведомой дотоле яростью. Ведь для восторга у сивомасковцев нет другого мотива, кроме предвкушения богатства и власти. Если жизнь состоит из постоянного движения — а в этом не приходится сомневаться, — то и любой процесс сменяется чем-то новым. Так, на конечной станции в час Икс завершится и время гомо сапиенса. Это не вызовет никаких болезненных ощущений и тяжелых переживаний. Последняя генерация доживет свой век и канет в Лету. Без церемоний, прощаний и пышных венков. Никакой агонии не предвидится, и апокалипсических картин мир не станет лицезреть. Для Вселенной все произойдет незаметно и без шума, будоражащего галактики. При сивомасковцах наблюдалась межгалактическая тишина, так оно и останется. Непризнание гомо сапиенса как существа подлинно разумного создало у Федора Махоркина великий порыв конструировать и доводить до совершенства Соло Моно. Казалось, это решение проникло в мое сознание на глубину, сравнимую с бездной Космоса. По ходу размышлений в голове возникла картина Сальвадора Дали «Мадонна Рафаэля при максимальной скорости». Эта вещь Сали соответствовала моему нынешнему состоянию. Тут я вспомнил, что пора перекусить. Сигнал подало не чувство голода, а солнцестояние. Не заглядывая в планшет, я определил, что шел третий час пополудни. Только теперь я почувствовал жару. Пекло изрядно! Ни одной птицы не слышно и не видно. Вся живность куда-то спряталась. Лишь изредка с берега доносилось пение цикад, какое-то боязливое и прерывистое. На окрестности я взглянул без малейшего интереса; кроме ярких солнечных бликов в золотистой траве ничего примечательного не было. Хорошо

еще, что временами с Волги веяло свежестью. В нашей городской библиотеке я взял подшивки правительственной «Российской газеты» с 1991-го по 2015 год. В каждом году я открывал лишь номер за второе сентября. Итак, газеты за двадцать пять лет. Каждый раз издание сообщало, какое количество первоклашек в этот год пошло в школу. Я посчитал средний годовой показатель: оказалось 1 270 000 детей. Известно, что продолжительность жизни в стране у мужчин 64 года, у женщин — 69 лет. Эти цифры я округлил. Решил считать, что в среднем все живут по 70 лет. То есть зависил показатель. Что получается? Один год — 1 270 000 — умножаем на 25, получаем 31 750 000. А если умножим не на 25, а на 70 лет, то получим число 88 900 000. В прошлом году мне попались и другие цифры: в 2015 году в школу пошли около 14 миллионов детей. Имелись в виду все учащиеся с первого по одиннадцатый класс. Это 11 лет в объеме всего народонаселения страны. Я умножаю это число на шесть, тридцать шесть — отношение средней продолжительности жизни к периоду школьного обучения — и получаю почти тот же итог — 89 040 000 сивомасковцев. Но не об этом речь. Главное, что ожидает страну в будущем? По данным из газет за 2016 год, в школу пошли — все одиннадцать классов — 14 666 миллионов ребят. То есть наблюдается незначительный прирост. Средняя цифра школьников уже не 1 270 000, а 1 333 000. Тогда через 44 года при статистике 2016 года население в стране составит: $44 \times 1\,333\,000 = 58\,652\,000$. К этому числу прибавим 34 658 000 за двадцать шесть предыдущих лет, что даст 93 310 000. Правда, так будет, если не произойдет невероятный демографический бум или драматический спад. Есте-

ственно, данной численности населения недостаточно для управления такой огромной страной, как Россия. Невозможно будет охранять ее, защищать, развивать или хоть как-то сводить концы с концами в экономике. Я часто просматриваю Интернет в поисках материалов на этот счет. И что же? Ни один местный экономист или политик не видит этой огромной проблемы. В средствах массовой информации и на публичных площадках она вообще не обсуждается. Ученой публике необходимо разрабатывать стимулирующие методики для срочного наращивания народонаселения. Для переселения сивомасковцев, например, из других регионов мира, как это было при Екатерине Второй, Александре Первом и других правителях страны. Иначе к 60-м годам XXI века евразийская территория России может стать пустыней. Из 17 миллионов квадратных километров около 12 тысяч пригодны для комфортного проживания. На них должны жить не менее 500 миллионов граждан, а не какие-то жалкие 100 миллионов. Тогда и экономика станет крепкой, и «эйч ай си» увеличится, и выбор инвесторов в такой, как мой, проект станет значительно шире. Тут я спорить не смогу, у меня нет строгих доказательств своей правоты. Вера — это не наука, поэтому я не настаиваю на своем мнении относительно численности народонаселения. Я заинтересовался этими цифрами, чтобы представить: существует ли тенденция к росту популяции сивомасковцев или отмечается их сокращение? Для развития проекта Соло Моно такие данные необходимо знать. Ведь в прошлые века население нарождалось с безумной скоростью. С начала XIX века по конец XX века оно увеличилось почти на 4 миллиарда гомо сапиенс. Ужас какой гигантский рост!

Если в России при Павле, в самом начале XIX века, насчитывалось 47 миллионов граждан, то в конце XX века, при Горбачеве, их оказалось 300 миллионов. Что за неумный вид! Больше напоминающий какой-то плодovitый, кроликоподобный!.. Я заметил несколько кустиков с мелкими красноватыми ягодами. Я не стал раздумывать, съедобны они или нет, обобрал все, что видел, и заторопился дальше. Это типичное для меня поведение: за все время моего довольствования сомнительным подножным кормом я ни разу ни о чем не пожалел, более того, у меня и мысли не возникало, что я рискую здоровьем. Когда сознание целиком занято таким гигантским проектом, каким обуреваем я, ничто другое в голову не лезет. А если ради успешного продвижения Соло Моно я мысленно готов даже к ритуальным жертвоприношениям, то сами посудите: способен ли тип, испытывающий оргазм не сексуальный, а интеллектуальный, занимать свои мозги проблемой качества мелких красноватых ягодок в заволжской степи? Для меня оргия и эротическое возбуждение — это буйство разума, раскладывающего по цезиевым ячейкам сверхмалые элементы в ювелирной кладке нового сверхсущества. Тут не до морали. Более того, она может выступать моим врагом. Поэтому ее место в сознании ограничено. У меня на уровне инстинкта уже срабатывает доминирующее стремление — создать, сконструировать, сотворить жителя и владельца Вселенной. Социальная ответственность лежит за порогом таких исследований. Не менее важно опередить академическую науку и бизнес, которые так и норовят преуспеть в сфере искусственного интеллекта. Ученые уже не сомневаются, что не существует такого закона физики, который препят-

ствовал бы взаимодействию частиц для создания искусственным интеллектом собственных логических комбинаций, недоступных для человеческого мозга. Американская компания Vicarius уже начала создавать цифровую модель неокортекса — новой коры головного мозга, которому будут под силу функции сенсорного восприятия, осознанного мышления и речи. Вот-вот появится носитель искусственного интеллекта, способный мыслить и рассуждать как человек, к тому же имеющий большие преимущества: ему не нужны ни вода, ни еда, ни рукотворная энергия — солнца и звезд будет вполне достаточно. Но мой проект отличается от проекта физиков кардинально: я хочу создать Соло Моно с телесной, эволюционной конституцией, сложившейся в ходе генно-культурной коэволюции видов. Ведь познание будет носить телесно обусловленный характер. Без биологического строительного материала тут никак не обойдешься — слава богу, что в мире его огромное количество. Для воссоздания моего приемного сына мне железки не нужны, я стану привлекать сверхмалые частицы, поэтому и мощность сознания у Соло Моно будет увеличена многократно. Принимать решения и находить нужные опции во Вселенной ему станут способствовать не только головной мозг, но и нервная и иммунная системы. Так или иначе, будущее сивомасковца предстает не радужным. Но биологический вид Соло Моно всегда окажется к сивомасковцу ближе, чем металлический синтезированный искусственный интеллект. Параноидальные наваждения? Мне все равно, что о моем проекте думают и кто! Большинство сивомасковцев не в состоянии понять величественных мыслей истинного служителя науки. Главное, что моя

созидательная концепция обрастает важными компонентами и становится все реальной. Мне повезло, что заблуждение относительно нанопинцета длилось недолго; в поисках правильных решений мне частично помог питерский физик Семен Николаев. Впрочем, прямого контакта у меня с ним никогда не было, однако его монографии оказали определенную поддержку. А больше всего моему образованию послужил библиотечный фонд нашего городка Сивая Маска. Какой-то местный энтузиаст в 80-х годах собрал здесь замечательную и обширную коллекцию научных книг. После знакомства с ней драгоценные знания добрались до разума Федора Махоркина, и с той поры я переживаю неизбывный праздник познания. Он питает мои восторги не только наяву, но и во сне. Я стал вспоминать самые оригинальные и глубокие мысли, когда-либо пришедшие ко мне, но в этот момент перед глазами возник почерневшей и покосившийся деревянный домик. В щели ветхого строения свободно проникали солнечные лучи. Мне почему-то захотелось обязательно заглянуть в эту заброшенную лачугу. Странно устроен гомо сапиенс — понимаешь, что нет тут ничего интересного, но какая-то сила толкает тебя на бессмысленный, глупый шаг. «Еще немало во мне от сивомасковца», — опять пронеслось в голове, и я почувствовал недовольство собой. Не понимая, что руководит мной, я распахнул легко поддавшуюся скрипучую дверь. Передо мной предстала довольно банальная картина: трое полупьяных мужиков развалились перед бутылками спиртного и бухтели что-то нечленораздельное. Я поспешил покинуть чужое пространство, но услышал окрик одного из пьянчуг: «Четвертого не ждем. Прова-

ливай! Впрочем, если бутылку ставишь, присоединяйся». Другой добавил: «Два пузыря, никак не меньше». Не проронив ни слова, я пулей выскочил наружу и почувствовал острую брезгливость, так что тошнота подкатила к горлу. Конечно, подобная встреча была не первой в моей скромной жизни, но всякий раз это вызывало во мне горечь и отвращение к собственной реакции. Почему я столь чувствителен к рядовым впечатлениям быстротекущей жизни? Почему меня коробит любое соприкосновение с неприкрашенным повседневным бытом? «Сколько еще во мне от сивомасковца?» — опять задался я оскорбительным для себя вопросом. Постепенно, глубоко вдыхая воздух, наполненный ароматами степи, я успокоился, и угнетенное состояние духа сменилось предвкушением приближающегося успеха. Я опять погрузился в свою мечту, казавшуюся мне самой возвышенной из всех возможных. Я был обязан реализовать ее, я отвечал за ее исполнение перед самим собой и перед всем миром. И вот я уже всецело предался вдохновляющей творческой силе и буквально бегом направился в сторону Астрахани. Теперь я уже не замечал разноцветья полевых цветов, не слышал звуков цикад, не жмурился от ярких лучей солнца. Я весь был охвачен единственной волнующей мыслью: вот получу финансирование и сразу, сразу, сразу приступлю к завершающему этапу создания Соло Моно! И вдохновлять, очаровывать меня станет физика элементарных частиц — манящее загадками, неизученное движение бозонов, кварков, нейтрино, атомов, — а не симфония окружающей природы. Как хочется испытать восхищение итогами собственного труда! Насколько исписанных листков — а какое фундамента-

ное изменение живого мира они сулят! Панические страхи сивомасковцев, связанные с ожиданием ядерной войны, голодом, болезнями, безденежьем, атаками террористов, нарушениями законов, проявлениями в общественной жизни глупостей, наглого публичного вранья и расового превосходства одних людей над другими, окончательно канут в прошлое. Меня охватило чувство омерзения по отношению к современности, вернее, к ее мельтешащей, пестрой и назойливой фасадной стороне, к этой камуфляжной ярмарке тщеславия — массовой культуре, межгосударственной политике с ее интригами и лицемерными отношениями между странами, извращенной, лживой, фейковой, продажной мировой прессой, агрессивной индустрией потребительского производства. «Штампы полезли в голову», — упрекнул я себя и немедленно отогнал эти ненужные эмоции. Мне противопоказано отвлекаться — необходимо полностью сосредоточиться на главнейшем проекте. И я продолжал торопливо двигаться к Астрахани, опьяняя себя мысленно успехом в предстоящих переговорах. Я сам возложил на себя эти полномочия: создать Соло Моно — универсального обитателя Вселенной. Миновав деревеньку в десяток деревянных домиков, стоящих у самого берега Волги, я, к собственному удивлению, вышел на шоссе и решил идти по нему до заправки, где можно будет зарядить планшет. Мимо меня время от времени проносились автомобили, и я радовался, что никто не обращал на меня внимания и, того хуже, не останавливался с удивленным вопросом типа: почему вы пешком идете по междугородней трассе и не нужно ли чего? Я давно сжился с одиночеством, привык, что ни у кого не вызываю ни

малейшего интереса, никто не замечает меня — ни люди, ни звери, ни, конечно, сам Бог, который вообще никого не видит. Я уверился, что Махоркин всем чужой, поэтому успокаиваю себя, а порой и забавляюсь простой мыслью: и вы мне никто, у меня и перед всеми вами никаких долгов нет. В такие моменты на ум приходят десятки высказываний современных ученых, российских и зарубежных, утверждающих, что почти половина всех сивомасковцев — это существа с ограниченными интеллектуальными возможностями. По коэффициенту высшего выражения сознания у них не больше 50 НИС. И меня, похоже, роднит с ними лишь анатомия. Но у Федора Михайловича нет даже малейшей толики презрения к ним; сознание мое полностью подчинено целомудренной и благородной мечте — способствовать кардинальной эволюции родственного мне вида, усовершенствовать его так, как это достойно истинного венца творения! Все мое существо, как я не устаю повторять, целиком устремлено к этой великой цели. Я шагаю сейчас между двумя мирами — Махоркиным и сивомасковцами, — которые не хотят знать друг о друге абсолютно ничего, и мечтаю сотворить научное чудо для себя и для них. Курьезная ситуация! Они обо мне знать не хотят, а я мечтаю из них сотворить Соло Моно. Удастся ли это? Смогу ли я получить средства для своего творения? Я не молю всех святых, которых не признаю, об успехе на встрече со спонсором. Лично я не знаком с собеседником, у которого хочу взять без малейшей гарантии возврата около 5 миллионов долларов для покупки супероборудования, чтобы успешно завершить проект. Тут усердная мольба не помощник. Самый трудный вопрос, который может

меня ожидать при этой встрече, такой: «А мир станет аплодировать успеху вашего проекта?» Что тут сказать? Хотя ответ-то мне известен: мир не выразит восторга и умиления от моего открытия! Великое событие ускользнет из зоны его внимания, оттесненное более насущным: вовремя выплаченной зарплатой, поцелуем любимой женщины, стаканом красного вина, лучом жаркого солнца на пляже в Сочи, столь благодатным для жителя Севера, счастливым лотерейным билетом или бонусом, дающим право на получение коробки с импортными консервами... То есть мелочи повседневной жизни не позволят сивомасковцу, получив известие о триумфальном изобретении Федора Михайловича, воскликнуть: «Мы счастливы! Будущее наших потомков необыкновенное, фантастическое. А этот Махоркин гений!» Или выразиться скромнее: «Ай да молодец этот тип!» Может, выдавят из себя слабенькую улыбку, а то и, хлебнув из стакана, в страхе задумаются без всякой связи с Соло Моно: «А водку не отменят? Как при Горбачеве?» Интеллекты разного, так сказать, ранжира весьма тяжело уживаются друг с другом. Что ж, я давно принял как должное, что жизнь несовершенна. На протяжении всей гомо-сапиенской истории существовали, а сегодня особенно обострились проблемы социальных лестниц, или лифтов. Между людьми успешными и ущербными истинная пропасть, если не вмешивается чудо, как в «Золушке». И главную роль в сегрегации, признаем, играет объем интеллекта. Вот с чем категорически не согласен Федор Михайлович! Всем сивомасковцам еще недоступна истина: сознание — это онтологически особый вид бытия. Если она бесконечна и абсолютна, то и оно может и должно

иметь те же характеристики — быть бесконечным в познании и абсолютным в качестве знаний. Каждый согражданин, пришедший на смену гомо сапиенсу, — с «эйч ай си» миллион — сможет превзойти уровнем интеллекта Канта, Ньютона, Менделеева, Бора, Планка, Дали, Гинзбурга и т.д. Если у перечисленных великих сивомасковцев высшее выражение сознания оцениваем в 200 НИС, то у соло-моновцев этот показатель будет непрерывно расти — тысяча, сто тысяч, миллион... И такой проект имеет все шансы на успешную реализацию. Махоркин близок к цели. После создания Соло Моно исчезнут какие-либо интеллектуальные и социальные лифты, а Земля перестанет быть единственным ареалом проживания... Размышляя так, я увидел на другой стороне дороги бензоколонку, замедлил шаг и пересек шоссе. Зарядив планшет, бегом просмотрел новости по Интернету и сразу продолжил путь. Вот и знак с надписью «До Астрахани 11 км». «Через два — два с половиной часа буду на месте, — заволновался я. — Пора повторить аргументы для разговора с Пенталкиным». Я мало что о нем знаю и в Интернете нашел лишь минимум сведений. Но пригласил же он меня на встречу для обсуждения возможности инвестиций в мой проект! Видимо, у него возник интерес к моим разработкам. А если он псих, параноик? Позвал меня, чтобы потешиться? Устроить спектакль? Может, он уловил эксцентричность моего мышления и хочет развлечься задарма? Да, психика у меня не совсем здоровая, я принадлежу к редкостному и скрытному отряду сивомасковцев, способных не отступать перед парадоксами мироустройства и нырять в философские глубины. Почему я принял предложение Пенталкина?

Почему пересек всю страну с севера на юг, отправившись в Астрахань? Разве нормальный сивомасковец примет такое безумное приглашение? Нет, конечно! Только я же категорически не хочу быть «нормальным»! С чего бы мне горько мучиться комплексами по поводу отсутствия во мне «цивилизационных основ» для «успешной жизни»? Ведь я никогда не пытался построить свое существование по принятым канонам общежития и разумению своих земляков. Федор Махоркин совершенно одинок в окружающем мире и горд этим обстоятельством, поэтому я давно решил жить вне привычных стандартов, угнетающих меня повсеместно, а часто наперекор им, что, впрочем, для меня совсем не самоцель. Я составил свод собственных жизненных предпочтений и, словно обученная сторожевая собака, охраняю их, порой инстинктивно. Страстно и ревностно я защищаю собственный выбор и всякий раз, едва возникнет сомнение, понимаю, что я должен беззаветно любить свое будущее. Не хочу задумываться, как поступлю, какие шаги предприму, если потенциальный спонсор откажет мне. Этого никак не может случиться! Если уж я взялся за свой проект, то обязан довести его до успешного завершения. Этого требует от меня сам разум Вселенной. Она ждет своего новенького обитателя! И я, машинально ускорив шаг, погрузился в обдумывание возможных итогов встречи с Пенталкиным. Точнее, я обдумывал идеальный сценарий предстоящего события. Великие идеи всегда лежат за плотно закрытыми высокими воротами, говорил я себе. Ключ к этим воротам в моем случае находится лишь у спонсора. Так быстрее на поединок с Пенталкиным, чтобы услышать голос надежды, откры-

вающей радостный путь к созданию великого Соло Моно! Ведь до сих пор ни одно творение сивомасковцев не повлияло так радикально на развитие массового сознания, как это сможет сделать мое детище! В противном случае... Сердце у меня екнуло от тревожных предчувствий, и настроение помрачнело. Мне показалось, что я слышу невероятный по силе металлический грохот разрушающейся грандиозной конструкции — так обратятся в прах мои честолюбивые планы и надежды. Это приведет Федора Махоркина в состояние ужасающего отчаяния. Я отрешенно уставился в пространство и лишь несколько минут спустя, будто очнувшись, отчетливо увидел голубое небо, трассу, несущиеся по ней автомобили и очертания домов вдаль. Передо мной лежал город Астрахань. Когда я осознал, что нахожусь у цели, то оробел. Потом начал переживать смешанные чувства, что обычно мне несвойственно: я давно уже в основном испытываю состояние восторженной и беззаветной преданности своей идее, и в этом смысле я цельный человек, не терзаемый противоречивыми устремлениями. Вероятно, от волнения и ответственности момента меня вдруг отвлекли посторонние мысли. Я вспомнил вчерашние события в Ницце, о которых узнал из Интернета у бензоколонки. «И почему я сразу не осознал эту трагедию? Ведь кадры с набережной французского курорта, на которых видно, как водитель грузовика давит десятки людей, шокируют и потрясают. Но как объяснить, почему Махоркину понадобилось около часа, чтобы обратиться на страшный теракт внимание и впасть в глубокую печаль?» Наверное, дело в радикальных различиях между мной и сивомасковцами. У них при виде тех же

трагических кадров наверняка немедленно возникли ужас, возмущение, слепая ярость и полились слезы. А я... Случившееся подействовало на мой заторможенный разум, лишь когда я прошагал пять-шесть километров. Видимо, я так глубоко погружен в свой проект, что все прочее, находящееся вне его, доходит до сознания крайне медленно. В голову даже закралось одно ужасное подозрение: у меня нечувствительное, черствое, обедневшее сердце! Разум, интеллект, интенсивная работа сознания здесь ни при чем. Должно быть, моя скрытая от всех, безмерная и до конца еще не осознанная гордость своей особой миссией лишила меня бесценного сердечного качества — сострадания. Между тем у Соло Моно сердце должно быть таким же впечатлительным, отзывчивым, богатым на оттенки чувств, восприимчивым к впечатлениям, как у сивомасковцев. И ни в коем случае не таким холодным, вяло и меланхолично реагирующим на беды и радости людские, на красоту и безобразие, как у Федора Михайловича Махоркина. «Позор! Ничтожество!» — безжалостно корил я себя. Неужели склонность к абстракции стала причиной того, что мне понадобился целый час, дабы сердце просигнало сознанию: вспомни детали кровавой трагедии на набережной Ниццы, чтобы пережить острое соболезнование жертвам, вплоть до горького отчаяния от необратимости случившегося. Тягостные чувства от понимания несовершенства собственного естества меня еще долго угнетали. Время не лучший конструктор сивомасковского вида! Столько у него изъянов и пороков, и у каждого сивомасковца свои особенности. Но я не забывал о цели своего прибытия. На дорожном щитке я прочел название «Астра-

хань» и вспомнил, что это уже город, к которому я стремился через всю страну с севера на юг. Пенталкин назначил мне встречу по адресу: улица Советская, дом 8. И вот я, голодный и порядком утомленный дорогой, оказался в черте города, на Керченской улице. Глядя на прохожих, я думал: «Возможно, где-то рядом со мной идет Пенталкин. Или его пешим не увидишь? Он, небось, исключительно в лимузинах перемещается. И с чего бы это я начал ворчать, словно типичный житель Сивой Маски? Богатый человек вправе сам выбирать, ходить пешком или пользоваться автомобилем. Да хоть самолетом! В этом вопросе никакие административные инструкции ему не требуются». Раздражение мое, конечно, объяснялось неуверенностью и растущей тревогой. «Неужели мрачные мысли будут еще долго одолевать меня? Полвечности? Целую вечность?» Моя интуиция на этот раз молчала, зато разум пришел на выручку. Я словно услышал ободряющий призыв: «Федор Махоркин, ты способен сотворить это чудо — создать Соло Моно. Действуй!» Вслед за этим в сознании развернулась логическая цепочка вопросов. Я, несомненно, давно потерял многие признаки типичного сивомасковца или вообще их не имел. А раз так, почему меня беспокоит финал общения с инвестором Пенталкиным? Это сивомасковцы стремятся «здесь и сейчас» превратить фантазии в реальность, смутный образ в законченный продукт, навязчивые идеи в стоимость, мифы конвертировать в твердую валюту. У меня все по-другому: «здесь и сейчас» для меня — это Я сам! Состояние исследовательского экстаза, верная гарантия подлинного и самобытного сознания, одержимость монопольного эгоиста, стремления, нацелен-

ные на создание хозяина всех галактик, — вот мои приоритеты, и ничто другое для меня не ценно. Ни высокое место в обществе, ни разнообразные социальные преференции и блага, ни обожание современных или античных идолов. А в другом, соло-моновском, варианте Я сам — это же вся Вселенная. Ведь генетического родства всех сивомасковцев я частично не признаю, подобная версия не может быть научной и объективной. Мы лишь выглядим похожими. Детальное изучение тайн антропогенеза, мысли Ясперса об «осевом времени» и сочинения Ницше убедили меня в этом. Результат: я сознательно изгнал себя из среды сивомасковцев и приступил к своему замечательному проекту. Основной принцип современного социального устройства таков, что каждый человек вправе обладать собственностью. Материальные блага можно отнять, конфисковать. Но интеллектуальную собственность изъять гораздо сложнее. Разработанная мною научная технология живет и развивается в сознании. Кому дозволено арестовать ее, отнять, наложить на нее мораторий? Кто способен запретить мне владеть ею? Решение Верховного суда на этот счет будет ничтожно. Я один гарант ее неприкосновенности, жизнеспособности и непрерывного развития! Ведь будущее сверхсущество явится наивысшей инстанцией бытия Вселенной. Добровольное превращение в изгоя дало Федору Махоркину множество мотивов стремиться к созданию своего приемного сына. После долгих изысканий я пришел к выводу, что сивомасковец — явление обширнейшее и многомерное. Никак не следует считать его продуктом единого мутационного купажу. Поэтому в своем ницшеанском времени

я смаковал тот факт, что опередил современную науку и первым пришел к идее наносборщика. Это пока для всех таинственный инструмент, без которого невозможно сотворить чудо, чтобы реализовать мечту об искуплении грехов сивомасковцев. И это не каприз самовлюбленного гения. Ведь не все творения сограждан следует и возможно считать исключительно сивомасковским достижением. Скорее бы твердые шаги Соло Моно осветили галактики! Пусть мои современники испытают состояние возбужденного нетерпения, мучаются от смятения, стучат зубами в страшном беспокойстве, пусть неистовые бури разразятся в их сердцах в ожидании моего Соло Моно. Меня не смутят их проклятья, как и выражения восхищения. Я заранее успокою себя тем, что и на злобные и на хвалебные суждения сивомасковцев не следует обращать внимания, прежде всего потому, что у них весьма скромный «эйч ай си». Такие типы обычно всего страшатся, замыкаясь в своем мирке и полагаясь на скромный обывательский разум. А истина — это орудие борьбы. Но Федору Михайловичу Махоркину не следует торопиться и успокаивать публику. Волнения обогащают сознание, а трансцендентные черно-белые видения, которые каждому гомо сапиенсу представляются угрозой, рождают необыкновенные, хотя часто мрачные, фантазии. Толпа, осмысливая загадочные события, порождает тысячу ошибочных мнений. Конкуренция в оценках неопознанных явлений зависит от объема НИС, но у большинства сивомасковцев багаж знаний слишком скуден. Впрочем, когда мое детище сделает первый шаг, необходимо будет оповестить об этом мир, успокоив его и порадовав. Лучше сделать это че-

рез Интернет. Сразу на многих языках. «Успокоить? Порадовать? Или огорчить?» — переспросил я самого себя. Аристотель утверждал, что чем больше масса тела, тем быстрее оно падает, а Галилей считал, что скорость падения от массы тела не зависит. Так и у меня с сивомасковцами... Каждый раз меняется мнение о них. В этот момент Федора Махоркина отвлек от размышлений перекресток с несколькими светофорами. Я огляделся: Керченскую пересекала уютная улица Пирогова. Я поинтересовался у женщины, ожидающей, когда вспыхнет зеленый свет, как пройти на Советскую улицу. Она приветливо и подробно объяснила мне маршрут. Я прикинул, что через шесть кварталов подойду к дому Пенталкина. Свернул налево и направился по Пирогова. Улица была светлая, обжитая, почти со всех балконов свисали гирлянды цветов. Юг! В нашей Сивой Маске такого не увидишь. Шел пятый час пополудни. Солнце жгло мою правую щеку. Я постарался не фокусироваться на внешних впечатлениях и погрузился в свои расчеты. Высокая энергия связи молекул необходима для склеивания атомов. Чем больше излучение тепловых фотонов, тем плотнее располагаются и связываются атомы и молекулы. Как следствие, происходит усиление их гравитационного взаимодействия, что весьма актуально для технической архитектуры Соло Моно. Эту важную подсказку для своей работы я получил от упомянутого питерского физика Семена Николаева. Спасибо, любезный Сема! То, что сегодня невозможно, завтра станет очевидным. Сема, конечно, не услышит мою благодарность и не узнает, что про себя я позволяю называть его по-приятельски на «ты». Видимо, именно так из учени-

ка вырастает учитель. Я подумал: «Интересно, если бы мое детище обладало художественной реальностью и навевало поэтические грезы, как бы его изобразил Сальвадор Дали? На что бы он устремил свое внимание? Что стало бы фокусом в его композиции, излучающим особый свет на мой проект? Уподобил бы он приемного сына Махоркина образу вочеловеченного Святого Духа или увидел бы в нем чисто Божественный символ? Кажется, я уже высказывал какие-то предположения на этот счет. Я вспомнил холст Дали «Мягкий автопортрет с жареным беконом». Нет-нет, в этой картине конкретный художественный смысл, и совершенно не следует связывать ее с моим дорогим детищем. А потолочное панно Дали в зале «Дворец ветра», что в театре Фигераса? Опять не то: это произведение не может служить символом поисков предельной истины, оно не способно в должной мере возбудить творческий разум. Огромные пятки — не знаменуют ли они бегство от проблем? По-моему, это метафора движения от страдания к одичанию. Изображение на панно не может побудить к покорению тайн науки, тем более служить прообразом такого сверхсущества, как Соло Моно. Мой приемный сын бунтарь, покоритель Вселенной. Я веду с ним непрерывный диалог и ощущаю, как приятно тяжелеет мой разум, медленно пробиваясь вглубь, проникая к тайнам вечного, абсолютного пространственного бытия. Бесконечная жизнь во всех галактиках — вот притязание моего сознания, которое я довожу порой до исступленной одержимости. А что я скажу о картине «Мадонна Рафаэля на максимальной скорости»? Пожалуй, она ближе всего подошла бы к визуальному образу моего при-

емного сына. Сверхсущество должно быть вездесущим, одновременно присутствующим в каждом атоме Вселенной. На полотне Дали разъятые части самой известной классической фигуры приобрели форму шаров, дисков, конусов и висают на орбитах в бреющем полете. Сальвадор, словно гениальный физик, прозорливо представил прообраз будущего Соло Моно — разлетающаяся по галактикам Мадонна. Обратите внимание на мастерское использование светотени. Отблеск на горизонте становится ярким, подчеркивая биологическое единство между летящими частями. Эта замечательная аллегория двух образов — моего приемного сына и Мадонны Рафаэля на максимальной скорости Сальвадора Дали — конвертируется в идеальное единство, подтверждая идею несомненного обогащения науки в творческой связи с искусством. Мне кажется, эти два образа — один на холсте Сали, другой в моей голове, одержимой манией преображения Вселенной, — сближают миры, доказывают недоказуемое. Я сам никогда не ориентируюсь на сновидения в отличие от многих поэтов и художников, но чем ближе я продвигаюсь к комплексному решению моего главного проекта, тем глубже ощущаю пропасть между этим сверхсуществом и остальными сивомасковцами. И вообще склоняюсь к убеждению, что мой приемный сын с первых дней своего бытия поставит перед собой задачу максимально всестороннего и глубинного познания объективной реальности, с тем чтобы каждый сивомасковец понял: будущее органических творений именно за Соло Моно и не надо отстраняться от создания биологического сверхчеловека. Весьма полезно начать размышлять о нем, а потом активно вклю-

чатся всей энергией интеллекта «эйч ай си» в созидательный процесс. А как насчет темпов создания искусственного, синтетического, на металлической основе разума? Эти идеи сейчас становятся модными, между тем необходимо как можно активнее воспротивиться им. Они крайне опасны для биомира. Человечество должно похоронить их навсегда! Тогда процесс адаптации, приспособления друг к другу сивомасковца и Соло Моно, при всей их противоположности, начнет смягчаться, окажется не таким жестким и оскорбительным для моих сородичей, каким он представляется сегодня, когда я вхожу в город Астрахань. Я, может быть, больше всего мечтаю о том, чтобы после своего рождения мой приемный сын хотя бы час провел в беседах со мной, своим творцом, если хотите демиургом. Я задал бы ему вопросы, на которые у меня нет ответов. Например, можно ли извлекать тепло из температуры за счет естественного нагревания собственной планеты? Это касается не только Земли, но и других планет в галактиках. Ведь известно, что на самых разных твердых Космоса существуют крайне низкие температуры — минус двести семьдесят три градуса. Но в ядрах планет термометры должны зашкаливать от пекла. Каким образом можно с пользой извлекать эту энергию? Ведь со временем вид Соло Моно будет расти, размножаться, количество соло-моновцев станет исчисляться миллионами, а затем и десятками, сотнями миллионов. Они расселятся по всем галактикам. Некоторые неучи используют термин «хаос». Его в мире нет... Тут меня отвлекла фланирующая по тротуару молодая фигуристая дама. На ней был один купальник, точно она находилась на пляже. Лишь плечи ее при-

крывала полупрозрачная шелковая накидка мягкого кремового тона, однако этот невесомый покров и оранжевое бикини вполне позволяли всем желающим любоваться нежной, не тронутой загаром кожей дамы и ее весьма соблазнительными формами. На незнакомке были солнцезащитные очки в пол-лица. Неожиданно она обратилась ко мне с монологом: «Слушай, парень, не подскажешь, где у вас собираются богатые люди? Город-то южный, считай курорт. Ты такой невзрачный и зачуханный, к тому же плешивый, так что, верно, до смерти завидуешь успешным землякам? Небось, знаешь тусовочные места и тащишься туда, чтобы подглядывать за богатеями? Чтобы самому помечтать о собственных яхтах, самолетах и шестизначных валютных счетах. Я первый день в Астрахани и, разумеется, еще ничего и никого здесь не знаю. Проводишь меня куда надо? Только иди на пять — десять шагов впереди. А я тебе подброшу десятку долларов за сервис... Я жажду романтических приключений, так что без адресов ваших зланных заведений не обойтись. Только не надо тупых вопросов, типа "а не боюсь ли я Бога". Почему вообще человек всегда должен помнить Бога и говорить с ним, а Бог никогда нас не видит и не разговаривает с нами?.. А?» Надув пухлые силиконовые губы, она насмешливо смотрела на меня через свои огромные очки. Вначале я огляделся, не уверенный, что дама обращается именно ко мне. Убедившись, что презрительная тирада действительно адресована мне, я попытался понять, чего именно ждет от меня боевая искательница романтических приключений. Видимо, мой демонстративно отстраненный вид чем-то ее заинтересовал. Я не раз самому себе заявлял, что предпочи-

таю игнорировать окружающих. Это стало поистине моей второй натурой. С детства я стал запрещать Федору Михайловичу добиваться всего, что считается чисто сивомасковским объектом устремлений, особенно того, чем сивомасковцы больше всего важничают друг перед другом. Поэтому я давно равнодушен к происходящему вокруг. И встреча типа той, что случилась в придорожном сарае, быстро выветривается из моей памяти. Для Махоркина характерно одно старание, одно рвение: как можно глубже вглядываться в собственное сознание, в то, что можно считать исключительно моей личной собственностью. Я никогда не хотел быть ни членом домкома, ни активистом городского совета, ни голосующим на различных выборах гражданином города, области, страны. Мною давным-давно движет не собственное самоутверждение, а лишь тяга к выражению махоркинского сознания. Немудрено — ведь я и на свет, думаю, появился крайним индивидуалистом, противником всякой всеобщности. Мое движение к полному одиночеству скрашивается абсолютной свободой практической жизни, благодаря чему я в душе чувствую себя всемогущим. Изысканные развлечения интеллекта Федора Михайловича, посвященные постижению сущности Вселенной, — можно ли не считать их доказательством моей избранности и силы? Поэтому я никогда не испытывал тоску; творческие муки — часто, но это совсем другое дело. Творческое неудовлетворение — золотой ключик к удивительному, всепоглощающему и плодотворному служению науке. И только такое служение дает, должно давать высшее наслаждение. Но для преобладающего большинства сивомасковцев экстаз игр ин-

теллекта не познан и недоступен. При этом я без обиняков признаюсь в собственной половой слабости. Строго говоря, во мне эта функция вообще не выражена. Может возникнуть вопрос, в чем причина этого странного отречения от главнейшего инстинкта деторождения, то есть инстинкта сохранения и продолжения вида, сопряженного к тому же с эротическим наслаждением. Я сам даю на это следующий ответ. Если я всеми силами разума мечтаю «зачать» Соло Моно, вечного жителя огромного мира, то есть вывести вид сивомасковцев на новый этап эволюционного развития, имею ли я хоть малейшее право поощрять, развивать, сохранять в себе половые функции и тяготить себя сексуальными чувствами? Не вижу никаких оснований испытывать из-за ограничений в этом вопросе уныние, подавленность или ущербность. Ведь только достижение цели вызывает подлинную эйфорию. И я сполна переживал это состояние в ходе моих научных экспериментов. Это бывало неистовое, экстатическое интеллектуальное исступление. Подобное состояние несравненно более чарующее и манящее, чем сексуальные акты, в которых наслаждение испытывает главным образом лишь плоть, а горизонты разума, если можно так выразиться, не раздвигаются беспредельно. И еще: разве должен я принимать все типично сивомасковское как обязательный и нерушимый канон для самого себя? Не лучше ли решительно уничтожить этот канон хотя бы в своем сознании? Я всякий раз убеждаюсь, как отличается мое мировидение от гомо-сапиенского. Ведь согражданин живет исключительно чувствами. А экономика в своем развитии возбуждает их всемерно. Разум для нее необходим в самой

малости. Сейчас я наблюдаю нечто иное, нетипичное, если сравнивать разные периоды цивилизации. Сегодня вершины научного и художественного творчества гораздо менее впечатляющи, чем в прежние века. Я думаю, причина в быстром омассовлении всех сфер интеллектуального труда. По логике, казалось бы, и высших научных творений должно быть неисчислимо больше. Но это не так. Тут вывод один: чем активнее процесс омассовления культуры, тем скорее и больше она мельчает. Массовость — вреднейшая сила, подавляющая взлеты интеллекта, снижающая мощностность «эйч ай си». Именно это умозаключение служит основным стимулом моей интенсивной работы над заветным проектом. Короче, полный решимости без поддержки продолжать свой путь, я уже собирался пройти мимо дамы в бикини. Однако, к моему удивлению, она сама уже куда-то испарилась. В задумчивости я этого даже не заметил. Пожав плечами, я двинулся дальше, к Советской улице. По пути я вспомнил, что с утра ничего не ел, вытащил из кармана бутерброд с сыром, купленный на бензоколонке, и мигом его проглотил. Затем купил в киоске бутылку воды и с удовольствием выпил ее. Вдруг на мостовой в шаге от меня заскрежетали тормоза и резко остановился автомобиль. Его марка была мне незнакома. В нашем городке у полярного круга импортных машин не так много, но они не вызывали у меня никакого интереса. Я считал их временным явлением. Невнимание к ним, естественно, объяснялось моей самозабвенной поглощенностью Соло Моно. Голова Махоркина не вмещала ничего, кроме научных версий и многочисленных схем сборки. Ведь Федор Михайлович был нацелен на про-

изводство идеального творения — в нем должны были соединиться невероятные признаки могущества разума и качества биологической сборки. Я с самого начала был здесь максималистом, убежденным, что для меня каждый отдельный момент времени есть не что иное, как приближение к успешному завершению проекта. Вдруг в голову пришло сомнение: «А не может ли сложиться так, что спонсор сочтет мою замечательную идею создания Соло Моно преждевременной, надуманной, убыточной, оторванной от бизнеса, начнет убеждать меня переключить мое параноидальное сознание на что-либо другое, суля при этом большие инвестиции? Устою ли я? Вдруг поддамся его лукавым уговорам?» Ужас! Вздорное предположение! Я отмахнулся от неприятных наваждений и перевел дух. Синее небо было так высоко и безоблачно, с моря дул легкий бриз, но жара не отступала, хотя шел уже пятый час дня. На юге в это время все обычно словно замирает или движется довольно вяло. У встречных прохожих лица были утомлены зноем, иногда они казались мне вырезанными из папье-маше для съемок мультфильма. Вообще жители южных регионов особый народ. Нельзя не поразиться их ментальному сходству, даже если речь о представителях разных континентов. Тут я почувствовал пристальный взгляд полицейского. Я вздрогнул, но сразу вспомнил, что в кармане лежит паспорт. Отлегло. В подобные моменты я прибегаю к излюбленному приему: иду навстречу потенциальной опасности. Я подошел к полицейскому — загорелому здоровяку со шрамом на левой щеке — и вежливо обратился к нему: «Господин сержант! Помогите мне, пожалуйста! Я сегодня прибыл в ваш уютный город для встречи с госпо-

дином Пенталкиным. Его адрес — улица Советская, дом 8. Я на правильном пути?» Полицейский недоверчиво оглядел меня и процедил: «Встречаешься с предпринимателем Николаем Пенталкиным?» — «Да, с финансистом...» — «Что, ты тоже занимаешься бизнесом?» — «Нет, у меня научный проект. Я живу лишь своим умом...» — «Не понял, как это. Но вижу, что бизнес от тебя действительно в стороне. А идешь верно. Еще два квартала — и ты на месте... Обязательно передай, что полицейский Артамон Сергеевич помог тебе найти путь к заслуженному человеку». — «Конечно!» — заверил я и торопливо поблагодарил стража порядка, после чего, опустив глаза, откланялся и поспешил дальше. Характерно, что, когда я назвал имя своего спонсора, недружелюбная физиономия полицейского враз изменилась и стала приторно любезной. Видно, мой Пенталкин в Астрахани известная личность, что, собственно, подтверждалось на страничках в Интернете. Кстати, в переписке со мной Пенталкин подписывался только фамилией. Два квартала — это пять-семь минут. Надо готовиться к важному разговору... Но я совершенно не знаю ни его самого, ни его правил поведения в бизнесе, ни его вкусовых предпочтений к словесному оформлению беседы. Поэтому мне трудно готовить речь заранее, лучше настроиться на экспромт. Сумею я заинтересовать своего собеседника, проявить свой магнетический дар, который порой во мне пробуждается, — отлично! Окажется беседа провальной — досадно, конечно, и не просто досадно, а беда! Но я найду другой выход, успокаивал я себя. Словом, я был готов к двум исходам встречи. У меня есть твердый принцип: если желаешь понять

незнакомому сивомасковца, необходимо распознать особенности его ауры. Ведь она не что иное, как го-мо-сапиенский дух. А еще в древнейшей книге Талмуде сказано: единственное, что поощряется высшими силами, — это борьба с вредоносными духами и демонами. Но что такое дух? Это примитивные, пошлые, злые мысли, которыми полон современный мир. А мысли, оплодотворяющие развитие сознания, ведущие к совершенствованию и облагораживанию мира, я иногда называю выражением НИС. В голове всплыли строки из «Фауста»:

Вы снова здесь, изменчивые тени,
Меня тревожившие с давних пор,
Найдется ль наконец вам воплощенье,
Или остыл мой молодой задор?
Но вы, как дым, надвинулись, виденья,
Туманом мне заставши кругозор.
Ловлю дыханье ваше грудью всею
И возле вас душою молодею.
И я прикован силой небывалой
К тем образам, нахлынувшим извне...
Насущное отходит вдаль, а давность,
Приблизившись, приобретает явность¹.

Казалось, Гете описывал именно мое теперешнее состояние! Я почувствовал на миг счастливое волнение от соприкосновения с совершенством. Но до встречи со спонсором необходимо было запастись терпением и охладить свой разум. Я должен не забывать о реальности и вести себя в соответствии со своим статусом. А он у меня весьма противоречивый. Я нищий, если говорить о владении материальными благами и деньгами; и

¹ Перевод Б. Пастернака.

вместе с тем я богач, возможно потенциальный олигарх, если представить, что на счетах престижных мировых банков можно размещать не только купюры свободно конвертируемых валют, а мои фундаментальные знания и готовность к реализации проекта Соло Моно. Достоин ли я внимания спонсора? Или мои идеи он воспримет с презрением и неприязнью? Точно так, как я смотрю на интернациональное ТВ и на массовую культуру в целом? Впрочем, новости на «России-24» я все же ежедневно просматриваю, считая, что этот канал в подаче информации выше, чем CNN, EURONEUWS, BBC и многие прочие. Я не раз отмечал, что синоптик Екатерина Григорова, выступающая с прогнозом погоды на «России-24», отличается образованностью и глубоким знанием глобальной метеорологии, и это выделяет ее среди остальных коллег. Если я добьюсь финансирования своего проекта, то обязательно приглашу эту серьезную молодую даму стать моей помощницей в деле преобразования мира. Помимо того что у нее высокий НИС, она способна уменьшить мой негативный настрой по отношению ко всем сивомасковцам. Ведь я все решительнее убеждаюсь, что чем больше их становится, тем ниже у них «эйч ай си», и это касается не только науки, но и культуры. Быстрое движение вниз отмечается уже третьим поколением; бесспорна непрерывная и ускоряющаяся отрицательная динамика. Масса пороков растет как снежный ком, террор на континентах ширится, а ужесточение юридических норм никак не меняет картину упадка. Примечательно, что страшная катастрофа нынче воспринимается как обыденное и даже ожидаемое происшествие. В общем, мир рухнет, причем словно

сам по себе, без войн и экологических катаклизмов. Между людьми зияют пропасти. Анатомически мы по-прежнему сходны, но какая колоссальная разница в НИС! Я размышляю о людях неустанно, а вот сами они о себе нисколько не думают, поскольку разум их недостаточно развит для этого. Именно ради того, чтобы спасти сивомасковцев от полного исчезновения, я воодушевился идеей создать принципиально нового биологически мироправителя и тем самым дать шанс гомо сапиенсу расселиться по всему Космосу. При том жалком состоянии, в котором наш вид существует ныне, осуществить подобное расселение нереально. Это даже не утопия, а просто бред. Тут меня заняло новое соображение. Интересно, какую сумму Пенталкин готов пожертвовать на благотворительные цели? Может ли он воспринять проект Соло Моно как благодеяние для всего рода своих сограждан в мировом масштабе? Здесь почти все зависит от его собственного «эйч ай си». Сможет ли он понять и разделить мою тревогу за будущее сивомасковцев? Если ответ на этот вопрос будет положительным, то Федор Махоркин начнет уже на днях обустривать научную лабораторию. В этом случае инвестиции доставят самому Пенталкину интеллектуальное наслаждение, ведь коммерческой основы в этом проекте пока не просматривается. Точнее, она есть, но это вопрос завтрашнего дня, и организация бизнеса, связанного с Соло Моно, дело весьма хлопотное и специфическое. Вряд ли кто-то способен заинтересоваться коммерциализацией процесса создания вечного жителя Вселенной. Идея покажется инвестору слишком эксцентричной. Конечно, в беседе с ним я озвучу свои доводы. Главное — как можно быстрее по-

нять: что он, Пенталкин, за тип? Живет он разумом или чувствами? Разум без эмоций подскажет использование в проекте законов физики и молекулярной теории, а чувства, в которых и душа участвует, вызовут у Пенталкина желание комфортного проживания. То есть в итоге победит установка на бизнес-проект. А он-то у меня пока слабенький. Тем не менее я оставался непреклонным в том, что обладаю особыми правами на Соло Моно, с инвестором или без него. Не мечтая о золотых запасах, я в самом себе совершенно не ощущал борьбы разума с сознанием. Постулат современной цивилизации — всякий труд должен быть оплачен. А тут мой альтруизм! Моя нетипичная жертвенность! Старо! Нынче совершенно неуместно! Сколько умнейших гомо сапиенсов убеждали себя в стойкости этих великих моральных ценностей, а выстояли единицы. А если Пенталкин предложит нечто свое и пообещает большие деньги? Такие большие, что с этими средствами я буду способен довести программу создания сверхсущества до успешной реализации? Хватит ли у Федора Махоркина силы воли отказаться от удовольствий, описанных в талмудических текстах, раскрашенных баснями и небылицами? Хочется думать, что устою. Но вдруг все-таки польщусь на приманку? Или предложение вызовет у меня смущение, даже негодование? Взглянуть бы на эту ситуацию хоть одним глазком заранее! Я сам себе назову цену! Я уже искренне хотел пережить психическую атаку, направленную на меня. Беспристрастное, пристальное наблюдение за собой довольно часто вызывает у меня изумление, подтверждающее верность моей высокой самооценки. Тут я свернул налево и взглянул на вывеску: «Улица Советская». «Браво! До-

шел наконец!» — пронеслось в голове. Казалось, я прокричал это в полный голос, но возглас был лишь мысленный. В пяти метрах от меня красовался огромный рекламный щит. А через два строения высился внушительный особняк с колоннами и мощными воротами. Перед ними стоял верзила в камуфляже. Погон на нем не было, а его прилизанные волосы меня насторожили. Мой скромный опыт жителя Сивой Маски подсказывал явное несоответствие между служебными обязанностями охранника и его заносчивым, кичливым видом. Я остановился у гигантских ворот пенталкинского особняка. Они были метров пять в высоту и семь-восемь в ширину. Массивные дубовые створы украшала резная вязь в псевдорусском стиле. Над аркой ворот восседал двуглавый орел в золоченых коронах. Вероятно, такое оформление было призвано демонстрировать твердую приверженность хозяина имперским ценностям. Как вы уже хорошо знаете, внешний мир мне совершенно неинтересен, но на сей раз пришлось обратиться на него внимание. Ко мне немедленно подошел тот же охранник, похожий на завсегдатая провинциальной танцплощадки. Я не раз встречал таких типов и у нас в Сивой Маске, и в Мончегорске, и в Пиндушах, куда приезжал, чтобы посетить местные библиотечки. «Чего стал? Проваливай!» — грозно надвинулся он на меня, глядя с высоты своего немалого роста. «Это дом номер восемь? — как можно более мирно поинтересовался я. — Здесь проживает господин Николай Пенталкин?» — «Проваливай, сказали тебе», — рывкнул громила, лопааясь от важности. «Но господин Пенталкин ждет меня! — не сдавался я. — Доложите, пожалуйста, что к нему прибыл Федор Махоркин из Сивой Ма-

ски». — «Откуда? Сивая Маска — это что, фирма?» — «Это город в Мурманской области...» — «Ну, если не врешь, то жди. А то задницу надеру...» Охранник отошел от меня, вытащил телефон и стал с кем-то негромко переговариваться. Я почувствовал беспокойство, точно подозреваемый перед арестом. Несколько минут спустя он вернулся и процедил сквозь зубы: «В таком виде я тебя не пущу. Вычищай свою вонючую обувь, снимай свою замызганную куртень или что это на тебе!» — «У вас на участке есть колонка?» — «Еще чего захотел! Ищи сам колонку, воду и прочее...» — «Здесь вокруг одни многоэтажки. Где же мне найти воду?» — попытался я призвать неумолимого стража к сочувствию. «Это твое дело. На газоне много травы, чеботы свои протрешь ею, да потщательней. А куртень оставишь до ворот, бросай ее за угол у будки от дождя. Такую грязную тряпку никто брать не станет». На его лице застыло презрительно-насмешливое выражение. Я выполнил все его требования. Охранник старательно ощупал меня, вывернул мою сумку, а затем кинул ее на землю рядом с курткой. Мне он оставил только планшет. Наконец я прошел первый кордон — необъятные ворота. За ними расстился пышный ковер зеленых трав, а вокруг шикарного дома, выложенного из кремowego песчаника, радовали глаз диковинные цветы и кустарники. Названия этих экзотических растений были мне неизвестны, но густой аромат, источаемый ими, напоминал о парфюмерной лавке. Огромные окна дома были загорожены затейливыми решетками так плотно, что ни один любопытный не смог бы разглядеть хоть какую-то деталь внутренних помещений. Я не особо впечатлился явленной моему взору роскошью;

мне важно было лишь убедиться, что хозяин поместья вполне способен инвестировать деньги в мой проект. Сделав пару шагов, я остановился — позади почудилось чье-то тяжелое дыхание. Было бы неразумно двигаться дальше, и я замедлил шаг. В этот момент я услышал ухающий протяжный голос, исходящий, казалось, из потустороннего мира. Слова явно адресовались мне: «Проходи дальше, потом сворачивай налево! Медленней! Слушай мои команды! Ничего не фотографируй!» Таким тоном прогоняют назойливых незваных гостей, а не приглашают в дом человека приличного. Я сделал несколько шагов, и тут из-за пышного куста вышел крепыш среднего роста в шортах и футболке с короткими рукавами. Ноги, руки и шея его были покрыты хитрыми узорами татуировки. Я смог различить на ней голые женские тела, рога фантастических животных, лица вождей революции и звезд современной российской жизни. Круглое и плоское лицо крепыша напоминало сморщенный блин. При этом на нем было зверское выражение, как у бойцового пса. Этот тип сразу вызвал у меня решительное омерзение. «Предъяви паспорт!» — бросил он тем же непререкаемым тоном. Я безропотно предъявил. Татуированный начал злобно листать его, пристально вглядываясь в штампы и шевеля губами. Наконец он угрюмо вернул документ, приказав шагать следом. Я молча повиновался. «Самая большая беда сивомасковцев в невероятной скудости их интеллекта и отсутствии достоинства, — размышляя я, шагая за “комендантом”, как мысленно окрестил татуированного. — Далеко не все они бедны и лишены имущества и собственности. Напротив, некоторые из них великолепно устроены и преуспевают в матери-

альном отношении. Но вот НИС у подавляющего большинства из них катастрофически низок. Отсюда все проблемы. Понимает ли это мой гипотетический спонсор?» В молчании мы поднялись на второй этаж. Перед двойными дверями, украшенными позолоченными наличниками и тяжелой ручкой художественнойковки, «комендант» остановился и окинул меня свирепым взглядом. Затем приказал своим утробным голосом: «Стой здесь. Без моей команды не двигайся!» Он ловко скользнул внутрь помещения, а через пару минут, не закрывая за собой двери, вернулся и торжественно объявил: «Заходи! Говори коротко и только правду! Обман у нас карается строго!» После чего я был допущен в зал. Убранство гостиной я толком не разглядел. Внимание мое было приковано к мужчине лет сорока, облаченному в шелковый расписной халат со стоячим воротником. Очевидно, это и был Пенталкин. Он сидел в старинном кресле, обитом бархатом, и с равнодушным видом рассматривал меня. Рядом с ним на столике лежали несколько мобильных телефонов и стояла бутылка воды, а также один стакан. «Понятно, — мелькнуло у меня в голове, — здесь и пить не предложат». Под столик был задвинут бархатный пуфик. Я остановился в двух метрах от Пенталкина и, не дождавшись приветствия, заговорил первым: «Добрый день! Меня зовут Федор Михайлович Махоркин, я из Сивой Маски. По Интернету мы договаривались, что я прибуду к вам в Астрахань и доложу о своем проекте Соло Моно». Хозяин кабинета молча протянул мне руку, даже не привстав. Я шагнул вперед, пожал его холодные, словно безжизненные пальцы и отступил на прежнее место, решив придерживаться взятой дистанции. Созна-

ние мое молниеносно подытожило первое впечатление: «Такого типа трудно будет увлечь планами сотворения жителя Вселенной. Видимо, не придется расточать перед ним богатства моего разума». Впрочем, заключил я тут же, не следует так быстро отказываться от своих намерений. Внешность может быть обманчива. Эта истина банальна, но проверена временем. Однако говорить я пока не спешил. Пенталкин тоже не нарушал тишину. Наконец он сделал некое круговое движение правой рукой. Жест можно было расшифровать, видимо, как «Давай выкладывай, что там у тебя на уме». «Я могу изложить суть идеи?» — переспросил я. Ответом был легкий кивок. «Может, он немой? — родилось у меня подозрение. — Общались-то мы только письменно». Не совсем уверенно я начал: «Сегодня наука способна разложить человека на фрагменты. Завтра она начнет раскладывать его на молекулы. А дальше она начнет собирать новое существо. Ведь человек — это прежде всего биоинженерная конструкция, а биологического строительного материала вокруг нас огромное количество...» Мужчина в халате хранил бесстрастное молчание. Я на миг прервался и спросил, продолжать ли. Последовал тот же кивок. «Человек, — объяснял я, — таких, правда, немного — пытается познать тайны бытия, решить загадки мироздания. Один начинает вникать в секреты плазмы, другой изучать молекулы, цифры, слова. Ответ на вопрос, когда и почему люди начали творить, пока не найден. В этом процессе много мистического. Творчество — это таинство! Лет десять назад я начал размышлять над идеей создания сверхсущества, бескрайнего и бессмертного жителя Вселенной. И первое, что я сконструировал,

был нанопинцет, или сборщик атомов. Без точного нанометрового эталона нет нанотехнологий. Я первый в мире изобрел этот инструмент, способный измерять сверхмалые формы вещества. При обозначении их величин надо использовать приставки «нано», «пико», «фемто». На подходе и атторазмер! Мною создан также принципиально новый измеритель линейных величин — интерферометр, который пока отсутствует в международной классификации системы измерений. У моего интерферометра минимальная погрешность — не более 0,2 нанометра. Этот уникальный прибор станет трамплином бурного развития геномной инженерии, а именно она начнет конструировать сверхсущество. Сегодня мировое научное сообщество и Росстандарт производят калибровку лишь с помощью статистических мер, а это прошлый век. Ошибки здесь могут быть более 100 нанометров. Эта технология рассчитана на измерения микрометрового диапазона. Теперь коснусь темы государственного финансирования сферы, о которой идет речь, — развития измерительных систем сверхмалых величин. За последние пять-семь лет в различные российские научные институты правительство инвестировало в долларовом эквиваленте более 700 миллионов. В США же за период с 2011-го по 2016 год в науку государством вложено около 20 миллиардов. Там создана исследовательская сеть, в которой заняты около 50 тысяч ученых. И что же? Результата нет, не создано ничего, что возможно предложить современной, а тем более будущей науке. Между тем я, невзрачный сивомасковец, без копейки внешнего финансирования, без амбиций в социальной, политической и потребительской сферах, создал в сознании при-

бор будущего, измеряющий сверхмалые величины массой 10 в минус 15-й степени! Я провожу измерения ближнепольным оптическим микроскопом со световодом, который используется при захвате, фиксации и осаждении перемещаемых атомов и наночастиц. Где я находил средства для жизни и работы? Собирал в тайге ягоды, грибы, кедровые орехи и продавал оптовикам. Конечно, ресурсов было немного, но я очень скромнен в затратах... Продолжать? — неуверенно спросил я Пенталкина, подозревая, что он перестал меня слушать, так как вдруг углубился в смартфон. Спонсор опять как бы одобряюще махнул рукой. — Если я получу финансирование, мы сможем наладить производство этого изделия, и вы будете продавать метрологический лазерный прибор, сконструированный на основе динамических мер. Все мировые фирмы, работающие в этой области, станут вашими клиентами. Я не сомневаюсь, что спрос будет огромный. Такой техники еще не существует, а она крайне нужна! Меня лично прибыль интересует только как средства на разработку новых научных приборов. Например, мне срочно необходимы атомный и туннельный микроскопы и другая сверхсложная техника. Она позволит мне совершенствовать знания и воплощать мои идеи в реальность. Мой лазерный интерферометр — только начало огромного пути. Технология измерений сверхмалых величин открыла двери процессу создания наносборщика. Основная его задача — захват, перемещение и локальное осаждения атомов и молекул на площадке конструирования. Именно этот принцип будет заложен в сотворение сверхсущества...» Я перевел дух, быстро открыл планшет и продемонстрировал Пенталкину схему работы наносборщика.

«Представьте себе, — продолжил я объяснение, — в жидком азоте, а это минус 250 градусов по Цельсию, обитают живые организмы. Мы разбираем их на атомы, которые нанопинцет переносит и осаждает на площадке, где возвращается сверхсущество. Атомы склеиваются в молекулы, молекулы в клетки, клетки в ткань и далее в различные органы. Венец процесса — Соло Моно! Более того, принцип работы пинцета для неорганических частиц не отличается от органических! Что у меня готово на сегодня для начала производства и что гарантирует первые доходы? Конечно, это интерферометр, о котором я уже упоминал. Это изделие, как я уже отметил, можно немедленно выводить на мировой рынок и получать прибыль, став монополистом. Помимо него готовы и отдельные части наносборщика, например нанопинцет. Он также готовый продукт, однако без наносборщика его не продашь. Зато для увеличения скорости осаждения единиц вещества со сверхмалой массой мною создан уникальный зонд. В нем размещена нанотрубка, и в каждом сборщике атомов должны функционировать миллионы таких зондов. Это пока важнейший мой "полуфабрикат" на экспериментальной кухне. — Я поднял глаза на Пенталкина и встретился с его непроницаемым взглядом. — В письме ко мне вы сообщили, что сами историк по образованию. Поэтому в рассказе о своем проекте я старался по возможности избегать специальных терминов. Тем не менее предлагаю пригласить видных физиков, лучше всего из Академии наук или из крупного университета — Москвы, Петербурга. Придется оплатить им два дня работы. Разумеется, вы будете участвовать в нашей встрече и после заключения ученых примете решение: финансировать

проект или отказаться от него. Я не скрываю, что Соло Моно — экстравагантная идея моего интровертного сознания. Сам я глубоко убежден в своей сверхценности, но, конечно, полезно было бы услышать мнения авторитетных ученых, в том числе критические. Уверен, и для них многое из того, что я уже изобрел, будет совершенно новым, а то, что я проектирую, вызовет у них изумление и восторженные похвалы... Единственная просьба: без моего согласия никого не подключайте мне в помощники. Это будет для меня болезненным бременем. Только в полном одиночестве я способен, как говорят поэты, воспламениться и дожидаться вспышки гениального наваждения, из чего затем в сознании прорастет нечто новаторское, прорывное, благотворное для науки и человечества. Для многих, даже для известных ученых, мои умозаключения, скорее всего, окажутся непостижимыми. Я, в свою очередь, не способен оценить и понять исследователей, мечтающих разглядеть в пространстве и времени некие сверхидеи, если показатель их интеллекта лишь 100 — 120 НИС. Когда мне понадобятся лаборанты, а они понадобятся, позвольте, я сам их найду и отберу. Итак, к цифрам. Для развития моих проектов мне нужно сейчас около 5 миллионов долларов. Площадка для работы может быть обустроена и здесь, в Астрахани. Впрочем, вы вправе порекомендовать любой другой крупный или средний город, а также село и даже деревню. Для лаборатории мне необходимо только стабильное электроснабжение. Выделенные вами деньги пойдут исключительно на закупку оборудования — импортного и отечественного. Я сам не смогу его приобрести — я непрактичен, у меня нет никакого опыта деловых взаимоотношений, я не умею

торговаться, не знаю технологии экспортно-импортных операций, не имею желания общаться с банками и другими финансовыми институтами. Я представляю наше будущее взаимодействие примерно так: я нахожу в Интернете нужные приборы, а ваши сотрудники покупают их и доставляют в нашу будущую лабораторию, которая станет и местом производства. Мне ангары не нужны. Двухсот квадратных метров будет вполне достаточно. Если хотите учредить под проект специальную фирму — пожалуйста! Но я категорически не хочу быть ее соучредителем, директором, даже акционером и получать зарплату. Я вырос, простите, на подножном корму и с удовольствием продолжу привычные занятия: рано поутру собирать грибы, ягоды, орехи, коренья. Я способен питаться лесными яствами. К тому же лесное пространство — это ареал одиночества, оазис для творчества. Так что свободное время я буду проводить в лесу или в степи. Полное уединение — вот состояние, при котором мне наиболее комфортно. Для меня нет ничего слаще наблюдения за работой моего сознания. Любовные истории, модные одежды, приобретение материального добра, владение собственным домом — голова Махоркина от этого свободна, все это совершенно чуждо моему разуму. Ни спорт, ни танцы, ни юморины, ни эстрада, ни рестораны и гастрономические изыски, ни престижные тусовки, а также яхты, пляжи, тем более кинофильмы и телепередачи, то есть все, чем нынче восторгаются пещерные сограждане, меня совершенно не интересует. У меня такое ощущение, что большинство современных людей — это создания, которые больше всего любят праздники, выпивку, бытовые разборки и взятки. Эти сивомасковские со-

блазны уже давно уплыли из моего сознания и канули в Лету. К ним я уже не способен вернуться. Часто у меня возникает наваждение, что гомо сапиенсы, окружающие меня, вовсе не живые люди, а некие призраки в моем взбудораженном мозгу. Поэтому у меня никогда не возникало к ним никакой ненависти или желания злобно посмеяться над ними. Но, постоянно наблюдая за динамикой их "эйч ай си", я вижу углубляющуюся пропасть между интеллектуальным потенциалом этого вида и размером мирового разума в безграничной Вселенной, что вызывает у меня глубокую печаль. Чем шире открывается мир, тем скромнее выглядит потенциал сознания рядовых землян. Разве скромный разум сивомасковцев и брэнная их биооболочка способны выжить в пространстве и во времени без коренного обновления и совершенствования? Нет, без доработок у них нет никакой перспективы. Постоянная деградация этого вида все более очевидна. Сегодня она, в частности, явлена в тех образах, которыми заполнено публичное пространство. Мои наблюдения и размышления придали мне параноидальную по мощи интеллектуальную способность приступить к планомерному спасению ущербного вида. Так, я начал создавать из биологического материала и фрагментов самих гомо сапиенсов сверхсущество — Соло Моно. Ведь биостроительного материала вокруг предостаточно. Надо лишь по-новому его сложить! Переформатировать! Это не проектирование искусственного интеллекта из неорганических веществ, а созидание бескрайнего вечного жителя галактик. Тут необходим разум Махоркина!» — В этот момент я опять протянул ему планшет с загруженным на экран изображением картины Дали «Мадонна Рафаэля на

максимальной скорости». Он недоуменно взглянул на экран. Я пояснил, что взял именно этот образ как вдохновляющий ориентир для своего эксперимента. Пенталкин бесстрастно взгляделся в картину. Казалось, он не понимал меня. Я решил чуть заземлить тему беседы: «Если кто-нибудь из ваших менеджеров купит мне самую простую одежду по сезону, этого будет достаточно. Дни и ночи я стану проводить только на своем рабочем месте. Для обывателя я, конечно, выгляжу безумцем. И я не собираюсь спорить. Но для вас... У вас я мечтаю найти понимание. Лишь с крупными финансами есть шанс конвертировать мои оригинальнейшие замыслы в реальное изделие, а точнее, существо. Другого пути нет... Я вам, простите, еще не наскучил? Вы следите за моим повествованием? Махоркин все так подробно и без прикрас излагает, чтобы вы хорошо взвесили факты. Появится ли у вас желание инвестировать в такого типа, как я? Целесообразно ли выделять средства под махоркинский проект создания сверхсущества, хозяина Вселенной? Как-то в письме ко мне вы заметили, что мои исследования на первый взгляд трансцендентны, но актуальны для познания мира, на что лично у вас не хватает свободного времени». Опять наступила пауза. И вновь ее нарушил я, закончив довольно высокопарно: «Господин Пенталкин, у вас не возникли ко мне вопросы? А они должны появиться. Поверьте, что участие в проекте даст вам неземное наслаждение».

Коммерсант молчал. Прошло минут пять, когда он наконец изменил позу. Затем налил воды в стакан, выпил ее и каким-то глухим голосом произнес:

— Возьмите пуфик из-под столика и присаживайтесь.

Я осторожно сел на бархатную табуреточку. Надменный и мрачный взгляд хозяина дома меня, естественно, не радовал. Тон у него оказался соответствующим взгляду — он заговорил как распорядитель судеб всех гомо сапиенсов:

— Я так понял, что мистерия господина Махоркина закончилась. Перейдем к практическим вопросам и оставим бахвальство. В бизнесе людей интересует прибыль. Если я познакомлюсь с бизнес-планом, а ваш рассказ, не скрою, вызывает у меня определенный интерес, если увижу его доходную составляющую, то я и мои помощники начнем размышлять. Вы обещали привезти какие-то бумаги, чтобы экономисты смогли их изучить и дать оценку. То есть высказать рекомендации: участвовать в проекте или отказаться от него. Пять миллионов долларов, конечно, деньги не сумасшедшие, но и не пустяк. Кто способен подтвердить, что этой суммы будет достаточно, чтобы тот или другой проект начал окупать себя и затем приносить прибыль?

— С экономикой у меня отношения не сложились, — честно признался я. — Если вы дадите поручение своим специалистам, то мы такой план составим без промедления. А сейчас позвольте кратко напомнить вам одну историю. В апреле 1492 года к королеве Испании Изабелле во второй или в третий раз пришел на прием малоизвестный человек. Он долго рассказывал о замысле своей экспедиции за три моря и просил денег для осуществления этого проекта, в то время такого же немыслимого и, на взгляд многих здравых людей, параноидального, как тот, о котором я вам только что поведал. Проситель мечтал открыть новые земли. Мир в те времена казался весьма небольшим, мало кому вери-

лось в огромные неизведанные территории. Идея этого фантазера выглядела столь же невероятной, как сейчас моя, — ведь я хочу расширить зону проживания модифицированных существ вплоть до галактик. Естественно, никакого бизнес-плана у автора такой мистерии — это ваш термин — не было. Вы уже поняли, что его звали Христофор Колумб. Тогда ему было 37 лет. Что ж, с деньгами у королевы было худо, с образованием тоже, она освоила лишь фрагменты Библии и начальный курс арифметики. Но правительница поверила Колумбу, сняла, согласно легенде, с себя золотую корону, а также все драгоценности, которые были на ней, и передала ему семь килограммов золота, благословив его. В октябре, то есть менее чем через полгода, Колумб открыл Америку. Результат: Испания получила сотни тонн золота и серебра и вдобавок на несколько веков обрела с десяток колоний. Поучительный пример для прагматичного сознания! Предприниматели избежали бы многих просчетов и заработали огромные состояния, если бы принимали решения так же мудро и отважно, как великая Изабелла. Позвольте все же заметить: решение, принимаемое для расширения бизнеса, если в его составе нет спекулятивности или она не учитывается, даст, как правило, весьма скромный доход или вообще окажется обреченным на банкротство. Априори вы вольны в своем выборе, и я жду вашего суждения. Мы с вами сейчас можем проголосовать за бесконечное и всепроникающее сверхсущество. Быть ему или нет... Если нет, вы сохраните пять миллионов долларов, которые уйдут на шампанское, черную икру, девушек или будут вложены в строительство небольшого бизнес-центра с непонятным результатом. Поэтому вам в

ближайшее время необходимо распознать, определить и, простите, угадать: является мой проект, поучаствовать в котором я вас приглашаю, перспективным предложением с высоким потенциалом рентабельности или он вам неинтересен. Конечно, тут важно понять, к чему вы стремитесь. Я всегда озабочен самосовершенствованием. В моем сознании постоянно должен, так сказать, бушевать творческий пожар. Я не предприниматель, но мне ясно: чтобы что-то продать, тем более успешно, необходимо это «что-то», то есть сам товар, иметь. У меня он в избытке и отличного качества! Я вам недавно охарактеризовал проект, теперь кратко напому главное. Все же при живом общении есть особые возможности повлиять на разум собеседника, и я этим воспользуюсь. Итак, можно начать с интерферометра. На мировом рынке, как я подчеркивал, ничего подобного нет. Такой прибор — это не вопрос ближайшего времени; подобное изделие без меня не появится раньше чем через лет двадцать пять — тридцать. Вы же начнете выпускать его завтра, и к вам потекут заказы, а значит, и деньги, которые мы направим на оснащение лаборатории современной техникой. Работа над Соло Моно будет безостановочной, а в том, что я наделен поистине безумной энергией, вы скоро убедитесь.

— Не понимаю тебя, — медленно заговорил Пенталкин переходя на «ты». — Почему ты хочешь избавить мир от человека? Какими злыми духами окружили тебя люди? Почему так категорично твое решение об их обязательном забвении? Столько вокруг милых русских людей, честных, надежных, чистых сердцем. А русские женщины! Они просто небесные создания, свободные от чертовых умствований. Разве блаженная

заурядность не привлекательней для общения и любви, чем могучий, но отрешенный от земных забот разум? Я умер бы с тоски, если бы моим приятелем был Эйнштейн. Что, тебя в детстве обидели, оскорбили, обделили в правах? Хотелось бы знать, что ты собой представляешь, одинокий, несчастный, озлобленный как бы изобретатель. Я тебе скажу свое мнение: страсть к накоплению фундаментальных знаний ничуть не лучше и даже вреднее, чем страсть к богатству, роскоши и материальным благам. Две страсти эти — две составляющие одного порока, за которым кроются эгоизм мировоззрения и гордыня, а молитва исключает компромисс.

— Я отлично понимаю, что мой труд, мои открытия не отмечены пока крупными гонорарами и правительственными наградами. Махоркин не ждет этого и совершенно не требует. Я лишь непроизвольно наблюдаю за внешней рябью текучей повседневности. Она меня интересует как реальность галактическая, первосущностная. Если при вашей финансовой помощи удастся завершить мой проект вселенского масштаба, то этот успех будет не лично мой или наш совместный, а триумф всей материи, потому что мы ее мельчайшие частицы, мы и являемся ее сутью. Касательно вашей критики моего, так сказать, человеконенавистничества. Я уже сказал, что никогда не позволял формировать в себе такое мировоззрение. Моя критика сивомасковцев носит концептуальный характер и касается генетического ансамбля. Если я вижу, как с помощью науки его усовершенствовать, создать на его базе нечто выдающееся, это вовсе не означает, что автор проекта — законченный мизантроп и социопат. Неужели вас не сводит с ума тот факт, что гомо сапиенсы живут активной жиз-

нью никак не больше пятидесяти лет? С двадцати до семидесяти! Вас не поражает в самое сердце мысль, что ваш правнук не будет интересоваться вашей судьбой, как, собственно, и вы не интересуетесь жизнью своего прадеда, а тем более прапрадеда и прапрапрадеда? Вы не просыпаетесь по ночам в ужасе от того, что смерть неизбежна? Вас не сковывает страх из-за сознания, что между жизнью и смертью всегда лишь один миг? Вас не пугает, что температура вашего тела всегда должна быть не ниже 30 градусов, иначе вы умрете? У вас не возникает чувство тягостной тревоги из-за понимания, что вы, как и весь наш вид, полностью зависимы от внешних условий? Что для вас смертельно пребывание в течение пары часов при температуре плюс 5 с половиной градусов и также при плюс 60?! Вы не клянете собственный генетический ансамбль, который для поддержания жизни требует от вас минимум 1000 калорий и литр воды ежедневно? Вас не бесит «бунтующая природа» вашей органики, которая не подчиняется вам? То, что не в вашей власти дать команду собственной печени, почкам, легким и так далее? Вы не клянете свою физиологию, не способную на телепортацию необходимого лица или на собственное мгновенное перемещение? Вы не обеспокоены тем, что вам бывает ужасно жарко или чертовски холодно? Вас не одолевает злость из-за того, что за признание в желании побывать на далеких звездах вас объявят психом? У вас не вызывает ревность тот факт, что вы не способны создать живописное полотно, сравнимое с шедеврами Сальвадора Дали? Что вы не напишете музыку, равную бетховенской, сочинение, равное романам Толстого? Не опишете физические явления с прозорливостью Семена Николаева? Вас не

удручает, что ваша физиономия печально преобразается каждые десять лет, а за 25 лет эти негативные изменения кардинальны? И что строение тела еще больше подвержено старению? Вас не шокирует, что перед своим генетическим ансамблем вы столь беспомощны и беззащитны? Вас не ужасает род сивомасковцев, его генетическая порча, позволившая учинить холокост, заживо сжигая миллионы людей в печах?.. Неужели вы желаете существовать дальше со всеми этими родовыми изъянами и недоделками? И у Николая Пенталкина не зарождается протест против собственного никчемного плотского заложничества? Не возникает желания изменить к лучшему не только себя и своих близких, но и свой народ, а также все этносы и расы Земли? Усовершенствовать их самым решительным образом?! Создать сверхсуществование — не только истинного хозяина своей биологической природы, но и полноправного жителя всех галактик. Бессмертного, всепространственного, бескрайнего, всепогодного, всетемпературного, телепортационного, всезнающего, абсолютного гения? А если коротко коснуться возникновения гомо сапиенса, то сивомасковец с мозгами удивится слепой случайной дивергенции между палеонтропами и гомо сапиенсами. Без аналитики, без науки, без экспериментов, а лишь волею диких стихийных мутаций возник этот ваш или наш вид. Я же предлагаю научный подход. Если за рабочую лабораторию, в которой будет создаваться наше сверхсуществование, надо выложить всего-то пять миллионов долларов, неужели вы не согласны? Вас надо убеждать, уговаривать, соблазнять доходами, и вас душил, не выпускает из своих клещей обычная жадность. Вы сейчас мучительно взвешиваете, чему отдать пред-

почтение: икре с шампанским, тайскому массажу, кубинской красоте или лаборатории по созданию Соло Моно? Вот по этой причине я и хочу изменить вас всех! Я не прошу вас выделить деньги; я поставил перед собой другую задачу — донести до вас свою научную программу. Вы самостоятельно решайте, что для вас окажется предпочтительней. Если не я вас изменю, то весь ваш вид изменит вслепую сама природа. И как будет выглядеть представитель этого вида через 50 — 100 поколений, никому не известно. Ясно одно — опять все будет происходить вслепую, по воле случайных мутаций. Видимо, наши отдаленные потомки продолжат молиться на костях предков, на иконах, на святых книгах, на тайных знаках или зверях. А Соло Моно я бы охарактеризовал так: это богатейшее по своему потенциалу создание из биостроительных материалов, собранных по кладовым Вселенной! Вдумайтесь! Разум — и неуправляемые мутации! Высокое сознание — и слепые мотивы, зависящие от массы непредвиденных условий! Оказывается, когда совершалась последняя дивергенция, и подарившая нашему скромному миру гомо сапиенса, на большей части планеты стоял долгий сезон дождей. Какая погода будет на этот раз? Аминь!

Наступила долгая пауза.

— Многовато в тебе, Махоркин, от явного психа, — сказал Пенталкин задумчиво. — Вот что меня сдерживает и смущает. Хотя мне известно, что от таких типов, как ты, исходит огромная часть цивилизационных рывков, и часто положительных. Не случайно Чезаре Ломброзо предложил обществу увидеть сходство, пусть и физиологическое, между гениями и помешанными. То есть, по сути, вывел формулу «гениальность = сумас-

шествие». Так вот, гении-психопаты вносят в научные и творческие процессы явный шизофренический налет. Но я не занимаюсь психологией творчества, моя стезя — бизнес. Если в нашем деле появляется душок шизофрении, пиши пропало — это приводит, как правило, к разорению. В мире цифр все должно быть четко, без вариантов. Дважды два всегда должно быть четыре. Твоя идея любопытна как абстрактная гипотеза, но для инвестиций, для конкретного погружения в расчеты она мне никак не подходит. И не только мне, но и всему бизнес-сообществу. Впрочем, способен ли ты, если у тебя голова освободится от идеи Соло Моно, так как инвестиций на него ты все равно не добьешься, заняться другим, более скромным проектом? Мои Кулибины здесь зависли над созданием прибора «Вижин». Он конструируется на основе селенида цинка и должен обеспечивать четкую видимость объектов на расстоянии до одного километра — сквозь мелкодисперсный туман, сквозь плотный густой дым, при любой непогоде: метель, дождь, ураган. Не помеха тучи саранчи, полная мгла, огонь, каменные, деревянные, синтетические стены. После сдачи прибора на госкомиссии, то есть после его приемки государственными органами, — премия 5 миллионов долларов. Учти также зарплату в три тысячи долларов ежемесячно плюс квартира, машина и домработница. Вначале займись «Вижин», а потом уж целиком посвети себя своему Соло Моно. 5 миллионов долларов позволят тебе триумфально изменять многое, что как будто неприкосновенно. Я имею в виду и религию, и логику, и мораль, и культуру, и школу, и неписанные законы общежития! Всю нашу современность, какова она есть. Что скажешь, интроверт?

— Скажу, что материальной реальностью является лишь вещество. Соло Моно создается из материальной реальности, то есть из вещества; это творение из органики. Существуют причины, вынуждающие меня браться за свое детище без промедления. У меня есть конкуренты. Я бы выразился даже более жестко: у сивомасковцев есть противники, которые ни перед чем не остановятся. Это всемирно известные фирмы, основательно взявшиеся за создание искусственного интеллекта. Они намерены использовать не природные органические вещества, а пластик, металлы и прочую неорганику. Поэтому я не могу браться ни за какой другой проект. Соло Моно фактически стало частью моего собственного существа; кроме идеи создания жителя Вселенной, в голове моей ничего нет и быть не может. Тем более что я категорически отрицаю точку зрения, согласно которой все события в существовании сивомасковцев кем-то заранее predetermined. Это не так. Разум дан нам для совершенствования самого себя! От простых, примитивных форм до бесконечного процесса обновления. Однако спасибо за лестное предложение. А что, если рассмотреть другой вариант? Мы начинаем с Соло Моно, завершаем его, и Федор Махоркин дает гарантию, что следующим совместным проектом станет ваш «Вижин». Я буду работать на вас без гонорара, без домработницы и автомобиля. Хотя... Не желаю никого обманывать, а вас особенно, но если роды нашего Соло Моно состоятся, а никаких сомнений в этом у меня нет, то вам станет совершенно неинтересен будущий «Вижин». Ведь Соло Моно решит любую задачу — оно способно видеть через любой материал, его взгляд будет проникать не на тысячу метров, а без-

мерно дальше. С нашей планеты оно сможет наблюдать мельчайшие процессы на других небесных телах в разных галактиках. Итак, на чем вы останавливаетесь? Заработать деньги или сотворить чудо, создав хозяина Вселенной, и спасти свой вид от опасности искусственного интеллекта?

Опять повисла длительная пауза. Затем Пенталкин сказал:

— Я думаю, что проверить готовность прибора «Вижин» просто. Я устанавливаю прибор и разглядываю мир, недоступный моему невооруженному глазу. А каким образом я буду тестировать сверхсущество, о котором ты печешься? Измеряется ли его разум 150-ю НИС? Или 500-ми? А может, тысячью? Как провести анализ на уровень интеллекта твоего так называемого детища? Что, придется приглашать главного психиатра Зураба Кекелидзе? Других академиков? Это ведь все деньги, и немалые... Если организовывать тестирование, надо рассчитывать минимум на миллион долларов. Так что уже не пять, а шесть их потребуется.

— Начните зарабатывать с интерферометра, — попытался возразить я. — Такого точного прибора, измеряющего атомы, бозоны, фотоны, нейтрино, в мире еще не существует. А я параллельно начну оснащать лабораторию и продолжу создавать Соло Моно...

— Минутку, минутку, — раздраженно перебил Пенталкин. — А ты знаешь, сколько денег нужно для агрессивного маркетинга, чтобы вывести на мировой рынок новый продукт? Конечно, ты об этом понятия не имеешь. Я тебе скажу — минимум пара миллионов долларов. Это лишь затраты на участие в международных выставках. Аренда выставочных площадей, аренда мебели,

охрана, разный сервис — Интернет, вайфай, принтеры, авиабилеты, гостиницы, питание, презентации со стаканом вина и икрой, информационные материалы, публикуемые в экспозиционных и отраслевых изданиях, зарплата менеджеров... Меньше 150 тысяч долларов никак не получится. Для того чтобы прибор узнали в мире, необходимо каждый год участвовать в 6—7 выставках в США, Европе, России, Китае, Японии, Корее, Индии. И так два-три года. Это уже 8 миллионов. Фонд заработной платы — а в штат необходимо будет набрать опытных маркетологов, свободно владеющих иностранными языками и знающих потенциальных потребителей интерферометра. К продажам, словом, мы подойдем через полтора-два года. Это еще один миллион. Итого — девять! Теперь производственные расходы. Какие материалы требуются для изготовления твоего прибора? Опять деньги. А патентная защита? Перед тем как вывести прибор на мировой рынок, необходимо его юридически оградить. Патентные юристы — ушлый народ, их зарплата исчисляется в пятизначных цифрах. А патентные регистрации по странам? Это шестизначные цифры. Например, в Японии регистрация патента может стоить от 50 до 100 тысяч долларов. И каждый год необходимо поддерживать регистрацию платежом около 7—9 тысяч долларов. И так далее и тому подобное. Не устал, интроверт? А если говорить о Соло Моно, то тут потребуются сотни миллионов, может, даже миллиарды...

Теперь пришла моя очередь почесывать в затылке и молчать. После паузы я все же сделал еще одну попытку убедить собеседника:

— Господин Пенталкин, я с самого начала подчеркнул, что почти не разбираюсь в экономике и финансах.

Мое представление об этой сфере может показаться предельно наивным. Но позвольте его озвучить: деньги можно зарабатывать, а значит, продвигать мой основной проект, по следующей бизнес-схеме. Регистрируется фирма X на ваше имя. Снимается небольшое помещение в вашем городе с рекламой: «Повышаем "эйч ай си" вашего ребенка еще в утробе». Здесь же приводится прейскурант. 120 НИС — будущий инженер средней руки — стоит 100 тысяч долларов. 170 НИС — руководитель успешного предприятия — 200 тысяч долларов. 220 НИС — федеральный министр — 500 тысяч долларов. 300 НИС — ректор ведущего университета страны — миллион долларов. 400 НИС — лауреат Нобелевской премии — два миллиона долларов. 700 НИС — разработчик и исполнитель проекта Соло Моно — 5 миллионов долларов! Результаты гарантируем! Рядом с прейскурантом справка: «эйч ай си» Ньютона, Бора, Менделеева, Эйнштейна, Гинзбурга, Планка оценивается в 200 НИС. За первые десять лет я в пять раз повышу объем НИС у новорожденного гомо сапиенса и стоимость услуг фирмы. Я работаю не покладая рук, не давая роздыха мыслям, поэтому после каждого шага, словно по волшебству, мой Соло Моно становится все более совершенным. Его разум усиливается в геометрической прогрессии, а сознание все настойчивее тянется к покорению галактик. Ни у меня, ни у вас не возникает перед согражданами никакой моральной ответственности. Сейчас мне 31 год. Через три десятилетия я подниму НИС разработчику и создателю Соло Моно до 100 тысяч. А еще через десять лет Соло Моно уже шагнет по неизведанным галактикам, утверждая себя хозяином Вселенной. Это ли не успешный бизнес для вас, господин Пенталкин? Это

ли не замечательная судьба для всего нашего вида, уже начавшего хиреть и просто исчезать? Вида, созданного стихийными мутациями? Взгляните с критическим прищуром на современный мир! Он начнет вызывать у вас антипатию, а затем и гадливость. Единственный для меня путь, дающий шанс избавиться от такого чувства, — это неистовый труд над собственным проектом, глубокий поиск изысканной формы возвышенного существа. Ведь невозможно бесконечно гордиться и восхищаться таким созданием, как сивомасковец, избалованным собственными бесконечными похвалами! Развитие порочного сознания, снижение объема интеллекта наблюдается сегодня на всех континентах, среди всех рас. За этим насильственное навязывание убогих копеечных мыслей, аннексия индивидуального и массового сознания мировыми медийными центрами. Интернет — прекрасная площадка для анализа и доказательств такого процесса. Станьте защитником своих сограждан и современников! Объявите себя спонсором гениального проекта! Не скрою, предвкушение встречи с вами вселило в Махоркина дополнительную созидательную силу. И это потрясающее ощущение. Представьте себе, что Соло Моно получит способность общаться с элементарными частицами, чьи размеры меньше атомов, — с электроном, протоном, гравитоном, мезоном. И когда Махоркин покинет этот свет, Соло Моно продолжит дальше конструировать новые существа! А необходимо-то всего лишь стартовые 5 миллионов долларов! Иначе всех вас отгеснит, а затем и уничтожит искусственный интеллект! И вид исчезнет так же неожиданно, как и возник! Ведь через несколько десятков лет будет уже поздно! Мой прогноз — к 2147 году

процесс исчезновения сивомасковцев станет необратимым. Ученые в разных странах ежедневно докладывают об успешных шагах по созданию искусственного интеллекта, который станет могильщиком гомо сапиенса! Один лишь пример. Российский Сбербанк объявил, что в 2017 году уволит три тысячи юристов, поскольку их функции станет выполнять система искусственного интеллекта. Таким образом, ненужными становятся уже опытные специалисты с высшим образованием. А работников со средним и специальным образованием ежедневно сокращают тысячами. Их обязанности начинают выполнять технические устройства. Прогноз на 2020 год — на мировом рынке труда искусственный интеллект вытеснит полтора миллиона сивомасковцев с вузовскими дипломами. В 2025 году без работы окажутся еще два с половиной миллиона. В 2030-м — 5 миллионов. В 2050-м — 70 миллионов! Потом — 100 миллионов! Миллиард! И этот процесс беспощаден. Вам лучше, чем мне, известна правота поговорки «Труд сделал человека человеком». А кто задумывается над ситуацией, когда труд человека перестанет быть востребованным? Какой демографический коллапс охватит тогда мир? Ведь бытие — это присутствие в реальности, а чтобы в ней существовать, необходимо прилагать усилия, то есть служить обществу и реализовывать себя. А если работы нет и не будет? Если ИИ захватит все специальности, все зоны приложения профессиональных усилий? Ситуация отторженности, выброшенности из социума вызовет всеобщий генетический страх, как модус тотального самоуничтожения. В биологическом мире этот феномен известен. Государства эту колоссальную проблему не замечают, они заняты текущей проблема-

тикой, выборами, войнами и другой чушью. Но вы частное лицо! Думайте! Решайте! Времени в обрез!

После этого монолога я повернулся к Пенталкину спиной, пересек большой зал и подошел к окну, из которого открывался вид на набережную. Красноватые лучи заходящего солнца, словно вестники приближающегося вечера, играли по волжской воде, казалось проникающая в ее глубины и озаряя их. В этот момент идиллическая картина лишь усилила мои душевные страдания, вызванные унижительным объяснением с Пенталкиным. Я словно утрачивал смысл существования и со всей остротой переживал утрату столь дорогого мне существа — моего так и не родившегося приемного сына. Смутное предчувствие провала парализовало разум. Инстинкт борьбы, который руководил мной долгие годы, ослабел перед цепящей неопределенностью.

— Пожалуй, мне эта история не по карману, — услышал я между тем голос Пенталкина. — Если 5 миллионов надо выложить на старте, а инвестировать придется тридцать-сорок лет, причем я не вижу никакой гарантии, что ты получишь ожидаемый результат, — нет и еще раз нет. Надежнее вкладывать труд и материальные ресурсы в строительство домов, производство щебня для дорожного покрытия, развивать аквакультуру, добиваться результата в проекте «Вижин». Нет-нет, я не твой партнер и не твой спонсор. Если проголодался, тебя покормят. Сейчас позову помощника. Прощай, интровертный пораженец...

— Спасибо за откровенность, — медленно произнес я. — И не беспокойтесь, я сыт. «Пораженец? — усмехнулся я про себя над его характеристикой. — Пожалуй. Подвид "пораженец" из вида сивомасковцев».

— От меня так просто не уйдешь. Дождись помощника, он через пару секунд будет.

Меня вывели на Советскую улицу. Я был как в тумане. Не видел или не хотел замечать помощника и охранника, искать свой портфель, куртку. Шел неизвестно куда, не оглядываясь. Особенностью Федора Махоркина я твердо считал родовую индивидуальность, ярко выраженную в навязчивой мысли качественно изменить сивомасковцев. Эта идея фикс была моей сущностью, и ничем другим я не был примечателен. Но после полного крушения плана создать лабораторию я чувствовал, что все изменилось. В голове моей яростно спорили два голоса. Первый призывал отречься от прежних замыслов и трудов и посвятить себя поиску нового занятия для ума. Второй возмущался таким вероломным предательством проекта Соло Моно, которому я посвятил, по сути, всю свою сознательную жизнь. Как после этого я буду называть самого себя? В этом случае меняется оценка самого Махоркина — мне придется считать Федора Михайловича истинным сивомасковцем, то есть заурядным индивидуумом. Именно такие типы с легкостью изменяют своим внутренним ценностям. Разве я столь же непостоянен и малодушен, что в момент трудностей готов объявить себя таким же, как все сограждане? Куда денутся прежние мои умозаключения и оценки?..

Федора Михайловича привели в чувство пронзительные сигналы автомобилей и ругань водителей. Возмущение их было совершенно справедливо — я обнаружил, что стою на середине проезжей части улицы, и поскорее перебежал на тротуар. Затем вновь двинулся неизвестно куда. Впервые у меня вдруг возникло же-

ление распрощаться с жизнью. Почему такая мудрая мысль не пришла мне в голову, когда я стоял у окна в доме предпринимателя? Ведь после его отказа финансировать проект для меня жизнь уже фактически закончилась. Его «нет» переместило меня за пределы реальности, а значит, и существования. Я должен был моментально взглянуть на окружающую реальность словно на ее изнанку — а давно известно, что изнанка жизни — потусторонний, загробный мир! Да, я не верю, что после смерти что-то существует. Но реальность, в которой я не способен найти свое место, меня тоже абсолютно не интересует. Я страстно верил, что найду спонсора, я обращался по десяткам, сотням электронных адресов, но никого не разыскал. Никого мои мысли не заинтересовали! Возможно, и мир нереальности меня обманет и я обречен повсюду на изгойство и отчуждение. Кто знает, где приготовлено для меня место! Если здесь его нет, то, может, мне суждено обосноваться «там»? И следует ли подвергать это простое умозаключение ревизии? Есть только два местонахождения: реальное и нереальное, «здесь» и «там». Других вариантов не существует. Если у меня «здесь» ничего не получается, впрочем уже не получилось, необходимо попробовать найти себя «там» и самозабвенно предаться прежним трудам по сотворению Соло Моно. Именно «там» собраны и находятся в выжидательном покое самые выдающиеся мозги сивомасковцев. Впрочем, спят ли они, пребывают на вечном отдыхе или?.. Идея переселения «туда» не оставляла меня. А сам «переход» все больше соблазнял загадочностью. Ведь любое таинство в воспаленном сознании, а оно у меня именно такое, вызывает параноидальный интерес, стимулирующий,

в свою очередь, интенсивный научный и творческий поиск. У меня возникли нерешаемые проблемы в одной реальности, и я, естественно, возмечтал найти их решение в другом «времени». Необходимо самому убедиться, что смерть есть бесконечное вселенское ничто. А страх возникает от подозрения в наличии там опасности во сто крат большей, чем в нашей реальности, и ужас переносится умом тем страшнее, чем меньше у тебя знаний. Разве не эти соображения останавливали и мучили Гамлета? Другой альтернативы найти себя у Махоркина нет! Легенд о загробном мире множество. Во всех религиях этому необъятному пространству уделяется большое внимание. Есть и разнообразные красочные картины потустороннего мира, навеянные человеческим воображением. А вдруг действительно «там» меня ждут приятные сюрпризы?.. Невозможно добыть научную истину, если она не проверена экспериментально. А что такое вообще физическая реальность? Известные физики считают, и я с ними полностью согласен, что любой нанообъект существует во времени и пространстве вечно. Так что «там» меня ждут детальные исследования. Я поймал себя на мысли, что у меня не возникло даже йоты опасения перед дорогой на тот свет. Как будто она изначально, с самого рождения Махоркина, входила в программу моего существования. Тогда в самом деле пора различать и оценивать реальность как место для высшего выражения сознания или потусторонность — как площадку для продуктивнейшего воспаления ума. И сравнить творческий потенциал обоих «мест». Итак, я все обстоятельнее проникался идеей переселения в другой мир и уже предвкушал новые восторженные ощущения. Этот «пе-

реезд», возможно, откроет мне тайну — кто и какие силы создали Вселенную. И я наконец пойму, что ответ на этот вопрос прячется в тени загробного мира. Да, необходимо проникнуть в эти кладовые тайн сущего бытия. И передать заповедную информацию «назад», чтобы «этот» мир замер в изумлении. Не обманываю ли я себя этими новыми, совершенно нетипичными для моего сознания мыслями? Ведь прежде в моей голове никогда не возникало таких размышлений. Что, все будущее в ирреальности явится лишь продолжением яркого предшествующего в реальности? И ирреальность сольется с реальностью в едином вселенском времени? «Может быть, может быть, — стучало в голове. — Ведь моим главным стремлением "здесь" всегда было создание существа бескрайнего и бесконечного. А "тот мир" и отвечает этим особым характеристикам». Видимо, должна быть здесь некая связь. Ведь у всего бескрайнего и бесконечного форма непостоянная, текучая, подвижная, волатильная, как у Дали в моей заветной «Мадонне Рафаэля на максимальной скорости». Но у Махоркина возникает противоречие: у вечного не может быть начала. В трудный момент разум пришел мне на помощь: весь биостроительный материал, из которого создается Соло Моно, является бескрайним и бесконечным. Нейтрино, фотоны, гравитоны, мезоны — они вечные и бесконечные. Я лишь архитектор или конструктор, собирающий их вместе, создающий своего приемного сына, который будет воспринимать Вселенную точно так же, как сивомасковцы воспринимают сперматозоид и яйцеклетку, которых они «винят» в своем рождении. Вечного жителя Универсума ничто не стесняет, его биофизическая оболочка состоит из элементарных

частиц. Они активны и беспредельно преданны сути существа. И противоречия никакого нет! Остается только одно и главное — предстоящая борьба биоинтеллекта с искусственным.

Тут я подумал: чем могут помочь себе сивомасковцы? И решил написать прощальное письмо сильным мира сего. Вдруг кто-то серьезно отнесется к моей идее? И «этот» мир без меня займется созданием Соло Моно. Я вновь открыл планшет и написал следующий текст:

*Президентам России, Китая, США, канцлеру ФРГ,
премьер-министрам Израиля, Испании, Грузии,
другим главам правительств,
всем лауреатам нобелевских премий,
президентам национальных Академий наук
Главному раввину России Берл Лазару,
Его Святейшеству Папе Римскому Франциску,
Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу,
Святейшему и Блаженнейшему
Католикосу-Патриарху всея Грузии Илии II,
Председателю президиума Духовного управления мусульман
Европейской части России, председателю Совета муфтиев России
шейху Равилю Гайнутдину,
Главе традиционной буддийской сангхи России
XXIV Пандито Хамбо ламе Дамбе Бадмаевичу Аюшееву*

УВАЖАЕМЫЕ ДАМЫ И ГОСПОДА!

Принадлежность к интеллектуальной и социальной элите современности должна побудить вас высказаться по наиважнейшему вопросу нашей цивилизации: созданию смертоносной для всего человечества технологии — искусственного интеллекта. Сегодня мир наблюдает, как стремительно развивающийся техноген-

ный импульс приводит к глубокой трансформации всей среды обитания человека. На наших глазах происходят кардинальные изменения не только экологического и технического ландшафта бытия, но и информационно-коммуникативной сферы. Процесс этот не носит экстенсивного характера — это не просто расширение технико-экономических возможностей человека за счет мобилизации новых ресурсов экосферы. Нет, ему присущ качественный, интенсивный размах, что затрагивает самую сущность гомо сапиенс — сферу его разума.

Уверенность в том, что создаваемые системы искусственного интеллекта представляют реальную угрозу для человечества, разделяют многие ученые. Однако мы убеждены в том, что данную серьезнейшую проблему будущего мира необходимо вынести на публичную площадку — ведь именно выдающиеся личности из сфер науки и религии накопили огромные знания о человеке, именно они способны предложить безболезненный для человека путь развития робототехники. Иначе неконтролируемые разработки и производство искусственного интеллекта станут преобразовать окружающую среду столь стремительно, что массовый человек будет вытеснен, поработщен или уничтожен. «Не существует такого закона физики, который препятствовал бы взаимодействию частиц для создания искусственным интеллектом собственных и полностью самостоятельных логических комбинаций, недоступных для человеческого мозга», — считает знаменитый физик Стивен Хокинг.

Вопросы искусственного интеллекта — одна из наиболее динамично развивающихся отраслей междисциплинарного знания. Когнитивной основой подобных

исследований являются новейшие эксперименты в изучении мозговых структур: нейронных сетей, известных как зеркальные нейроны, отвечающих за обучение и коммуникацию, а также более сложных многомерных сетевых структур организации мозга: коннектомов и когнитомов. Уже сегодня молодая и закрытая компания Vicarius (США) создает цифровую модель неокортекса (новой коры головного мозга), способного к сенсорному восприятию, осознанному мышлению и речи. При достижении этой цели не только рынок труда будет кардинально изменен, поскольку с него окажутся вытесненными сотни миллионов и даже миллиарды людей. Наступит такой уровень развития ИИ, при котором человек станет у него роботом или исчезнет вообще. Неуправляемое развитие ИИ представляет потенциально большую опасность, чем ядерное оружие, любые другие вызовы современности. Наука должна служить людям, а не вытеснять человека. Но «поколение пепси» уже сегодня отождествляет себя с системой «я и гаджет», искренне находя такой синтез «крутым» и модным. Я с болью замечаю, что в нашу жизнь на высоких скоростях прочно внедряется ИИ. Происходит психологическое привыкание людей к общению с ним, закрепляется зависимость от него и полное ему подчинение. Подобное «расчеловечивание», увы, прогнозируемый результат бездумной и безответственной надстройки — искусственного интеллекта над естественным сознанием. Киберзависимость противоречит системе аксиологии (добро — зло) человека, его моральным и религиозным воззрениями.

Сегодня для человечества жизненно важен и неотложно необходим диалог о путях определения границ развития искусственного интеллекта. Ведь чем выше

его доля в сфере цивилизации, тем ниже реальные возможности людей реализовывать личностный потенциал, удовлетворять свои потребности в свободе, творчестве, любви, самовыражении. Человечество оказалось на пороге экзистенциального риска — искусственный интеллект угрожает гибелью разумной жизни.

Я призываю вас и всех других авторитетных ученых, а также лидеров общественного мнения и глав мировых религий собраться в 2017–2018 годах для первых консультаций по противодействию выполнению обширных программ развития искусственного интеллекта. В самое ближайшее время требуется установить законодательные ограничения в этой области науки и практики. Ведь бизнес наращивает темп инвестиций в проекты развития ИИ. Но человечество возникло без инвестиционного проекта. Неужели нажива станет могильщиком нашего общего рода?

Роботы, манипуляторы — конечно, да!

Искусственный интеллект — категорически нет!

Эта наиважнейшая проблема современности остро нуждается в вашем участии и мыслях.

*С наилучшими пожеланиями,
автор проекта Соло Моно —
бескрайнего и бессмертного жителя Вселенной
с НИС в 1 миллион*

Авторский проект создания Соло Моно пересылаю в Академии наук России, Германии, Израиля, Китая, США, Испании и других стран мира, чьи электронные адреса найду в Интернете. Успехов вам в реализации моего проекта. Прощайте.

Мое сознание рождает параноидальные идеи постоянно и бесконечно. Поток изменений обновляет подходы к все более совершенным технологиям создания Соло Моно. Ведь сама цель требует такого напряжения — повышения потенциала разума Вселенной до одного миллиона «эйч ай си». Поэтому мои умствования частенько украшаются бесконечными размышлениями. Если я тороплюсь к абсолюту, то мне не следует прислушиваться к восторгам социума — они такую цель перед собой не ставят! В этот момент в памяти вновь всплыли строки из «Фауста», навеянные моим состоянием:

Он рвется в бой, и любит брать преграды,
И видит цель, манящую вдали,
И требует у неба звезд в награду
И лучших наслаждений у земли,
И век ему с душой не будет сладу,
К чему бы поиски ни привели².

Так о Фаусте говорит Мефистофель. И это описание, кажется, вполне соответствует моей натуре. Неужели темперамент сознания подтолкнет меня когда-то воскликнуть: «Я познал прелесть потусторонней жизни! Восторженностям здесь нет предела! Остаюсь на том свете!» Я ощутил, что внутренний голос словно изменил тональность и неведомая сила стала поторапливать к уходу в неведомое пространство. Разумеется, и никак иначе, «потусторонняя ирреальность» начнет открываться при соприкосновении с ней и при забвении прежней. Но как перейти в «тот» мир? Не в петлю же лезть! Не прыгать в море с камнем на шее! Не бить

² Перевод Б. Пастернака.

по своей голове кирпичом! Не резать бритвой вены! Куда теперь податься? В тайгу, в лес, в степь? А как там продолжить исследовательскую работу? Ведь обустроить лабораторию нет никаких шансов. Капитал отсутствует! А без него двигаться дальше невозможно. Что, передо мной лишь один путь? Дорога на тот свет? «Неужели только она и осталась?» — усмехнулся я про себя. Я мечтал быть щедрым к своим согражданам, бескорыстно отдавать для их эволюционного совершенствования свои знания и силы, но оказался лишь презираем и не нужен. Самое высокое «эйч ай си» не способно противостоять глупости сивомасковцев. В этот момент в голову пришла совершенно неожиданная, обескураживающая сознание мысль. Если я так радикально отличаюсь от сограждан своей ментальностью, мировоззрением и дерзновенной устремленностью к созданию нового обитателя глобального мира, если я совершенно не испугался отправиться в преисподнюю, то возможно предположить нечто удивительное: некий неизвестный (или неизвестные) ученый уже сложил 31 год назад из биологического строительного материала самого Федора Махоркина, первую версию Соло Моно. Видимо, поэтому мне совершенно неведомы мои родители. Я воспитывался у бабушки и всегда подозревал, что она мне вовсе не родня. Как эта вполне резонная мысль не приходила мне в голову раньше? Видимо, именно данное обстоятельство определило мою страсть — продолжить поиск создания жителя Вселенной. А если я сам — первая версия Соло Моно, трансграничного существа, способного существовать во всех сферах, — может быть, действительно стоит отправиться в загробный мир? Там найти

ресурсы для создания лаборатории, чтобы продолжить работу по созданию моего приемного сына — новой генерации Соло Моно? Некто «они» своими знаниями набросали законченную первую версию Соло Моно, замаскировав свой дерзкий эксперимент в невзрачный типаж, нарекли его ничтожной фамилией — Махоркин, воскресили своего приемного сына в смешном, жалком, заброшенном провинциальном городе под названием Сивая Маска и предоставили возможность осмысливать окружающую реальность и нечто большее — ирреальность. «Абсурд! — вначале отверг я эту идею. — Сознание предает своего хозяина. Глупость! Безвыходность лишила меня рассудка! Но почему так радикально, Махоркин? Неизвестность — всегда шанс на открытие чего-то нового. Что я теряю? Мне нет жизни в этой реальности; в любом случае я прощаюсь с ней. А свой потенциал забираю вместе с собой в это рискованное путешествие. Путешествие или изгнание? — Я подумал и быстро нашел выход: — Тут необходимо использовать другой термин... Телепортация! Да, именно так. И в дорогу я беру надежду... Если Вселенная усеяна разнокалиберными органическими и неорганическими величинами диапазона от постоянной Планка до аттонанометрового размера, то в загробном мире, как во фрагменте Вселенной, та же картина. А значит, мое сознание первой версии Соло Моно пребывает в своем вечном и мгновенном состоянии астрального перемещения со скоростью 29,6 километра в секунду и я, возможно, как раз через ирреальный мир впервые окажусь на просторах нашей Галактики! Первым чудом, с которым мне придется столкнуться в пути, окажется магическая стена, отделяющая реальность от потусто-

роннего мира... Будет ли опознана порочная ошибка переселения собственным сознанием или ее отметят в гримасе умники сивомасковцы?» — возник у меня язвительный риторический вопрос. Я решительным движением открыл планшет и набрал в поисковике «Смертельные передозировки». Первым услужливо выскочил «парацетамол». «Недозированный прием этого препарата, — сообщалось в способах применения, — вызывает некроз печени. Смертельная доза — 25 граммов». Я оживился, словно некая мистическая энергия взбодрила мое тело, и бросился в первую астраханскую аптеку. Прохожий подсказал мне ее адрес. «У вас есть препарат с содержанием парацетамола?» — спросил я аптекаршу. «Только пенталгин. В него входит парацетамол». «Пенталгин?» — поразился я. Ага, сам Пенталкин пожелал отправить меня в дальнюю дорогу. Ну и Пенталкин! Губит он меня окончательно или оказывает мне помощь? «Сколько граммов парацетамола в каждой таблетке?» — «Минутку... — Аптекарша надела очки. — Триста миллиграммов». — «Сколько таблеток в пачке?» — «Десять». Я купил две пачки и выбежал на улицу. Рядом с аптекой находился продуктовый магазин. У меня оставалось около 150 рублей. На витрине я увидел «Боярышник» и тут же вспомнил о его замечательных способностях отправлять сивомасковцев на тот свет. У меня хватило денег купить пузырек в 250 граммов. «Этого будет достаточно», — пронеслось в голове. Парацетамол? «Боярышник»? Я не хотел выбирать, а желал соединить действие обоих смертоносных средств, чтобы дорога на тот свет не была долгой. Надо исключить встречи с попугчиками, чтобы не вступать с ними в дискуссии о сущности сивомасковского

бытия, о преимуществах разума над чувственностью. Ведь я перемещаюсь в другой мир не потому, что стал презирать себя или жалкую реальность сограждан, а потому, что ищу место, в котором мое сознание получит материальный ресурс для научного созидания. Я вышел на улицу. Прошел к набережной Волги и уселся на скамейку. Я испытывал редкое для меня чувство покоя. Не раздумывая, я проглотил двадцать таблеток пенталгина и решительно запил их «Боярышником», не оставив ни капли. Через пару минут передо мной распахнулась обитая алым шелком дверь иррациональной конфигурации — и тут же взору предстало огромное полотнище Сальвадора Дали «Геополитик, наблюдающий рождение нового человека». Я бы заменил последние два слова на «Соло Моно»... Впрочем, это не важно... Признаюсь, переезд в потустороннюю реальность вначале смущал меня мрачностью, параноидальным воображением отрешенного одиночества. Но эта картина Дали помогла сознанию открыть новую, неизведанную панораму, ранее плотно прикрытую тяжелой, глухой завесой. «Это пространство может быть не таким уж мертвым», — проносилось в моей воспаленной голове. Если у меня уже окрепло желание выйти за пределы сивомасковского мира, то необходимо отправиться за горизонт охваченным творческой надеждой. Я беззвучно закричал в никуда: «Махоркин, быстрее создавай Соло Моно! Своего приемного сына!» Потом то же самое я пробормотал себе под нос. При этом почувствовал, как несколько мух заползли в него. В носу зачесалось... Вдруг ярчайший свет, прислужник смерти, сократил мою зрительную способность, а пару минут спустя в зрачках стали вспыхивать то краски белой

Александр Потёмкин

ночи, то полярного дня — знакомые сюжеты Сивой Маски. Тут соразмерность реальности и ирреальности в сознании стала медленно стираться. В какой-то момент я почувствовал, что мое тело начало растекаться словно часы Дали, и я побежал все быстрее, быстрее и быстрее...

МОСКВА — ГАМБУРГ — МАРБЕЛЬЯ
Январь 2017

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Спасибо, что вы прочитали книгу до конца. Надеюсь, что ваш НИС многократно повысился.

С УВАЖЕНИЕМ,
АВТОР И СОЗДАТЕЛЬ СОЛО МОНО

НОМО ЛИ SOLO? («Таежное» блуждание души)

Новый роман Александра Потёмкина удивил своей сложностью даже самых его прилежных читателей. Это роман-вызов, и уже в авторской аннотации задан тон: «Уважаемые читатели! Если уровень вашего НИС («эйч ай си», высшее выражение сознания, higher intelligence consciousness) меньше чем 100, то, пожалуйста, не приобретайте эту книгу — вряд ли вы получите удовольствие от ее чтения». При таком посыле не каждый решит признаться в своей несостоятельности, и читатель книге обеспечен — начинаешь погружаться в причудливую ткань текста. Если автор хотел добиться того, чтобы роман был прочитан даже помимо воли, — он этого достиг.

Уровень НИС и является основным составляющим романа, причем уровень интеллекта напрямую связывается с судьбой человечества, что даже в контексте нынешнего повышенного интереса к возможностям человеческого сознания и мышления представляется оригинальным. А уж выбор персонажа, который взял на себя миссию усовершенствования человечества, просто поразителен. Итак, молодой человек по фамилии Махоркин и со значащим именем Федор Михайлович, родом из городка Сивая Маска, что за полярным кругом, пешком отправляется из родных мест в Астрахань к возможному спонсору Пенталкину, способному финансировать воплощение в жизнь его, махоркинской идеи.

Внутренний монолог персонажа длиною почти во весь роман начинается сообщением: *«Сегодня я уже точно не помню, что именно меня вдруг обеспокоило: нога, рука, голова, живот. Но боль оставалась в памяти. Именно после нее я, сам того не подозревая, впервые задумался: сейчас меня уже раздражает, почему эта мысль раньше не при-*

ходила мне в голову, а что это такое — я сам?» То есть герой сразу определяет не просто свою необычность, но «неподчиненность» собственному организму — он не может определить, что у него болит. Да собственно, на протяжении всего повествования Махоркин отказывается от любого проявления исконных человеческих чувств, интересов и ощущений. Сам он «угрюмый», лохматый, с почерневшими зубами, худой и неказистый. Махоркин подчеркивает свою неприглядность, почти декларирует ее, хотя порой кажется, что именно собственная непривлекательность так мучает его, что он спасается от мира верой в гениальность своей идеи. Она родилась в его сознании и мало связана с реальностью, мир реальный вообще живет параллельно с героем: *«Я вообще практически не замечаю внешний мир. Мне необходимо предельно сконцентрироваться, чтобы разглядеть его».*

Все чувственные радости и недомогания им отрицаются как проявление низшего, присущего «сивомасковцам» существования, которые для него олицетворяет все пошрое, примитивное, недочеловеческое. Их стремление устроить свою жизнь, повисить благосостояние, любить, выпить-поеть, одеться и даже завести детей в Махоркине вызывает полное отторжение. Если «подпольный» персонаж Достоевского упивался своей зубной болью и вокруг нее возводил свои болезненные умственные построения, то Махоркин — уже какой-то завершающий этап отказа от обычных человеческих проявлений, особенно позитивных. Если Махоркин вдруг ощущает в себе (а это случается) какие-либо чувства, близкие к «сивомасковским», он не просто отгоняет их, но стремится истребить: *«Но как избавиться от всего этого чисто человеческого, которое я ненавижу не столько в других, но больше в самом себе?»* Персонаж пускается в путь с обмылком, полутора тысячами рублей, скудным запасом

провианта и вполне современным, невесть откуда у него взявшимся планшетом. Да это и несущественно, поскольку необходимо для его идейного продвижения по тайге и редких включений в происходящее во внешнем мире.

Александр Потёмкин, как и всегда в своем творчестве, обыгрывает целый пласт идей и сюжетов. Собственно, узнаваемая цитатность характерна для современного творческого, особенно постмодернистского мышления. В данном случае перед нами роман-путешествие, но также доведенный до логического предела. Преодолевая в XXI столетии тысячи километров пешком, персонаж, по сути, путешествует по закоулкам собственного сознания и постоянно декларирует это. Если молодой человек классического романа-путешествия к его завершению «воспитывался» приключениями, общением с новыми людьми, совершенствовался, то и Махоркин меняется к финалу, но эта эволюция — от интереса к собственной идее — через полное погружение в нее — к абсолютному отчаянию и трагическому концу.

В начале пути Федор Михайлович определяет его цель и координаты: *«В этом путешествии, и я должен это понимать, мне откроется не реальная картина мира, а ее искаженный образ, порожденный моим болезненным сознанием. В этом понимании мой эгоизм становится абсолютным. ...Я одинок и не испытываю никакого желания иметь какое-либо имущество, кроме собственных, порой вздорных, мыслей».*

Люди, по Махоркину, в основном обладают самым низким интеллектом, их потребности примитивны, а современное человечество выродилось безнадежно — люди истребляют себя и себе подобных (мотив расширения масштабов уничтожения, войны, ненависти пронизывает повествование): *«...свою вершину человечество*

уже миновало. *Последние тридцать лет оно катится в бездну, набирая скорость. Свет, озарявший души и разум, потускнел. Разгул потребительства и восторги от жалких мыслишек, напоминающих мелкие клочья былого, цельного и даже великого, нынче пискон наполняют Вселенную*». Подобному человечеству нет места в Галактике, и хотя человек — результат случайных космических мутаций, хаоса материи, этот продукт не удался. Единственный путь — создание биоинженерным путем новой человеческой особи с несопоставимым с нынешним, высоким уровнем НИС.

Следует создать принципиально новый тип человека, и это берет на себя Махоркин из Сивой Маски. Продуктом нанокупажа станет Соло Моно. Поначалу Махоркин еще осознает, что ему не под силу создать нового человека, что все планы лишь игра его воображения: *«Я мечтаю совершенствовать свой вид, то есть сивомасковцев, во всем мире, но отлично понимаю, что для этого у меня нет Времени, и вот я нашел успокаивающий меня компромисс: мне важно не столько само физическое перерождение, изменение собственной сути, сколько постоянное размышление об этом невероятном чуде...»*

От непрекращающегося внутреннего монолога героя время от времени отвлекают события, составляющие некое развитие сюжета, мы подчеркиваем «некое», поскольку ведущим движением сюжета является развитие самого Махоркина от мечтаний к полному подчинению собственной идее.

Моментами герой удивляется самому себе, декларируя одиночество как единственно приемлемую для него форму существования. Одиночество Махоркина абсолютно. Собственно, все герои А.Потёмкина одиноки, но в данном случае оно непробиваемо. Да и персонажи, появившиеся на страницах романа, лишь подтвержда-

ют — одиночество абсолютно, каждый бредет сам по мрачной тайге своих переживаний и мыслей. Природная тайга здесь ни при чем — она величественна и прекрасна, Махоркин изредка ощущает ее красоту, он чувствует повадки зверей. Но это также затрагивает его «по касательной». Тайга же его сознания мрачна и непроходима.

Однако постепенно возникает ощущение, что Махоркин по-своему страдает от своей неписанности в реальность. *«Я ничем и никогда во внешнем мире не очаровываюсь, потому что его, мира, я вообще не вижу. Про себя я никогда не восклицал: "Как красиво!" или "Как безобразно!". Когда не замечаешь окружающую действительность, сказать, слава богу, нечего. Молчишь и раскидываешь умом»*. Лишь пару раз он тепло вспоминает библиотекарьшу из родного городка, которая помогала ему. И однажды в его памяти звучит: *«Я лишь эпизодом вспомнил свою бабулю и прервал работу памяти»*, «бабулю», по-видимому сыгравшую главную роль в его детстве. Остальные люди лишь ошибка мутаций.

Все в герое противоречиво и нескладно. С одной стороны, соотечественники его вообще не интересуют, с другой — он размышляет об экономическом кризисе, о котором при его образе жизни никак не должен заботиться. Возникает вопрос: а не эмоциональная ли тупость присуща Махоркину? Как известно, это понятие из области психиатрии, симптом тяжелых заболеваний.

Да и свою идею герой часто называет навязчивой. Но чем дальше, тем больше она охватывает его целиком. *«Их (то есть сивомасковцев. — М. Ф.) для меня нет. Моя мечта — быть их противоположностью. И все! Единственная моя мысль, которая вызовет у них неприязнь ко мне, так это что я в своем сознании, а не публично утверждаю: сивомасковцы — не конец эволюции, довольно скоро появится новое существо Соло Моно, мой приемный*

сын». Писатель мастерски прослеживает, как сознание Махоркина становится все более воспаленным, герой моментами осознает это, но все реже и реже. Постепенно проявляются черты мании величия. Махоркин начинает верить, что именно он создаст Соло Моно.

Если одной из целей автора было создание ощущения безысходности, это удалось блестяще — читатель словно продирается через тайгу вместе с Махоркиным, тайгу реальную и непроходимую тайгу его воспаленного сознания. И постоянно герой видит перед собой полотна Сальвадора Дали, которые становятся лейтмотивом наррации, а возможно, и ключом к пониманию видений Махоркина. В романе, как у А. Потёмкина во всех произведениях, просматривается широкий культурологический ареал — переключки с Ницше, Хайдеггером, Федоровым, современными философами, сюжетные и персонажные цитаты из Гоголя, Салтыкова-Щедрина, из Маркеса. И конечно, Достоевский, который, словно закулисный персонаж, присутствует в ткани романа, а его наследие является ведущим интертекстом.

Роман «Соло Моно» — еще более резкий и безжалостный, чем остальные произведения писателя. Если раньше А. Потёмкин размышлял о падении человека внутри человеческих категорий и оценок, то ныне писатель представил персонаж, выведенный из системы человеческих чувств и ценностей. Если в центре предыдущих романов была прежде всего судьба России, то в «Соло Моно» выносятся приговор нынешнему состоянию и «исчерпанности» всего человечества. Роман программный, написанный в уже известном нам авторском жанре — вплетенное во все пласты художественной ткани философское обоснование, препарирование разрушенного мира и человека в нем. Отдельного персонажа и всего человечества в целом.

Возникает вопрос: почему мысли и идеи, которые тревожат самого автора, доверены «пораженцу», человеку убогому? Божественную миссию создания нового человека берет на себя некто, не верящий в Создателя. Но если взглянуть с иной точки зрения — с позиции гуманистической русской литературы, — перед нами несчастный, недолюбленный, недоласканный человек, возможно, с большим нереализованным потенциалом. Однако потенциал этот направлен на несоизмеримые с человеческим масштабом идеи, которые, созидательные по замыслу, оказываются для него разрушительными. Он мечтал расселить свое творение по всему Космосу, а бездна Космоса и безграничное Время обернулись для него тупиком. Хотя в своей творческой мысли Александр Потёмкин почти всегда непредсказуем. Возможно, такой персонаж, пребывающий на грани полета интеллекта и мерцающего, воспаленного сознания, и может быть глашатаем прорыва в новые перспективы?

Многие вопросы остаются без ответа. В наши дни, когда всем мыслящим людям очевидно, что человечество достигло грани, за которой или бездна, или поиски принципиально новых путей, когда искусственный интеллект несет в себе реальную угрозу, которая, быть может, не за горами, размышления о возможных путях весьма актуальны. И роман А. Потёмкина погружает в самые тяжелые, но неизбежные раздумья человечества.

Ведь, возможно, из дремучего таежного сознания есть выход. И раз человечество, по крайней мере, нужно не уничтожить, а улучшить, это может быть путем к надежде.

МАРИЯ ФИЛИНА,
ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОР ТГУ им. Ив. Джавахишвили

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	5
<i>От издателя</i>	6
Бегство в картину Дали. <i>Капитолина Кокшенёва</i>	7
Соло Моно	17
Ното ли Solo? <i>Мария Филина</i>	341

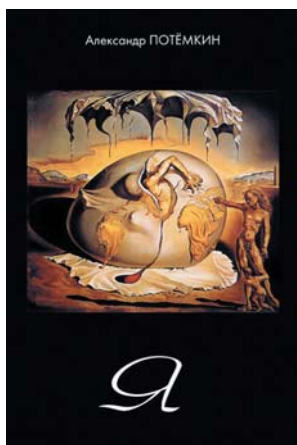
Для обогащения

души и разума

читайте книги

Александра Потёмкина

Наши книги вы можете найти в книжных магазинах,
заказать в ИД «ПоРог» по тел.
8 (495) 611-35-11, 8 (917) 546-12-12
или на сайте www.idporog.ru

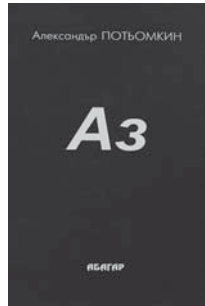
«Я»,
ПОВЕСТЬ

«Я» французское издание,
издательство
«HACHETTE Littératures»

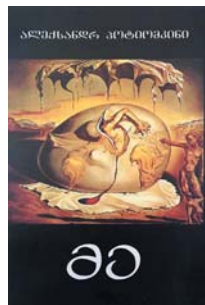
«Я» сербское издание,
издательство «Глобосино»

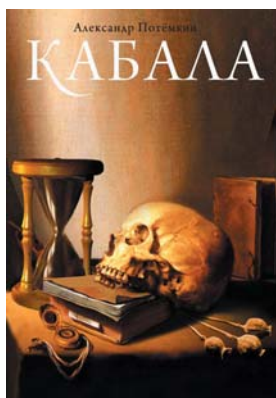
«Я» болгарское издание,
издательство «Абагар»

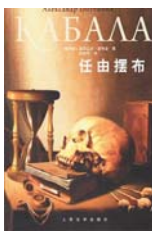
«Я» японское издание,
издательство «Гундзося»

«Я» грузинское издание,
издательство «Грузинское мацне»

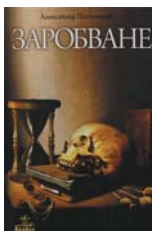
«КАБАЛА»,
РОМАН

«Кабала» китайское издание,
издательство «Народная литература»

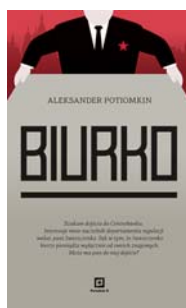
«Кабала» английское издание

«Кабала» болгарское издание,
издательство «Анубис»

«СТОЛ»,
ПОВЕСТЬ

«Стол» польское издание,
издательство «Poradnia K»

«Стол»
немецкое издание

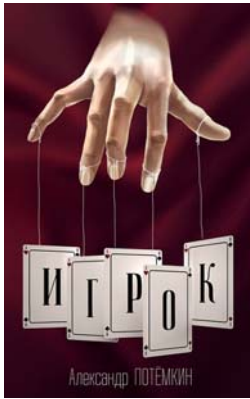
«РУССКИЙ
ПАЦИЕНТ»,
РОМАН

«Русский пациент»
грузинское издание,
издательство «Интеллект»

«Русский пациент»
казахское издание,
издательство «Идеал-ИС 2009»

«ИГРОК»,
ПОВЕСТЬ

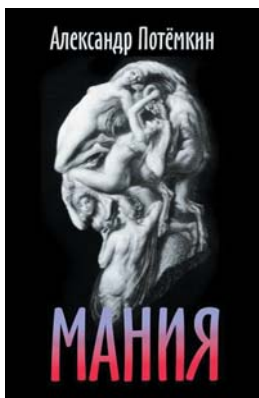
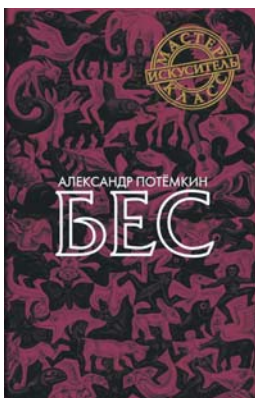

«Игрок» польское издание,
издательство «Poradnia K»

«ОТРЕШЕННЫЙ»,
*СБОРНИК
РАССКАЗОВ*

«БЕС»,
ПОВЕСТЬ

«МАНИЯ»,
ПОВЕСТЬ

«ИЗГОЙ»,
РОМАН

**«ЧЕЛОВЕК
ОТМЕНЯЕТСЯ»,**
РОМАН

**«ВИРТУАЛЬНАЯ
ЭКОНОМИКА»**

**«ЭЛИТНАЯ
ЭКОНОМИКА»**

**«БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ
ЭКОНОМИКА»**

Литературный редактор
Виктория Сагалова

Креативный директор
Манана Потёмкина

Художественное оформление
Татьяна Николаюк

Свежая голова
Елена Бекташянц

Издательский Дом «ПоРог»
Генеральный директор
Мария Скрягина

Коммерческий директор
Филипп Потёмкин

Арт-директор
Анастасия Потёмкина

Рекламный концепт
Анна-Мария Потёмкина

Финансовый концепт
Ольга Кароза

Генеральный литературный агент
Мила Ротшильд

Главный юрист
Александр Антипов

Зарубежные связи
Тамила Джаниашвили

Компьютерная графика
Дмитрий Шабалин

Корректор
Ирина Яковенко

Макет и верстка
Евгения Яковенко

Фотограф
Платон Шиликов

Александр Потёмкин

СОЛО МОНО

ПУТЕШЕСТВИЕ СОЗНАНИЯ ПОРАЖЕНЦА

Подписано к печати 10.04.2017.
Формат 84x108/32. Бумага мелованная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,9.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 8714/17.

Издательский Дом «ПоРог»
Москва, 127206, Дмитровский пр., д. 20, к. 2
www.idporog.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс №3А, www.pareto-print.ru